
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Московский ордена Ленина электроламповый завод. Зал сборки ламп дневного света.

Фото А. Гостева

(См. фотоочерк в этом номере.)

На первой странице обложки: Договор социалистического соревнования на 1952 год от имени своих коллективов заключают мастера стахановских сборочных участков М. А. Старовойтов и Ф. М. Фомичев. Московский тормозной завод имени Л. М. Кагановича.

Фото С. Фридлянда

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 2 (1283)
6 ЯНВАРЯ 1952
30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Зимний отдых советской детворы

Окончилась вторая четверть учебного года. Наступили зимние каникулы — веселая пора отдыха советской детворы.

Огромная елка, сияющая сотнями разноцветных огней, стоит в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Гремит музыка, кружатся хороводы. Ребятам раздают подарки, показывают театрализованные представления, кинофильмы. Сто тысяч юных москвичей побывают здесь во время зимних каникул.

Зимние каникулы пионеров и школьников весело проходят во всех городах и селах нашей страны. В школах, клубах, домах культуры приветливо светятся огни елок, звенят песни детворы.

В Ереване Дворец пионеров проводит со школьниками экскурсии по заводам, выполняющим заказы строек коммунизма, ребята встречаются со стахановцами, новаторами производства. Русский драматический театр в Ереване показывает детям новый спектакль «Ее друзья», в Театре юного зрителя идет пьеса «Суворовцы».

В Ставрополе в дни каникул проходит большой детский кинофестиваль. Здешний Дом пионеров организует конкурс на лучшее исполнение детьми песен и плясок.

В дни каникул школьники отдыхают на свежем воздухе, занимаются спортом. Во многих городах на дворах залиты ледяные хоккейные площадки, дорожки для конькобежцев, а для малышей построены горки, карусели с санками.

Спортсмены-школьники состязаются в беге на лыжах. Начались Всесоюзные лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда».

Для зимнего отдыха детворы открыто множество загородных лагерей.

Окрепшие, посвежевшие, с новым запасом сил вернутся школьники в классы к началу занятий.

Лыжный поход учеников Деденевской средней школы (Дмитровский район, Московской области) по маршруту Деденево — Загорск протяжением 70 километров. На первом плане: ученики-отличники 9-го класса Раиса Кузьмина и Александр Павлюков.

В Центральном театре кукол ребята смотрят спектакль «По щучьему веленью».

Ученики Ногатинской средней школы (Ленинский район, Московской области) приехали в Москву на экскурсию в Третьяковскую галерею. На снимке: группа школьников в одном из залов Всесоюзной художественной выставки 1951 года.

Фото Я. Рюмкина и Б. Кузьмина.

ПЕРВАЯ БЛАГ

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Фото А. Гостева

После окончания речного училища Леня Бобров получил завидное назначение. Его послали на землесос в Цимлянскую, на постройку плотины через Дон. Леня не сразу попал в Цимлянскую. Два дня он просидел в Калаче, дожидаясь буксирного парохода.

Буксир должен был придти с верховьев Дона и идти дальше в Цимлянскую. Но буксир задерживался, и Леня впал в уныние. Часами он просиживал в маленькой белой будке на берегу Дона, где работала девушка — речной диспетчер.

Девушка жалела Леню Боброва, но ничем не могла ему помочь. Вниз по Дону пассажирских рейсов уже не было. Дон на этом своем плёсе доживал последние месяцы. Станицы ушли от него в глубь материка и растянулись цепью по будущему морскому берегу.

Дон очень медленно нес свою зеленоватую воду и останавливался в омутах у берегов, как бы оглядывая в последний раз знакомые места.

В конце концов Леня сел на поезд, поехал в Морозовскую, а оттуда — по новой железнодорожной линии до Цимлянского строительства.

Линия эта была недавно построена. Леня, сидя в открытых дверях товарного вагона, все время удивлялся. Удивлялся необыкновенно длинным составам. Они тянулись на километр и больше. Удивлялся тому, что такие составы вел только один паровоз, а не два, как это полагалось. Удивлялся силе паровозов. Только по высоким струям свистящего пара, летевшим в небо, было видно, с каким напряжением они работали.

Кондуктор в пыльном балахоне объяснил Лене Боброву, в чем тут дело. Строительству надо непрерывно подавать материалы. Двойная тяга потребовала бы вдвое больше паровозов, и потому вдвое бы уменьшилось число поездов.

— А мы рискнули,— сказал кондуктор,— хотя начальство несколько и опасалось, и вот — водим! Поезда идут у нас цепью, как в московском метро.

Кондуктор был прав. Когда поезд брал подъем, то с перевальной его точки открывалась степь и железнодорожная линия до самого горизонта. И над ней были видны тугие клубы пара от нескольких горячих широкогрудых паровозов, тянувших тяжелые поезда.

Чем ближе к Дону, тем чаще стали попадаться сваленные около полотна длинные стальные полосы с загнутыми краями — шпунты. Они лежали в сухой траве.

Кондуктор снова объяснил Лене, что эти полосы забивают в песчаное дно Дона перед плотиной на большую глубину. Забивают, пока они не дойдут до твердых пластов мергеля. И забивают так, чтобы один шпунт вошел в закраину соседнего шпунта плотно, не оставляя щели, куда могла бы просочиться вода.

Таким образом, в дне реки возникает стальная стена. Делается это для того, чтобы наглухо закупорить подземные воды. Иначе они могут подмыть плотину. Шпунтов подвозят так много, что они уже не помещаются на площадке строительства и пока что лежат здесь. Отсюда их по мере надобности отправляют к плотине.

Леня слушал и удивлялся.

Поезд вошел в глубокую выемку, начал спускаться к Дону, и за одним из поворотов перед Леней неожиданно развернулась вся картина строительства.

Леня встал и крепко схватился за болт около двери. Он не знал, куда глядеть.

Сначала ему показалось, что тысячи машин и людей роют здесь огромный кратер к центру земли, как в каком-нибудь фантастическом романе Жюля Верна.

Все вокруг было затянуто слабым туманом. В этот туман уходила и терялась в нем высокая песчаная дамба — тело плотины. Широкие железные трубы тянулись к ней. Они проходили под полотном железной дороги, подымали на подпорки свои черные хоботы, и из этих труб хлестали на плотину потоки мутной воды.

Леня сообразил, что это землесосы наращивают тело плотины и что вот это и есть его будущая работа.

Вода сливалась с насыпи в мелкие озера. Из них ее выкачивали обратно в Дон. На плотине были видны машины. Они уплотняли и выравнивали дамбу.

А дальше, за навалами земли, за зеленоватым бледным Доном, высились эстакады, прозрачные стены из железных прутьев — арматура бетонной плотины, шеи экскаваторов, стояла пыль, и в этой пыли сверкали колючими звездами огни сварки. И даже сюда, за Дон, долетал глухой и непрерывный гул строительства.

Из поезда Леня вылез совершенно оглушенный. Куда идти? Можно было запутаться в переплетении дорог, политых нефтью, среди складов, штабелей стальных балок и леса, рельсовых путей, шлагбаумов, грузовых машин с бетоном, тракторов, стремительных мотовозов, товарных составов, железных труб, бочек, гор песка и морской гальки.

Человек, весь белый от бетонной пыли и потому похожий на призрак, взял Леню за руку, подвел к лежавшей на земле, как черная змея, трубе, уходившей куда-то к Дону, и сказал:

— Вот! Иди по этой трубе до первого земснаряда. А там спросишь.

Так Леня попал на свой землесос. И снова удивился. Начальником землесоса оказался загорелый юноша в морской форме Леонид Матвейчук, тогда как Леня ожидал встретить пожилого капитана.

Матвейчук поздоровался с Леней, мельком осмотрел его, похлопал по плечу свернутой в трубку газетой и сказал:

— Добро! У нас земснаряд молодежный. Так что следует показывать только наивысшую марку. Понятно?

— Понятно,— ответил Леня.

— Переходящее знамя у нас в каюте. Стоит прочно. И никуда не уйдет до конца строительства. Это тоже следует знать. Понятно?

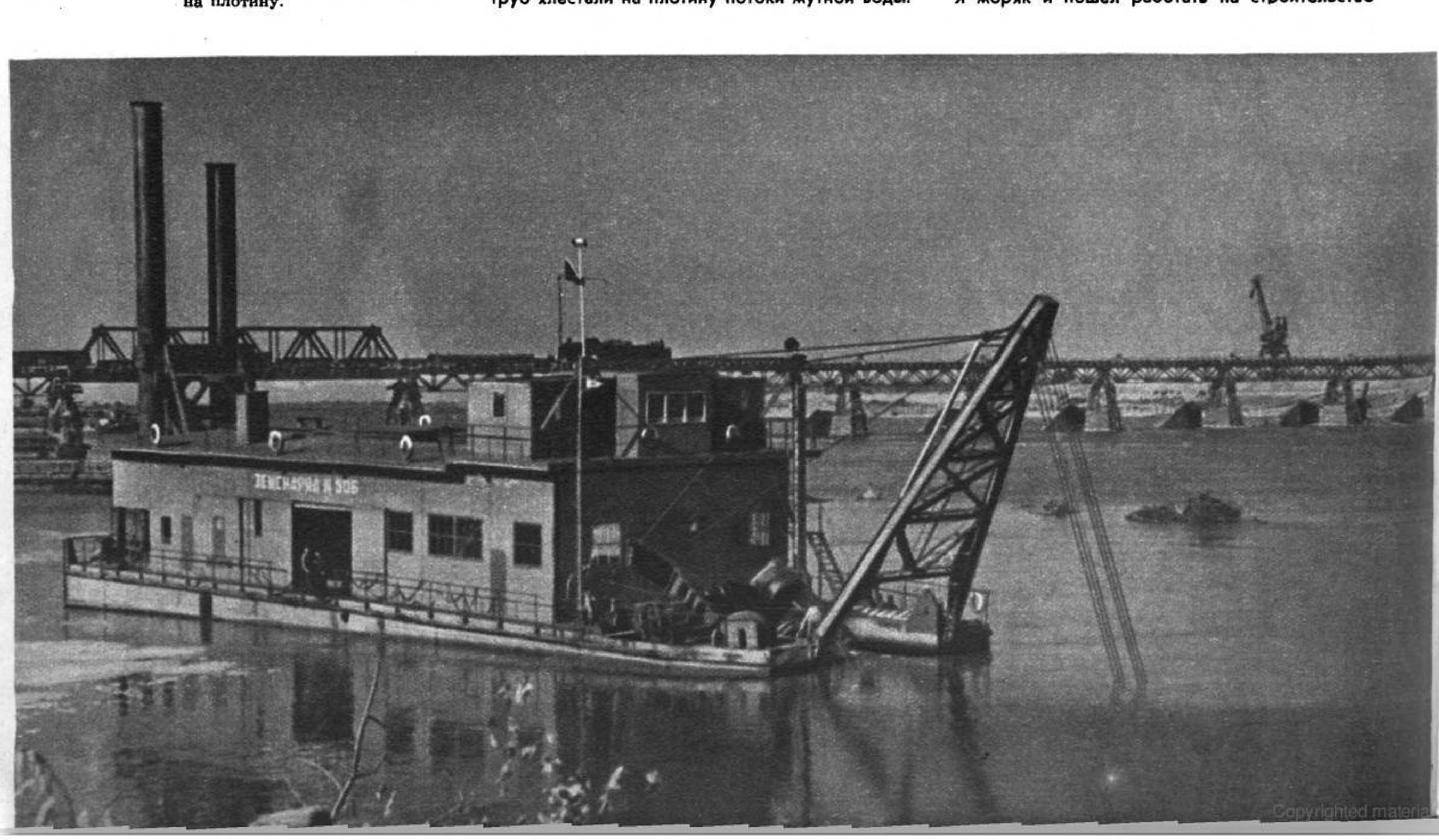
— Понятно,— снова ответил Леня.

— Сильно удивляетесь,— спросил Матвейчук,— что я моряк, а работаю здесь на землесосе?

— Да нет,— неуверенно ответил Леня.— Чего ж удивляться, товарищ начальник?

— Вижу, что удивляетесь. Поэтому объясню. Я моряк и пошел работать на строительство

Днем и ночью мощные землесосы гонят пульпу на плотину.

ОДАРНОСТЬ

добровольно. На море отплаваю, когда закончим строительство. Понятно?

— Понятно,— в третий раз ответил Леня.

— А теперь идите обедать. Борщ со свининой и жареный судак. После обеда явитесь к багермейстеру. Он вас поставит на дело. Понятно?

— Понятно,— в четвертый и последний раз ответил Леня.

С этого часа и началась его работа на землесосе.

Землесос стоял в вырытом им самим мутном заливе Дона и качал на плотину по трубам пульпу с речного дна. До плотины было три километра.

На плотине сидел наблюдатель и время от времени передавал на землесос по телефону, как идет намыв.

Через час Леня уже знал от багермейстера Арутуняна, что землесос должен подавать на плотину триста кубометров грунта в час, на деле же подает в два раза больше.

Да, это вам не те землесосы, что работали на Днепрострое и выжимали за час всего сто кубометров грунта!

По внешнему виду землесос напоминал Лене тяжелый старинный монитор. И Леня по молодости лет, стоя на палубе землесоса и слушая гул машин, представлял себя на мониторе. Представлял себя суровым, с железным взглядом моряком, сосущим трубку и зорко вглядывающимся в бушующую морскую даль.

Но долго мечтать об этом не приходилось. Надо было не менее зорко, чем этому воображаемому морскому волку, следить за морем, наблюдать за пловучей частью трубы. Она лежала на плотах между землесосом и берегом.

Леня вскоре так привязался к своему землесосу, что даже не очень завидовал тем товарищам, которые, как он знал, работали на гигантских землесосах под Сталинградом. Те землесосы намывали за час 1 200 кубометров грунта и заменяли труд 25 тысяч человек.

Несколько раз Матвейчук посылал Леню на плотину следить за работой пульпопровода.

Леня уже привык к огромности плотины. Она протянулась через всю пойму Дона на тринадцать с лишним километров от одного материкового берега до другого. Большая часть плотины была уже готова, и теперь ее доводили до полной высоты, а кое-где уже начали облицовывать бетонными плитами.

В средней своей части земляная плотина смыкалась с бетонной — высотой в сорок метров и длиной в пятьсот метров. Ее громада лежала в котловане, как исполинский серый левиафан. На ней уже начали сооружать гидростанцию.

Все здесь потрясало сознание человека. Мысль невольно обращалась к тем людям, что составили проекты и расчеты этих сооружений.

Трудно было представить себе, какое понадобилось усилие мысли, какая бездна знаний и какая беспощадная точность и талант предвидения, чтобы составить эти проекты. И какое могучее воображение! Гораздо более гибкое, чем у художника, писателя или поэта. Хотя бы потому, что в деле строительства воображение должно было подчиняться точным законам физики, биохимии, геологии, математики, механики, гидрологии, металлургии, гидравлики, равно как и законам многих других наук.

Казалось, что для разработки такого проекта нужно было обладать всей суммой человеческих познаний — от знания электродинамики до знания повадок пресноводных рыб.

Этими знаниями должны были обладать проектировщики. Строители кроме того должны были быть еще хорошими организаторами и психологами, потому что им приходилось иметь дело с тысячами людей.

Да, все здесь потрясало сознание. Не только самоотверженный труд людей, но и сложнейшие механизмы и исполинские, почти космические массы бетона.

Бетон был основой основ строительства. Только в плотину на Дону и в гидростанцию к моменту пропуска Дона через бетонные сооружения было уложено около 800 тысяч кубических метров железобетона. А во все плотины основных строек коммунизма и магистральные каналы будет уложено около 20 миллионов кубометров бетона.

Это были горы бетона — величины, доселе невиданные и неслыханные на земном шаре.

Бетон для плотины изготовлялся на автоматических заводах. На Цимлянском гидроузле работало их восемь. Главный автоматический бетонный завод был первым в Советском Союзе по мощности. Он выпускал в сутки 7 тысяч кубометров бетона. На нем вместо прежних сотен рабочих управляло механизмами всего несколько человек.

Бетон! Непрерывной лавиной он лился в тело плотины. Сотни грузовых машин, самосвалов и мотовозов везли жидкий бетон с заводов в котлован.

Бетон низвергался с эстакад, с транспортеров, лотков и виброхоботов зеленоватым тестом, пучился и дрожал от электровибраторов, потом залегал, успокаивался и через короткое время превращался в звонкий сухой монолит такой прочности, что от удара молотком из него высекались искры.

Происходило чудесное образование камня из жидкой массы. Плотина была как бы высечена из единого исполинского куска этого камня. Но никого это уже не удивляло, кроме таких новичков, как Леня.

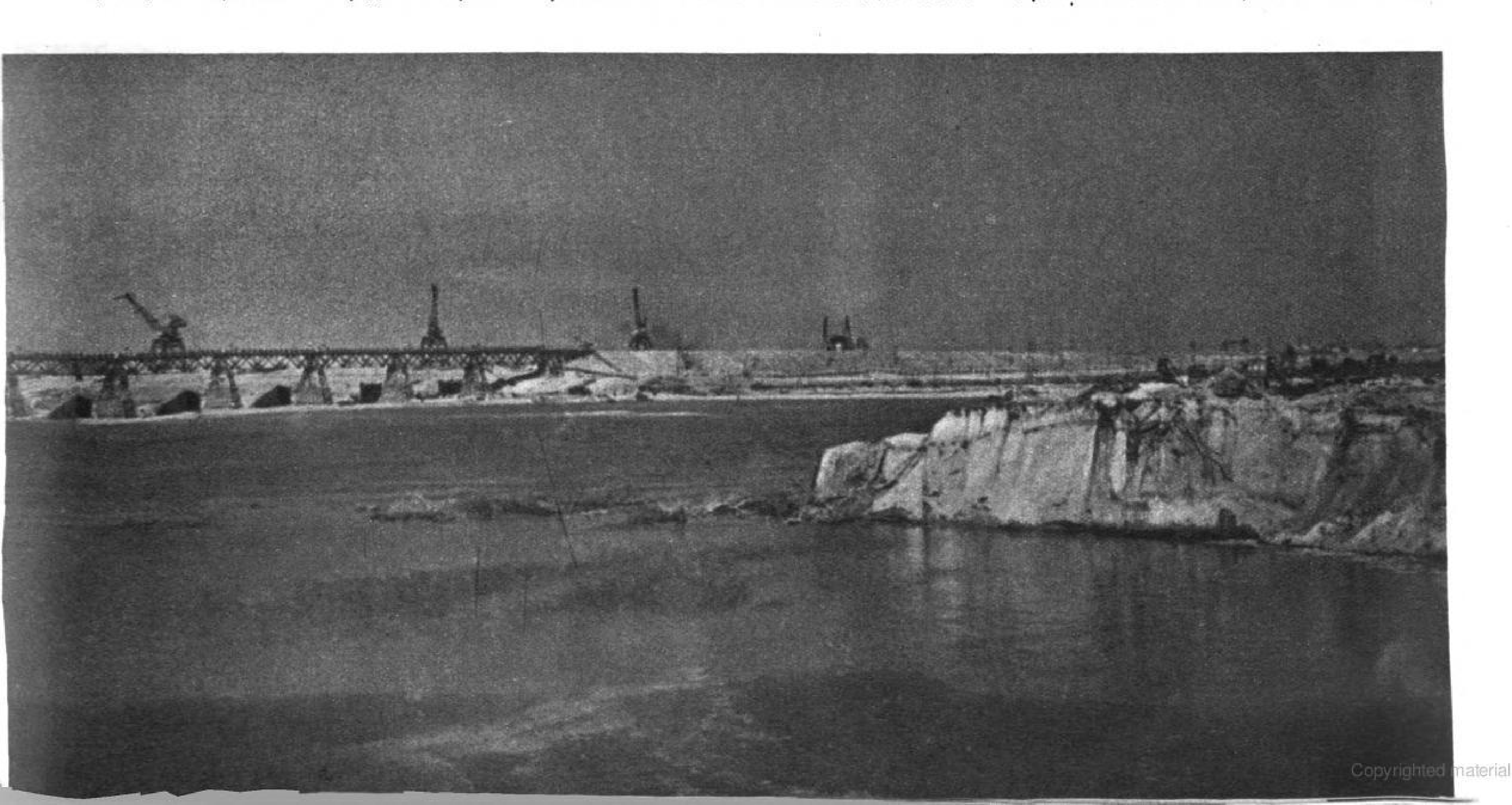
Человек делал своими руками чудеса, но называл их работой. Это слово заменило все прежние слова, выражавшие самые удивительные явления в жизни,— такие слова, как «чудо», «волшебство», «вдохновение», «гениальная мысль», «вершины мастерства и искусства». Все это теперь было повседневной работой, самым обычным трудом человека.

Если бы создателю Цимлянского моря сказать, что он делает чудо, то он или пожал бы в недоумении плечами, удивляясь старомодности этого выражения, или, в лучшем случае, снисходительно улыбнулся, посчитав своего собеседника чудаком.

В ответ он заговорил бы, наверное, о том, что строителям гидроузла удалось покончить с узаконенным веками понятием об очередности работ и произвести этим своего рода революцию в строительном деле.

По старинке полагалось не начинать другой работы, пока не окончена первая. Возьмем, например, сооружение земляной плотины. Сначала было бы сооружено тело плотины, потом пришли бы рабочие и начали бы проводить по ее откосам дренаж, а когда дренажники закончили бы свою работу, их бы сменили облицовщики. Все бы шло «своим порядком», последовательно и, конечно, с потерей времени.

А выигрыш времени — закон советского строительства. Оказалось, что вполне возмож-

но без ущерба для прочности сооружений вести все эти работы одновременно.

Если вам угодно, называйте этот способ работы чудом. Но ничего в нем нет волшебного. А есть простой расчет и ясная мысль.

Матвейчук все чаще посылал Леню на плотину. Там Леня следил за работой пульпопроводов и каждый раз нервничал. Ему все казалось, что их землесос не работает на полную мощность и не «дает жизни» так, как ему следовало бы ее давать. А между тем наращивание плотины шло со скоростью, превышающей все расчеты: по 50—60 сантиметров в сутки вместо 30 сантиметров.

У землесоса уже было свое героическое прошлое. Леня жалел, что приехал к окончанию работ и не был участником прошлогодних зимних событий на строительстве и не видел весеннего разлива Дона, грозившего смыть плотину.

Дон тогда осатанел. Вода неслась с бешеной скоростью. Плотину спасли только новыми перемычками и насосами. Это был всеобщий подвиг строителей. А Леня мечтал о таких делах, когда надо было бросаться навстречу опасности и совершенно забывать о себе. Он думал, что так вот и на войне люди идут в самые отчаянные места и побеждают.

Зимой ничего выдающегося не было, но, судя по рассказам Матвейчука, «работенка была трудная».

Землесос, как ледокол, ломал своим корпусом лед и непрерывно качал пульпу. Если летом еще можно было останавливаться, то зимой это было немыслимо. При остановке хотя бы на несколько минут песок с водой в трубах, протянутых на километры, неминуемо бы замерз, а вместе с тем обледенел бы и верхний, только что намытый пласт грунта на плотине, на так называемой карте намыва.

Этого нельзя было допускать. Экипаж землесоса напряженно следил за работой машин и предупреждал все возможные заминки. Машины должны были работать, как хронометры,— и дни и ночи.

А ночи были ветреные, хмурые. Из степей несло то сухой снег, то колючую крупу. Тучи опускались так низко, что закрывали по временам стрелы экскаваторов.

Короткие дни казались седыми от изморози. Серый снег, смешанный с песком и глиной, угрюмо и тихо лежал на земле, на бетонных массивах, на машинах и берегах Дона. Из-под этого снега лишь кое-где торчал бурьян.

Что говорить, трудная была зима. Особенно зимние ночи. Но трудна была и весна, когда земля оттаяла и превратилась в ползущий под ногами и колесами жидкий клей.

Да и при Лене Боброве выдавались трудные дни. Кончался 1951 год — последний год, «строительства моря». Пришла зима, но Дон долго не замерзал, снегу не было. Однажды задул с верховьев Дона сильный ветер. Он сорвался внезапно и поднял над котлованом смерчи холодной пыли. Он завил эту пыль и понес ее в степь — порошить глаза, ослеплять водителей машин, шуметь в траве, засыпать дороги.

К вечеру ветер усилился. По Дону катились мутные, пенные волны. А к ночи ветер дул уже не порывами, а упорным тугим потоком.

Леня стоял ночью на вахте. Пронзительно визжали тросы. Волны гремели о борт. Временами ветер наваливался на Леню с такой грубой яростью, что приходилось крепко вцепляться в поручни, чтобы устоять на ногах.

Торопливо качались от ветра сотни огней на строительстве и в поселке Ново-Соленовске. Казалось, ветер, взяв могучий разгон по степям, пытается погасить все эти огни и поднять к небу все навалы земли, чтобы снова, как десятки и сотни лет назад, свободно бушевать и хозяйничать над Доном.

Но огни не гасли. Они сопротивлялись ветру, и гул его не мог заглушить не только шума строительства, но даже автомобильных гудков. Они доносились до землесоса и говорили о том, что машины в эту ненастную ночь непрерывно подвозят бетон и никакой ураган не сможет остановить поток этого бетона.

Потом в шум ветра, лязг цепей и разноголосый крик береговых машин вошел новый звук. Леня прислушался. Из того места, где трубы лежали на понтонах на воде, доносилось шипение. Из труб рвался воздух.

Леня бросился к Матвейчуку. Через минуту все выяснилось: волны раскачали понтоны и разболтали соединения между трубами. Из них хлестали фонтаны песка и воды.

Запасные трубы стояли на плотах у берега. Надо было заменить ими поврежденные.

Арутюнян вместе с Леней соскочил в темноте в лодку. Ее бестолково швыряло и било о борт землесоса.

Волна вырывала у Лени из рук весла. Леня греб изо всех сил и даже стонал: нельзя было ни на секунду остановиться, иначе ветер рванул бы лодку и унес вниз по Дону.

Но самое трудное было впереди, когда Арутюнян расчалил плоты с запасными трубами и их пришлось тащить к землесосу.

Это была, как говорят моряки, «самая подходящая работка для хлюпиков».

Ветер совершенно обезумел и так лепил брызгами в лицо, что Леня почти ослеп. Они гребли вместе с Арутюняном. Кожа на ладонях была стерта до крови.

— Проклятый, проклятый, проклятый! — бормотал Леня при каждом взмахе весла, проклиная наглый и разухабистый ветер.

На помощь пришла вторая лодка. Трубы сменили, и после короткого перебоя песок с водой снова понесся по ним вверх, на отлогий берег, на невидимую в темноте плотину.

Матвейчук похлопал Леню по плечу свернутой в трубку газетой и сказал:

— Получишь благодарность в приказе. Понятно?

— Понятно,— ответил Леня и вытер рукавом мокрое лицо.

Он пошел в кубрик обсушиться. Ему хотелось рассказать кому-нибудь все, что с ним только что случилось. Но сделать этого не удалось, потому что в кубрике никого не было, а под потолком висели гирляндой ослепительные электрические лампочки, приготовленные к встрече Нового года. Они освещали портрет, знакомое всему миру на этом портрете лицо.

Леня начал разуваться, чтобы высушить бутсы, и вдруг смутился: с портрета пристально, чуть прищурившись, смотрели на него смеющиеся проницательные глаза.

Леня незаметно толкнул ногой разбухшие бутсы под койку и поджал ноги. Ему даже как будто послышался неторопливый голос:

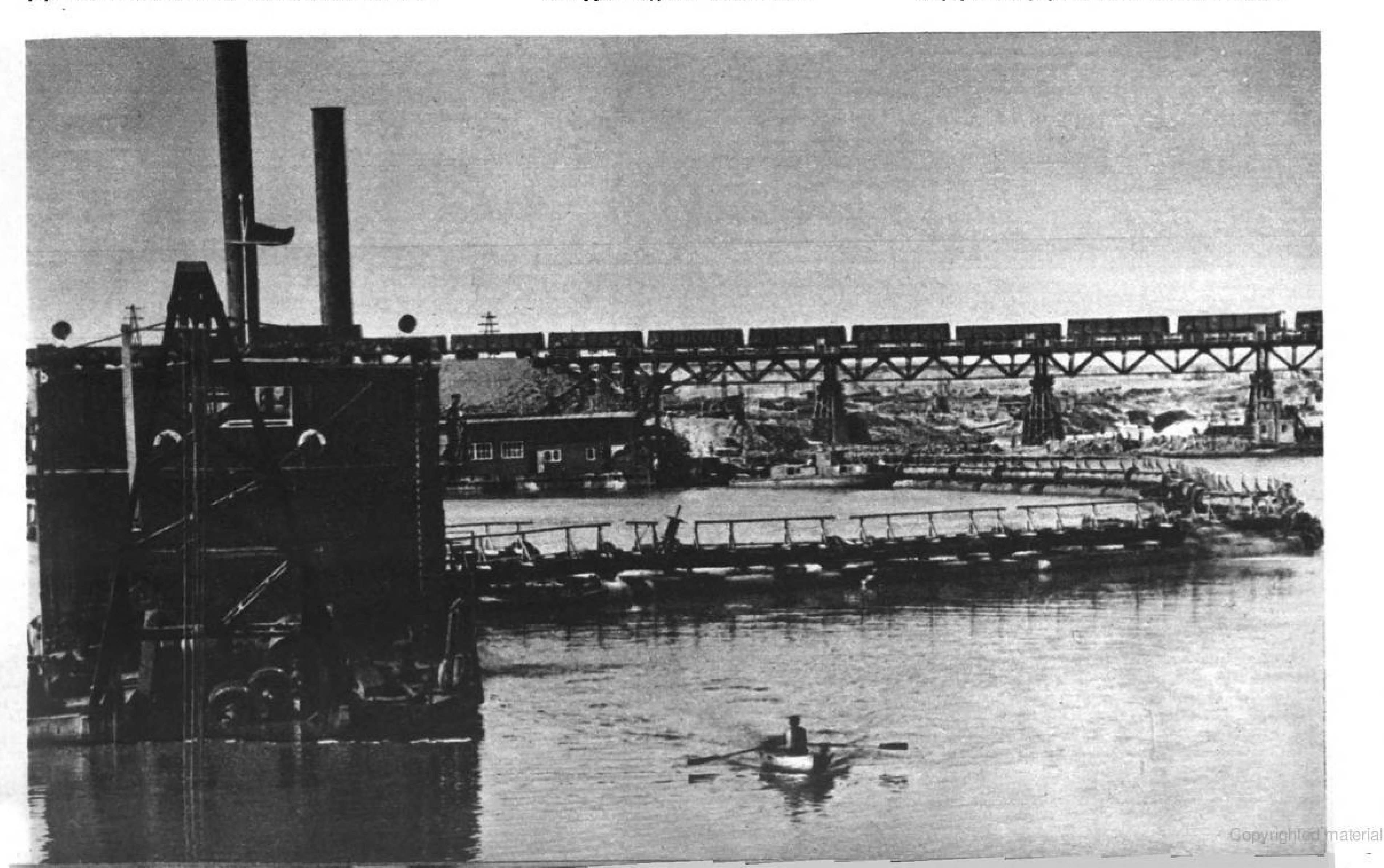
— Что же вы смущаетесь, дорогой товарищ? Вы хорошо поработали. А руки надо вымыть карболовым мылом и перевязать.

— Да я перевяжу, честное слово! — несмело ответил Леня, но в это время ветер ударил с такой силой, что весь землесос запел, закачался, зазвенел и поплыл куда-то в ночь. А звон якорных цепей перешел в звуки торжественного марша.

Когда Арутюнян вошел в кубрик, Леня спал, сидя на койке и поджав под себя ноги.

Арутюнян легонько толкнул Леню на койку, прикрыл бушлатом и вышел. Электрические лампочки все так же сияли, освещая на стене портрет и карту намыва земли на плотине.

По трубам идет земля и песок.

Х. Якупов. И. В. СТАЛИН В ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1951 ГОДА

Кончился год. И, по установившейся традиции, окончание его ознаменовалось открытием Всесоюзной художественной выставки, которую по праву можно назвать всесоюзным творческим отчетом многотысячной армии советских художников. Около 1 300 работ, более 500 участников от всех республик и многих городов нашей страны — таковы лаконичные цифры, говорящие о размахе выставки. За ними стоит еще один год напряженной творческой работы, новые достижения, овладение новой ступенью мастерства, замечательный расцвет советской художественной культуры.

Богаты и разнообразны темы представленных работ. Они говорят о том, что художники шагают в ногу со своим народом, живут его думами и интересами. Крупнейшие историко-революционные события, великие стройки коммунизма, труд и отдых советского человека, преображенные сталинской волей пейзажи — все это оживает вновь в произведениях искусства.

Центральное место на выставке принадлежит произведениям, посвященным нашим вождям, рассказу о Ленине и Сталине.

А. Сегал. ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О МИРЕ.

А. Грицай, В. Ефанов, Л. Котляров, К. Максимов, Б. Ставицкий, П. Судаков и Б. Щербаков. ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР.

У. Тансыкбаев. ВЕЧЕР НА ИССЫК-КУЛЕ.

Е. Табакова. В ЧАС ОТДЫХА (НОВОСТИ ДНЯ).

Л. Мовчун. В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

В. Орешников. ПОРТРЕТ КОРЕЙСКОЙ ПЕВИЦЫ ЧО БЕН СУН.

Мы уже привыкли к тому, что каждая выставка выдвигает новые имена, что каждый год начинает свой путь в рядах мастеров новый отряд молодежи. Радостно отметить, что и в этом году дружно поднялась молодая поросль. Около 30 одних только дипломных работ заслужили право быть представленными на всесоюзном смотре. Успех молодежи, помимо наличия твердых профессиональных навыков, определился ее ответственным отношением к выбору темы и ее разработке.

Необходимо отметить, что все растущая требовательность художников к себе, а значит, и к своему мастерству — характерная черта представленных на выставке произведений.

Выставка 1951 года говорит о том, что многое достигнуто советскими художниками в этом отношении, но что многого еще нужно достигнуть. Бесконечно богата наша действительность, и долг художников — добиваться высокохудожественного, всестороннего ее отражения в произведениях искусства, достойных сталинской эпохи.

* * *

29 декабря в залах Оргкомитета Союза советских художников открылся филиал Всесоюзной художественной выставки.

Наряду со скульптурой и графикой в залах филиала впервые экспонируется цветная художественная фотография. Свыше 40 фотомастеров представили около 150 цветных фотографических работ.

Н. Веселова, В. Загонек, А. Пушнин, Е. Рубин, Ю. Тулин. ЛЕНИНГРАД — ВЕЛИКИМ СТРОЙКАМ КОММУНИЗМА (В ГИДРОТУРБИННОМ ЦЕХЕ ЗАВОДА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА).

Б. Алиев, А. Абдулхалык, А. Зарубин. СДАЧА ХЛОПКА ГОСУДАРСТВУ.

Ю. Непринцев. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН.

К шестой годовщине провозглашения Албании Народной республикой

РАБОТАЕМ ВО ИМЯ МИРА

Сотир ПАПУЛИ,
главный редактор газеты «Башкими»

Когда албанский шахтер прорывает туннель в горах, чтобы построить гидроэлектростанцию; когда каменщик возводит стены промышленного комбината; когда крестьянин обрабатывает поля тракторами, присланными Сталиным; когда учитель воспитывает у нового поколения любовь к Родине, к партии, к народу, к Советскому Союзу; когда поэт и композитор воспевают славу народа Албании, героизм ее рабочего класса,— все это делается во имя мира.

Люди новой Албании всегда помнят слова своего любимого вождя товарища Энвера Ходжа, сказанные в его докладе по случаю 10-й годовщины создания нашей Трудовой партии: «Албанский народ будет защищать мир всеми своими силами, потому что ему мир жизненно необходим. Наш народ — мирный народ, который желает, чтобы ему не мешали трудиться, но вместе с тем он постоянно готов защищать свою жизнь, свою народную республику и ее границы».

С помощью Советского Союза в Албании построены новые железные дороги, новые фабрики, заводы, новые школы, институты, клубы, комбинаты, благоустроенные дома для рабочих. С каждым годом это строительство приобретает все более широкий размах. По пятилетнему плану, который скоро примет Народное собрание, будет создано много новых фабрик и заводов, которые двинут вперед развитие всех отраслей промышленности. Весь народ принимает активное участие в обсуждении этого плана, внося свои конкретные предложения. Наш первый пятилетний план — это путь Албании к социализму!

Опыт советских стахановцев — путеводная звезда для рабочих Албании. Метод знатного советского каменщика Куликова, примененный впервые Николой Негри, распространился на многие отрасли строительного дела. Внедряются скоростные методы производства на заводах. Новые люди — новаторы и рационализаторы производства — гордость нашего рабочего класса, сокровище нашего народа.

Строитель Демир Рука, шахтер Шатир Кампуля и десятки других знатных людей нашей промышленности пахали землю помещиков. Их жизнь была адом. Партия подняла этих простых людей, и сегодня они имеют большой авторитет в нашей стране. Если бы помещики и кулаки, у которых они работали, были живы сейчас, они замерли бы от удивления, увидев в своих батраках воплощение гордости и славы Албании. Но эти угнетатели сломали себе шею, а люди народа — герои труда — счастливо живут и будут жить на своей родине.

В письме, полученном Шатиром Кампули от жены из деревни, говорится: «Вот вы и кончили строить ГЭС имени Ленина. Этим ты и твои товарищи оказали честь своему дому, своей деревне. Но ты должен всегда добиваться новых успехов, потому что таким образом ты держишь высоко знамя ударника и с честью носишь Орден труда, которым тебя наградил Президиум Народного собрания».

Молодой Демир Рука, который работал на строительстве железной дороги, а потом — на комбинате имени Сталина, говорит: «Мы подняли комбинат, но и комбинат возвысил нас. Советские люди, их ценный опыт сделали нас каменщиками-новаторами. Сейчас я выполняю норму на 200 процентов». Этот двадцатилетний юноша, приехав на комбинат, был совершенно неграмотным. Сейчас он кончает школу и слывет одним из лучших специалистов в кладке стен.

— Для этих людей новой Албании труд стал делом чести и славы. Они ни минуты не сомневаются, что выйдут победителями в борьбе за построение социализма, как они вышли победителями в борьбе против фашизма.

Успехи и победы не вскружили голову нашему народу. Народ знает, что против нового, растущего и расцветающего мира стоит старый мир — мир империалистов, убийц народов, мир, которому наступает конец и который старается спасти себя, разжигая пожар новой мировой войны.

Наша страна окружена бешеными врагами, наемниками империализма. Они нагло бряцают оружием, которым снабжают их американо-английские душители малых народов. Непрерывные провокации, засылка в народную республику Албанию диверсантов и шпионов каждый день подтверждают агрессивные планы американского империализма и их сателлитов против нашего народа.

Но албанский народ разрушает эти планы. Он мирно трудится на своей счастливой родине и никогда не позволит нарушить ее мирный труд. Албания — один из борцов международного лагеря мира, во главе которого стоят Советский Союз и великий Сталин. Люди новой Албании не забывают, что они должны быть готовыми защитить мир от фашистских хищников. Пепел наших сожженных деревень, кровь тысяч братьев и сестер, погибших в борьбе против фашистских оккупантов и предателей, героизм наших трудящихся зовут нас всегда быть бдительными.

Советский корабль привез в Албанию промышленное оборудование.

В свободной Албании

Илья КОПАЛИН,
лауреат Сталинской премии, кинорежиссер

Фото Р. Халушакова и А. Семина

На народном празднике

Новая жизнь рождает новые традиции. В Албании теперь каждый год торжественно отмечают день освобождения каждого района. Мне удалось побывать на одном из таких праздников в горном районе южной Албании — в Драшовицах.

Праздник начался вечером. Между двумя горами в долине собралось около пятидесяти тысяч человек. Жители каждого селения располагались отдельно, каждое село своим лагерем. Долина была ярко освещена светом костров, на которых крестьяне готовили праздничный ужин. Тут же были установлены длинные столы, за каждым могли поместиться сотни человек.

Из Тираны на праздник приехали представители партии и правительства, руководители партизанских отрядов, освобождавших этот район. Старые боевые товарищи вспоминали о прошедших боях, говорили о счастливом будущем. Празднично одетые юноши и девушки пели и плясали под звуки национальных оркестров.

Здесь, на празднике в Драшовицах, я встретил старого крестьянина Селим Хасани, партизана и сказителя. В годы войны он потерял одного из своих двух сыновей. Он и сам участвовал в боях за освобождение Албании, и грудь его украшена орденами и медалями.

В этот вечер Селим Хасани с большим вдохновением читал свои сказы. Он прославлял подвиги соотечественников, воспевал великого Сталина, Советский Союз, победа которого над фашизмом открыла албанскому народу путь к свободной, счастливой жизни. Старик не пользовался записями, слова как бы сами лились из его сердца.

Когда мы возвращались с праздника в Тирану, один из спутников сказал мне:

— Мы не хотели омрачать радости старика и не сказали ему о постигшем его новом горе. Единственный оставшийся у него сын, служивший на югославской границе, убит сегодня титовскими бандитами.

Позднее я узнал, что от старика в тот день все же не удалось скрыть эту утрату. Он узнал о гибели сына в разгар праздника. Албанцы считают слезы проявлением слабости, недостойной мужчины, и старик не заплакал. Он попросил только, чтобы его отвезли на могилу сына. Безмолвно поклонившись его праху, Селим Хасани, сопровождаемый десятками друзей, вернулся в свою деревню.

Героический албанский народ, принесший немало жертв в борьбе за свое освобождение, бдительно охраняет свою землю от наглых посягательств титовских фашистов.

Свет и вода Селиты

Иноземные завоеватели веками грабили Албанию. Тирана постоянно испытывала недостаток воды и электроэнергии. Жители Тираны пользовались тепловатой, мутной, невкусной водой, вызывавшей эпидемии желудочных заболеваний.

Правительство Народной Албании успешно решило проблему снабжения столицы водой и электроэнергией. В 45 километрах от Тираны в горах Дайти и Еканит течет бурная речка Селита. Советские инженеры помогли албанским специалистам составить проект использования энергии реки.

В горах Дайти и Еканит загремели взрывы. В сложных геологических условиях сооружен туннель и проложены трубы длиной в несколько десятков километров. По этим трубам вода Селиты попадает в турбины первой в Албании гидроэлектростанции имени Ленина. А затем снова по трубам течет в столицу.

Строительство гидроэлектростан-

(Окончание на девятой странице)

8 января 1952 года исполняется 50 лет со дня рождения ГЕОРГИЯ МАКСИМИЛИАНОВИЧА МАЛЕНКОВА, члена Политбюро ЦК ВКП(б
секретаря ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Фото Г. Вайля

В сельском магазине. Колхозницы сельхозартели имени Сталина, Дмитровского района, Московской области (слева направо), Александра Сивалкина, Зинаида Мельникова и Мария Хорошева выбирают материал на платье в магазине села Деденево. У прилавка продавец Евдокия Федоровна Сидорова.

Фото Я. Рюмкина

Электростанция имени В. И. Ленина.

ции стало школой патриотического труда для сотен граждан Албании. Вчерашние крестьяне, знавшие только свою соху, освоили сложные профессии проходчиков, бурильщиков, сварщиков, монтажников, бетонщиков. На стройке выросла целая армия квалифицированных строителей.

7 ноября, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, в пять часов тридцать минут, когда с гор уже спустились осенние сумерки, Энвер Ходжа перерезал ленточку, закрывавшую вход в машинное отделение. Главный инженер дал приказ: «Включить ток Тиране!» И в городе ярко загорелись вновь установленные фонари; радостно засияли гирлянды электрических лампочек, свет озарил окраины, всегда утопавшие в темноте. У входа в туннель электростанции и по улицам Тираны прокатились громкое ура и здравицы в честь товарищей Сталина и Энвера Ходжа.

В Тирану пришла вода, чистая и прозрачная. У водоразборных колонок столпились мужчины, женщины, дети. В этот день каждый отведывал воду Селиты, как редкое, дорогое вино!

Тирана ликовала до поздней ночи. На улицах и площадях играла музыка, пела и веселилась молодежь. А над гидростанцией, принесшей городу свет и воду, ярко горело имя великого Ленина.

В албанском селе

С давних времен гнилое озеро Малик было рассадником малярии, истощавшей окрестное население. Разные иностранные фирмы без конца выкачивали из Албании деньги за «проекты» осушения Малика. Но о том, чтобы действительно осушить Малик, никто не думал. Только народная власть взялась за это дело по-настоящему — работы по осушению Малика были начаты в 1946 году. Сейчас целая система осушительных каналов и плотин пересекает некогда заболоченную местность.

На месте бывшего болота создана государственная сельскохозяйственная ферма. Здесь работает много тракторов и самоходных комбайнов. В пятилетнем плане развития государственного хозяйства в Малике особое внимание уделяется новой для Албании культуре — сахарной свекле, уже дающей хорошие урожаи на опытных полях. Своей свеклой ферма в Малике обеспечит новый сахарный комбинат, сооруженный и пущенный в ход к десятилетию албанской Трудовой партии.

Успехи сельского хозяйства Албании неразрывно связаны с новыми коллективными формами труда крестьян. Сельскохозяйственные кооперативы добиваются высоких урожаев. Всего три года, как в Албании стали сеять хлопок, а сейчас хлопководческие кооперативы обеспечивают всю потребность страны в «белом золоте».

Нам удалось побывать в одном из лучших кооперативов Албании — «Новое Фиери». Этот кооператив основан в 1947 году. Раньше, бывало, помещик отбирал здесь у крестьян почти весь урожай. После земельной реформы земля была поделена между всеми 32 крестьянскими семьями. Пахотной земли было мало, и крестьяне, основав кооператив, стали осваивать новые площади. Государство пришло на помощь кооперативу — соху сменили тракторы.

Председатель артели побывал в СССР и внимательно изучил опыт советских колхозов. Сейчас в «Новом Фиери» пшеница дает отличные урожаи. Широко развернулись здесь и посевы хлопка. Басти Багирова — знатная хлопководка Азербайджана, дважды Герой Социалистического Труда,— посетившая недавно кооператив, научила албанских друзей передовым методам труда на хлопковых полях.

Комбинат имени Сталина

На заболоченной пустоши близ Тираны в долине Юзбериш в 1949 году развернулось строительство грандиозного комбината имени Сталина — первенца текстильной промышленности Албании.

В Юзбериш строились не только фабричные корпуса: создавался современный социалистический город — дома для рабочих и специалистов, здания фабрично-заводских училищ, школа, больница, клуб. Сооружалась железнодорожная линия, соединяющая комбинат с Тираной и портом Дуррес. На строительной площадке еще росли фабричные и жилые корпуса, а в Дуррес прибывали советские пароходы — они везли текстильные машины. Эшелон с советским оборудованием, шедший из Дурреса, горячо приветствовали на всем протяжении железнодорожного пути тысячи албанских крестьян.

Когда 9 ноября распахнулись ворота комбината, перед гостями открылся просторный двор с асфальтированными дорожками, цветниками, клумбами. Гордо показывали молодые рабочие первого текстильного предприятия Албании добротную, красивую ткань с маркой комбината имени Сталина.

20 миллионов метров ткани в год из собственного албанского хлопка будет давать это крупное народное предприятие Албанской Народной Республики.

На страже мира

Я снова вспомнил о старом Селиме Хасани и его сыновьях, когда во время торжественного заседания в честь десятилетия албанской Трудовой партии на трибуну поднялся стройный, подтянутый и загорелый боец-пограничник.

«Я не умею хорошо говорить, но я умею держать в руках автомат,— сказал он под бурные аплодисменты собравшихся.— И от имени всех пограничников я заверяю нашу партию труда, что ни один диверсант, шпион или лазутчик не пройдет на албанскую землю незамеченным».

Во время нашего пребывания в Тиране проходил процесс 14 диверсантов и шпионов. Из показаний подсудимых выяснилось, что в Италии существует специальная школа, готовящая диверсантов для засылки в Албанию, что шпионы проходят «практику» в Западной Германии, откуда их перебрасывают в Грецию и Югославию на албанские границы.

Мы видели в Албании немало вещественных доказательств гнусной диверсантской работы англо-американских империалистов и их югославских, греческих и итальянских прислужников. Нам показали десятки сброшенных на парашютах радиостанций с марками американских и итальянских фирм. Мы видели множество взятых у вражеских лазутчиков автоматов, винтовок и пистолетов, изготовленных на американских заводах.

Но албанский народ на страже мира, который нужен ему, как воздух, как вода. Границы страны заперты на крепкий замок. 865 тысяч человек — почти все взрослое население Албании — поставили свои подписи под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Шестую годовщину своей народной республики албанский народ встречает новыми успехами в мирном строительстве, еще большим укреплением своей дружбы с прогрессивными силами мира, возглавляемыми великим Советским Союзом.

Тирана — Москва.

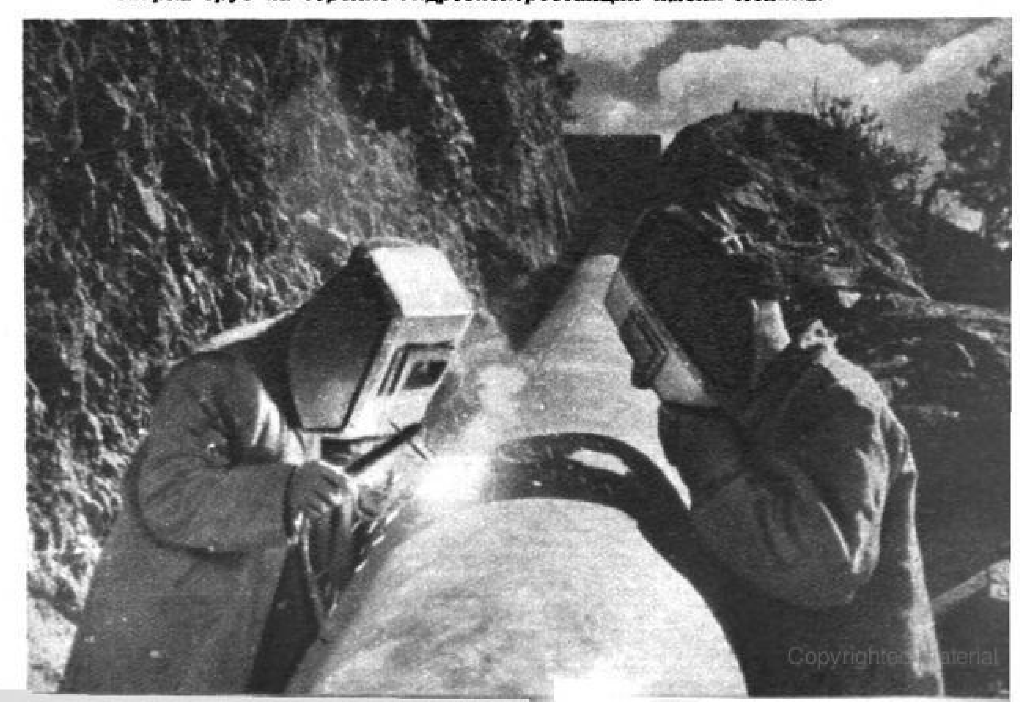

Энвер Ходжа осматривает сахарный комбинат в Малике.

В кооперативе «Новое Фиери» крестьяне собирают богатый урожай хлопка.

Сварка труб на стройке гидроэлектростанции имени Ленина.

В связи с 50-летием А. А. Фадеева состоялся юбилейный вечер в Концертном зале имени Чайковского. На снимке: в президиуме (на переднем плане справа налево) А. А. Фадеев, Л. М. Леонов, Н. С. Тихонов, Михаил Садовяну. Юбиляра приветствуют участники фильма «Молодая гвардия».

Фото Г. Алексеева

50-летие писателя А. А. Фадеева

Исполнилось 50 лет со дня рождения писателя Александра Александровича Фадеева. Юбилей одного из зачинателей советской литературы, неутомимого общественного деятеля, активного борца за мир и дружбу между народами был широко отмечен советской общественностью.

Произведения А. А. Фадеева от первых книг, написанных четверть века назад, до романа «Молодая гвардия» широко известны миллионам читателей не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

В чествовании писателя, воплотившего в героях своих произведений богатейший внутренний мир советского человека, принимали участие наряду с представителями литературы читатели, общественные организации, деятели науки, культуры и искусства. В адрес юбиляра было получено множество телеграмм из различных городов Советского Союза и зарубежных стран.

На многочисленных предприятиях были проведены конференции, посвященные творчеству А. А. Фадеева, на клубных вечерах обсуждались произведения писателя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. А. Фадеев награжден орденом Ленина.

В ответной речи, произнесенной на юбилейном вечере, тов. А. А. Фадеев сказал, что он, как и миллионы людей, неуклонно будет идти вперед по пути, указанному великим Сталиным.

— До конца своих дней,— закончил речь А. А. Фадеев,— я буду верен знамени его, делу его, имени его.

Место рождения— Тахиа-Таш

В. Н. Соколова с дочкой Ириной.

Фото А. Мызникова и Н. Саничевой

Недавно в Тахиа-Таше у инженера Валентины Николаевны Соколовой, работающей на строительстве Главного Туркменского канала, родилась дочь. Ее назвали Ириной. Ирина — первый ребенок, родившийся в новом городе.

На каникулах в лесном уголке

На улице вкусно пахло свежим снегом: ночью выпала пороша. Вприпрыжку Толя Сударенков помчался к своему снегомеру. Но на открытой полянке, где накрепко вбита деревянная планка с делениями, все равно светилась ледяная корка: ее только чуть-чуть припудрило.

Утро было ясное, чистое. «Воробьи чирикают к оттепели»,— припомнил Толя народную примету.

«Вот тебе и каникулы: ни на коньках, ни на лыжах не покатаешься...» — с досадой подумал он.

Но горевать долго не пришлось. К Толе уже подходили товарищи Вася Шепилов и Гена Болашов.

Все трое мальчиков живут в одном доме, учатся в 6-м классе 286-й московской школы и вместе занимаются на Центральной станции юных натуралистов в кружке фенологов-метеорологов.

Ребята постоянно следят за погодой. В дни учебы они разделяют обязанности. Толя отмечает силу утреннего и вечернего ветра, Гена — обеденного, а Вася следит за температурой. Но сейчас, в каникулы, мальчики неразлучны: куда один, туда и все.

В Сокольниках на территории станции юннатов сохранился маленький участок настоящего леса. Там растут береза, липа, дуб, ольха, есть и кустарники: крушина, орешник и даже можжевельник. Сюда, в лесной уголок, и пришли сегодня мальчики. Вот радость большая! На улицах оттепель, а здесь снег лежит.

— Ребята, следы!..— восторженно кричит Вася.

И трое юных друзей, вообразив себя следопытами, пробираются к следам на снегу и начинают измерять их: мальчикам рисуется заманчивая картина охоты в зимнем лесу.

И вдруг раздается голос Толи:

— По-моему,— говорит он,— здесь проходила... обыкновенная домашняя кошка.

— Что же, переключимся на снегиря,— сокрушенно замечает Вася.

Нелегко стоять неподвижно и смотреть в одну точку. Но мальчики стоят, не шелохнутся: им хочется непременно увидеть снегиря; до сих пор они видели его только в клетке.

— Толя, а может, мы зря стоим? — спрашивает Вася.— Может, снегири тут вовсе и не живут?

— Живут... Я сам читал.

Мальчики зашли в чащу, но снегиря на этот раз так и не увидели. Обидно. Гена утешает себя:

— В Горках я весь день просижу на пне, а снегиря обязательно увижу.

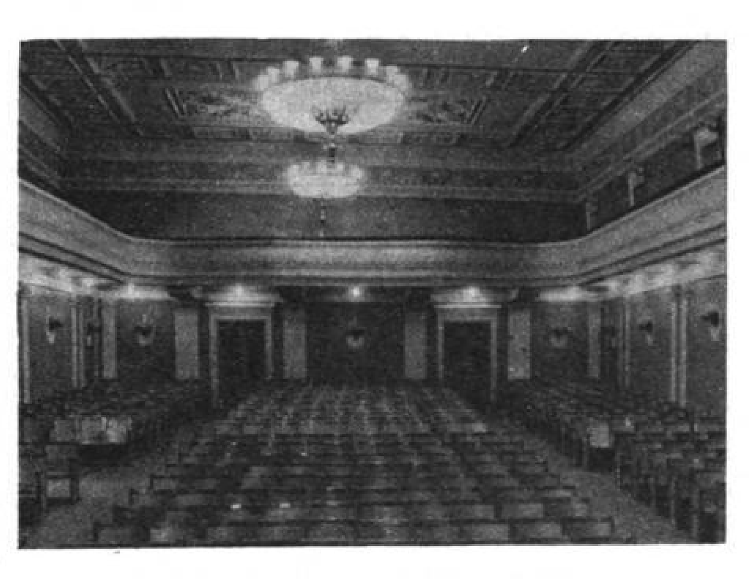
На днях юннаты вместе со всем кружком поедут в Горки. Они уже бывали там. Майя Ивановна Дружинина, руководитель кружка, учила ребят отличать по коре липу от вяза, осину от ольхи, узнавать деревья по веткам, почкам, по лежалым листьям.

Майя Ивановна снова поедет с мальчиками в Горки. Кружковцы с нетерпеньем ждут этой экскурсии. «Уж там, наверное, и снегиря увидим, и синицу, а возможно, и лису встретим».

Так они мечтают, трое школьников, гуляя в любимом лесном уголке. Но время уже позднее. Пора домой. Пообедать — и в кино. Ведь каникулы: куда хочешь, туда и иди.

Н. БОБНЕВА

Дворец культуры нефтяников

Зрительный зал нового Дворца культуры.

Фото С. Кулишова и М. Фришмана

В тридцати минутах езды от Баку, у подножья высоких песчаных гор, раскинулся поселок имени Молотова. Здесь живут нефтяники треста «Молотовнефть». Курсирующие через каждые 15—20 минут комфортабельные автобусы «ЗИС-155» связывают этот район с центром города. Поселок становится все благоустроенней и краше. В 1951 году вдоль дорог и тротуаров посажено более пяти тысяч деревьев. Здесь непрерывно идет строительство жилищ, магазинов, культурно-бытовых учреждений. Сейчас строятся шесть новых домов, два больших общежития для рабочих. В середине 1952 года жители поселка получат около 100 квартир со всеми удобствами. Скоро поселок будет иметь новую больницу, свой стадион, трибуны которого рассчитаны на 1 500 человек.

Недавно, в канун Нового года, коллектив «Молотовнефти» получил замечательный подарок: Дворец культуры и отдыха — один из самых больших и красивых в Азербайджане. Здесь три зала: большой на 600 мест, два малых — на 150 и 100 мест. В четырех просторных комнатах разместились библиотека и читальня. Три комнаты отданы под детский клуб. Для занятий кружков художественной самодеятельности нефтяников выделены 10 комнат. Во Дворце оборудованы биллиардная, ресторан. На стенах залов и фойе, потолках — лепные украшения. Дворец богато обставлен: всюду зеркала, мягкая мебель.

К лету откроется кинотеатр, который будет расположен рядом с Дворцом культуры.

Б. МАРТИРОСОВ

ТРИ РАДИОГРАММЫ С ПАРОХОДА «ТИМИРЯЗЕВ»

1

Большая честь выпала на долю экипажа нашего парохода — доставить подарки трудящихся Советского Союза итальянскому народу, пострадавшему от наводнения. Сейчас, когда мы идем в Геную, каждому из нас невольно вспоминаются недавний рейс в Индию, восторженная встреча в порту, передача советского зерна голодавшему населению этой страны.

На моряков нашего теплохода вновь возложена почетная миссия мира и дружбы. Весь экипаж воодушевлен почетной задачей. Мы знаем, с каким нетерпением ждут наш корабль трудящиеся Италии, больше всех пострадавшие от наводнения. Потому так дружно и усердно работают моряки, стоящие на вахте. Широко развернулось социалистическое соревнование за скорость; люди полны готовности сделать все от них зависящее, чтобы доставить груз как можно быстрее.

В эти минуты, когда я пишу вам радиограмму, идет смена вахт. На отдых отправилась лучшая вахта второго помощника капитана Филимонова и механика Горбик. Они добились превышения скорости на полмили в час. Теплоход идет, опережая график.

2

Эту радиограмму передаю под свежим впечатлением только что закончившегося митинга в генуэзском порту. 23 декабря в 9 часов утра по местному времени пароход «Тимирязев» ошвартовался в порту Генуя. Трудно передать волнение, охватившее нас, когда мы увидели толпы людей, пришедших встретить посланцев Советской страны. Мужчины, женщины, дети, делегации трудящихся Генуи и районов, пострадавших от наводнения, тысячи итальянцев приветствовали корабль, доставивший муку, зерно, сахар, тракторы, сельскохозяйственные машины — подарки советских общественных организаций. В воздух летят красные косынки, шляпы, букеты цветов. Гремят возгласы: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!»

На причале развеваются флаги всех профессиональных союзов, входящих во Всеобщую итальянскую конфедерацию труда. Над головами встречающих — сотни знамен, стягов и полотнищ с надписью: «Да здравствует дружба между итальянским и советским народами!» Лозунги на итальянском и русском языках начертаны на стенах складов. Это призывы к миру, укреплению дружбы народов.

Эти же пламенные призывы простых людей Италии мы слышали и на торжественном митинге. Незабываемы речи представителей городов Ровиго и Адрии, рассказавших о бедственном положении трудящихся провинций, пострадавших от наводнения. Горячо благодарили они советский народ за братскую, бескорыстную помощь, оказанную итальянцам в тяжелый момент их жизни.

Настроение и мысли встречающих выразил Джузеппе ди Витторио — генеральный секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда.

— Мы хотим,— сказал он,— чтобы в наши порты, как и сегодня, приходили не военные суда, а суда дружбы и мира; мы хотим, чтобы рабочие обменивались не оружием, а, как сегодня, зерном и тракторами. Да здравствуют мир и солидарность между народами! Да здравствует лучший друг мира и народов Сталин!

Джузеппе ди Витторио просит прибывших на пароходе представителей советских профсоюзов, женских и кооперативных организаций передать советским людям благодарность народа Италии.

Сейчас уже началась разгрузка парохода. Характерно, что его разгружают докеры не только Генуи, но и всех портов Лигурии. Вечером мы приглашены на митинг во дворец Дукале, где состоится встреча населения Генуи и делегаций других городов Италии с советской делегацией.

3

Вот уже несколько дней, как мы гостим в Италии. Посланцам советского народа оказывают горячий прием. Прибывшие в Италию представители советских профсоюзных, женских и кооперативных организаций выехали из Генуи в Венецию. Почти на каждой железнодорожной станции советских людей бурно приветствовали местные жители.

В Венеции Палата труда устроила прием в честь советских гостей. Из Венеции посланцы Советского Союза отправились в районы, особенно сильно пострадавшие от наводнения.

А. Н. ДОЦЕНКО,
капитан парохода «Тимирязев»

Наводнение в долине реки По. Созданные коммунистами отряды спасают жителей затопленных районов.

Молодежный танец исполняет группа ансамбля танца Союза трудящейся молодежи (Бухарест).

Народное искусство Румынии

«Воспой же, любимая страна, того, кто сквозь бури ведет нас к солнцу» — такими словами выражает горячую любовь румынского народа к товарищу Сталину песня композитора Матвея Сокора на слова Вероники Порумбаку. Большое, искреннее чувство слышится в сильном бархатистом баритоне исполнителя — молодого певца Николая Херля.

И, словно отвечая на эти слова, румынская молодежь в светлых, жизнерадостных танцах воссоздает образы счастливой жизни своего свободного народа. Изобретательны и по-молодому темпераментны все эти танцы. Великолепны солисты-певцы, лауреаты международных конкурсов. Но подлинной душой концертов румынских гостей, выступающих в Москве, стали выступления Государственного народного оркестра под управлением Нику Станеску — дирижера и виртуоза-скрипача.

Из различных уголков Румынской республики отбирались в этот коллектив талантливые народные музыканты: пастухи, рабочие, крестьяне, студенты... Многие из них в совершенстве владеют старинными народными инструментами, звуки которых напоминают щебетанье птичьих голосов, трогая сердце простым, задумчивым напевом.

Незатейлива музыка народной поэмы «У нас в Корнереве». Но бывший пастух Иосиф Милу вкладывает в нее всю свою любовь к родным местам. Старинный пастушеский инструмент торогота звучит в его руках так, словно нет вокруг концертного зала, заполненного нарядной публикой, а расстилается далеко зеленая долина, окаймленная лесом...

Настоящий дар виртуоза у одного из популярных народных музыкантов Румынии, Фэника Лука — исполнителя на нае. Он извлекает из своего простенького инструмента, напоминающего большую губную гармошку, множество разнообразных звучаний, вызывая восторг слушателей. Фэника Лука кроме того и композитор, играющий в сопровождении оркестра собственные произведения.

За наем следует кобза, исполнитель — лауреат конкурса на берлинском фестивале Ион Патурикэ; за кобзой — кларнет, на нем играет виртуоз и композитор Илиуце Рудэряну. «Жианул» — балладу о чтимом в Ольтенском районе народном герое — исполняет ансамбль цимбалистов.

Долго звучат с эстрады зала имени Чайковского полные огня и чувства румынские мелодии. Уходя с концерта, москвичи уносят в памяти образы, созданные талантливым народом.

К. СОКОЛОВА

Соревнование слесарей

Весть эта быстро распространилась по цехам Московского тормозного завода имени Л. М. Кагановича:

— Стахановский сборочный участок мастера Старовойтова выполнил годовой план.

Интересна краткая история этого производственного успеха. Издавна в цехе нормалей соревнуются слесари-сборщики двух участков: мастеров Михаила Алексеевича Старовойтова и Федора Михайловича Фомичева. Каждый месяц рабочие двух участков собираются вместе и обсуждают договор на социалистическое соревнование. Кто дает больше продукции? Чем следует помочь отстающим? Вопросы эти вызывают горячие споры. С фактами и цифрами в руках рабочие критикуют недостатки, рассказывают о своем опыте.

На обложке сегодняшнего номера журнала запечатлен один из таких эпизодов. В комнату отдыха заводского клуба пришли представители обоих участков (на обложке в центре: слева — Ф. М. Фомичев, справа — М. А. Старовойтов). Тут и старые слесари, хорошо известные на заводе, и юноши, недавно окончившие ремесленное училище.

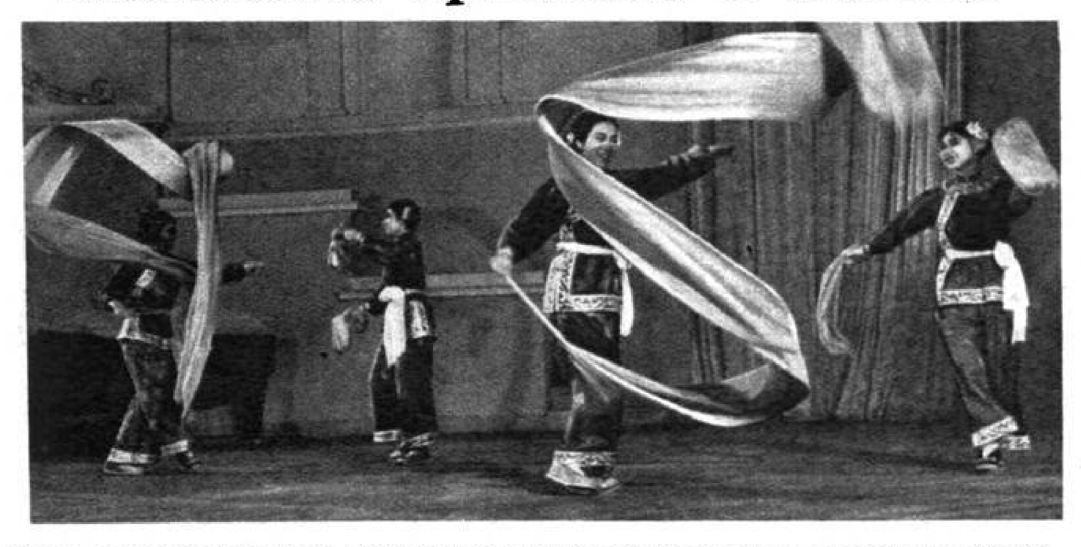
— Договор подписан, Федор Михайлович! — заключает свою небольшую речь М. А. Старовойтов. — Теперь поборемся за знамя.

— Что ж, поборемся! — задорно повторяет слова мастера стоящий рядом с ним юноша. Это Гена Бурдонов, только что покинувший стены ремесленного училища. Он впервые в жизни присутствует при столь знаменательном событии, как подписание договора на социалистическое соревнование.

Молдовский танец «Мушамуа».

Китайские артисты в Москве

Танец с шелком исполняет танцевальная группа художественного ансамбля китайской молодежи.

Сердечно, по-братски встречали москвичи посланцев великого китайского народа — артистов китайского художественного ансамбля молодежи. Горячо приветствовала их на первом их концерте народная артистка СССР В. В. Барсова. В ответ руководитель ансамбля Чжоу Вэй-чжи провозгласил здравицу в честь товарища Сталина и вождя китайского народа Мао Цзе-дуна. В зале возникла бурная овация — выражение чувства дружбы, объединяющей советский и китайский народы.

Концертная программа началась выступлением хора, спевшего «Кантату о Сталине» А. В. Александрова, а вслед за нею несколько песен китайских композиторов, в том числе песню композитора Цюй Си-сяня «Единство всех народов мира», удостоенную премии на Третьем Всемирном фестивале демократической молодежи и студентов в Берлине. «Сталин и Мао Цзе-дун, как светлое солнце, освещают нам путь. Они ведут нас вперед от победы к победе», — говорится в этом волнующем произведении.

В других произведениях для хора и солистов — «18 излучин Хуанхэ», «Песня старика», «У нас обильная жизнь», — рассказывается о несгибаемой мощи китайского народа, о созидательном его труде на благо родины.

Выступление китайских жонглеров Инь Юй-хун и Лю Ю-мин с вертящимися тарелками.

В программу концерта включен проникнутый боевым духом отрывок из музыкальной драмы «Уничтожим агрессоров», показывающий совместную борьбу корейской Народной армии и китайских добровольцев против американских интервентов.

Исключительный интерес вызвали китайские танцы — своеобразные, яркие, полные изящества, ритмически четкие. Особенный успех имел «Танец с шелком», увлекающий легкостью движений танцующих, причудливыми рисунками, возникающими в непрерывном мелькании полос красного шелка, то распластывающихся по воздуху, то взлетающих вверх, как языки пламени.

В концерте выступили инструменталисты: пианистка Чжоу Гуан-жэнь, исполнившая произведения современных китайских композиторов, и Цинь Пэн-чжан, с блеском сыгравший на старинном национальном инструменте «Пи-па» пьесу китайского композитора VII века.

В отрывке из классической китайской оперы артисты разыграли с замечательной естественностью и изобретательностью сцену поединка в темноте, где противники не видят друг друга. Блистательным по мастерству было выступление артистов цирка, показавших виртуозное жонглирование вращающимися тарелками и фигурную езду на велосипеде.

Концерт китайских гостей — интереснейшее событие в музыкальной жизни столицы.

И. МАРТЫНОВ

Премии журнала «Огонек»

И. Василенко.

Б. Бедный.

М. Исаковский.

А. Малышко.

Б. Горбатов.

Е. Рябчиков.

Б. Ефимов.

О. Верейский.

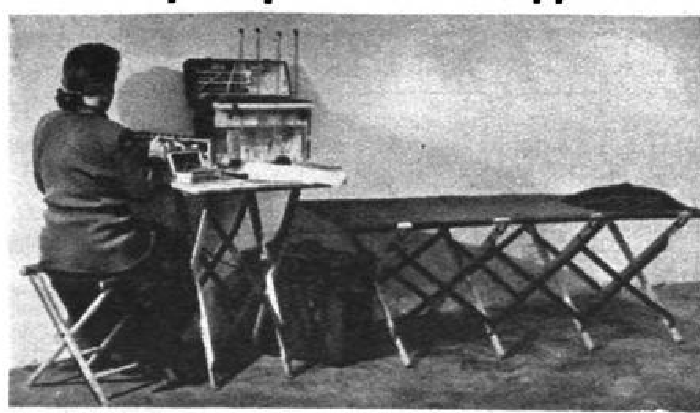
Д. Бальтерманц.

А. Гостев.

Лучшие произведения, напечатанные в журнале «Огонек» в течение 1951 года, отмечены ежегодными денежными премиями. Премированы следующие авторы: И. Василенко (рассказ «Семейный совет», № 50), Б. Бедный (рассказ «В конце месяца», № 49), М. Исаковский (стихи «Дума о Ленине», № 45), А. Малышко («Корейская поэма», № 30), Б. Горбатов (очерк «Наша родная команда», № 33), Е. Рябчиков (репортаж «Дорога к пяти морям», №№ 10, 11, 12), Б. Ефимов (карикатуры «Семья Рокфеллеров», № 30, и «Лакштифели жаждут реванша», № 47), О. Верейский (иллюстрации к поэме Пабло Неруды «Преданная земля», № 18, и к отрывкам из романа Андре Стиля «Первый удар», № 38), Д. Бальтерманц (серия портретов борцов за мир и цветное фото «Заседание парткома Уралмашзавода», №№ 10, 29, 47, 48), А. Гостев (серия фотоснимков с Волго-Донского канала, №№ 10, 11, 12, 15).

Лаборатория в чемодане

Полевое снаряжение для геологов.

Фото А. Бочинина

Дневник ОГОНЬКА

Контрольные посты, передвигаясь вдоль трассы Волго-Донского канала, будут регулярно производить полный химический анализ воды. Стационарные лаборатории им не понадобятся. Сняв чехол с деревянного чемодана и откинув крышку, сотрудник найдет в нем все необходимое для анализа: пробирки, реактивы и даже полотенце для мытья посуды. Чемодан весом в 8 килограммов дает возможность произвести 150 анализов.

С такими чемоданами уже сейчас передвигаются вдоль русла древних высохших рек изыскатели, работающие в зоне строительства Главного Туркменского канала. В автомашине, сопровождающей геологов, хранится ящик с запасом реактивов.

Располагаясь на ночлег, изыскатель достает из чехла теплый спальный мешок, если ночь холодна, или складную кровать, если ночь обещает быть теплой. Кровать с чехлом весит несколько килограммов. Она не обременит путника и в дальней дороге.

Все это легкое оборудование выпускает Московская фабрика полевого снаряжения. Отсюда на великие стройки коммунизма посланы лаборатории, переносные шлифовальные станки, походная мебель, специальная одежда и обувь.

Характерный штрих. Обувь, предназначенная для геологов, очень крепка. При испытании сапог понадобилось подвесить груз весом в 150 килограммов, чтобы отделить подметку.

М. ПАВЛОВ

Колхозный питомник чернобурых лисиц

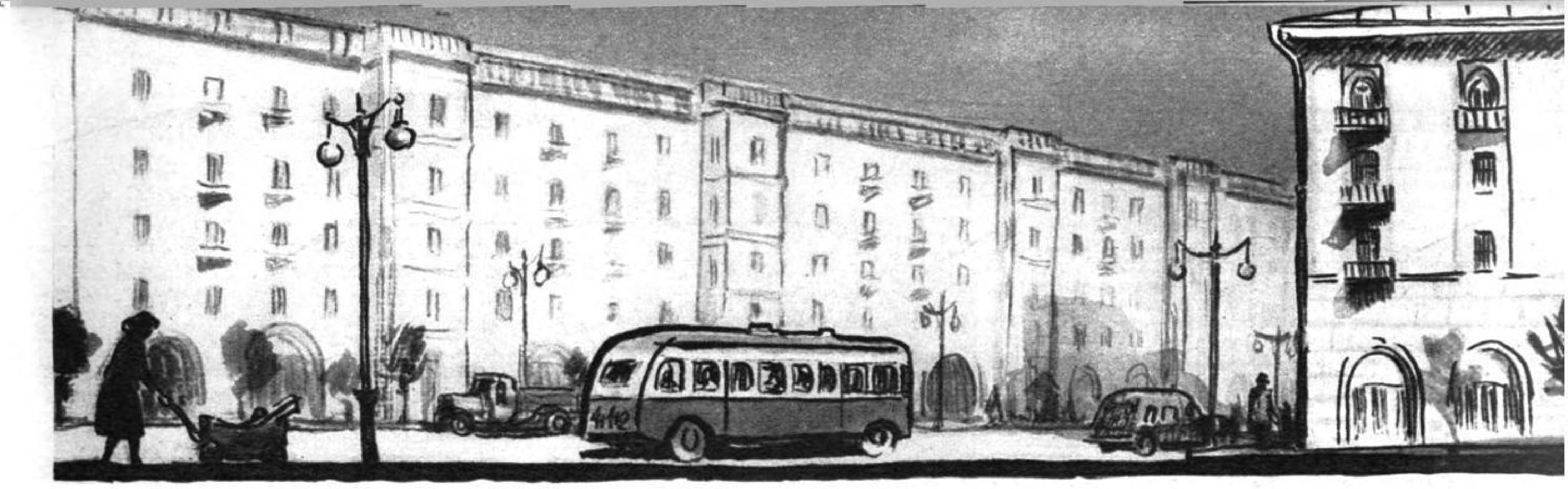
Правление колхоза «Родина», Остерского района, Черниговской области, Украинской ССР, три года назад приобрело в одном из белорусских зверосовхозов семь чернобурых лисиц.

В построенном для них питомнике лисицы хорошо акклиматизировались и уже на другой год дали первый приплод. Зимой колхоз «Родина» сдал государству двенадцать шкурок.

В этом году в лисьем питомнике насчитывается сорок восемь чернобурок. За ними любовно ухаживает колхозник-зверовод Иван Осипович Приходен.

На снимке: Иван Осипович Приходен в колхозном лисьем питомнике.

Фото К. Познякова

Письмо с улицы Мира

Рисунки А. Кокорина

Весной 1951 года в редакцию журнала «Огонек» пришло письмо из Сталинграда. Оно оказалось откликом на очерк «Его судьба», напечатанный в январе 1951 года в «Огоньке». Редакция попросила автора очерка ответить на письмо.

Чтобы содержание письма-отклика стало понятно читателям, напомню содержание очерка «Его судьба».

...Поздней осенью 1942 года помощник по технической части командира полка гвардейских минометов Юрий Петрович Гасилов возвращался с фронтовой базы в свою часть, находившуюся вблизи Сталинграда. По пути, недалеко от станции Котлубань, Гасилов и его шофер увидели поезд, разбитый бомбой, сброшенной с фашистского самолета. Возле изуродованных вагонов лежали убитые дети и женщины. Гасилов и водитель поняли, что этот эшелон увозил ребят из Сталинграда в глубокий тыл. По всему было видно, что на месте события побывали санитары и вывезли раненых.

Гасилов собирался уже ехать дальше, когда ему послышался короткий приглушенный всхлип. Гасилов подошел к груде окровавленных маленьких тел, стал разбирать их и обнаружил под трупами маленький тугой сверток. В нем, уткнувшись личиком в землю, лежал младенец. От притока свежего воздуха ребенок сперва закашлялся, потом заплакал. В кабине грузовика помпотех и шофер как могли перепеленали младенца, а затем повезли найденыша в свой полк.

В очерке рассказано было о том, как офицер Гасилов с помощью советских людей на фронте и в тылу сохранил жизнь тяжело больного ребенка и как воспитал его. Он назвал мальчика Павликом и усыновил его. В далеко не полном перечне людей, принявших близкое участие в судьбе спасенного, упомянута была на страницах журнала фамилия профессора-педиатра В. А. Сурата, который в годы войны жил в Саратове.

Мы не привели в «Огоньке», по вполне понятным причинам, ни подлинного имени мальчика, ни настоящей фамилии его приемного отца.

Прочитав очерк, профессор послал в редакцию письмо. Оно написано на листке из блокнота.

«Заслуженный врач РСФСР,
доктор медицинских наук, профессор
В. А. Сурат
Сталинград. Улица Мира, 24, кв. 31.

Уважаемый товарищ, — писал автору профессор, — в вашем очерке упомянуто мое имя. Мне очень хотелось бы увидеть теперь Павку. Если товарищ, выведенный Вами под фамилией Гасилова, не будет возражать и Вы тоже найдете это возможным, сообщите, пожалуйста, мне их адрес. Вскоре мне придется быть в Москве на медицинской сессии, и, с разрешения, конечно, товарища Гасилова, я с удовольствием возобновил бы знакомство и с Павкой и с его родителями. Само собой разумеется, что в случае, если наша встреча состоится, сохранение тайны я гарантирую. С товарищеским приветом профессор В. Сурат».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

...Письмо профессора, а затем переписка с В. А. Суратом и личное свидание с ним позволили выяснить дальнейшую судьбу маленького Павки.

Раненый в бою Гасилов, выписавшийся в 1943 году из госпиталя, где вместе с ним находился его найденыш, прибыл вместе с ребенком в Саратов. Здесь он стал искать специалиста по детским болезням и попал со своим Павкой на квартиру профессора Сурата. Вот что там произошло.

* * *

В один из январских вечеров профессор, как обычно, пришел домой, быстро просмотрел газету и принялся за свою рукопись. Незадолго до войны он начал писать руководство для молодых врачей. Все знали, что профессор весь ушел в эту работу, продолжал писать ее в самые трудные дни войны.

Профессор уселся за письменный стол, но скоро его отвлек настойчивый стук в дверь.

— Кто там? Что вам нужно? — спросил он.

— Здесь живет профессор? — раздался голос из-за двери.

В комнату вошел высокий человек в военной шинели. Он опирался одной рукой на палку, а в другой нес ребенка, завернутого в теплое фланелевое одеяло.

— Здравствуйте, — сказал вошедший. — Мне нужен профессор Сурат. Это вы?

Профессор кивнул головой, а человек в шинели прошел в глубь комнаты, расчистил на заваленном книгами диване место и положил принесенный сверток.

— Что вам нужно? — спросил профессор.

— Ваше вмешательство, уважаемый товарищ! — Человек в шинели быстро и умело стал развертывать свою ношу.

— Вы что, простудить его хотите? Видите, я сам в шубе. Заверните немедленно!

— Профессор, — спокойно сказал пришедший, — пациент, которого я предлагаю вашему вниманию, испытал на своем веку более низкую температуру.

Профессор вел наблюдение за специальной группой больных в клинике, иногда участвовал в консилиумах, а на дому больных не принимал. Но, прежде чем он успел объяснить это Гасилову, тот поднял на руки малыша и бережно стал снимать с него кофточки, рубашонки, согревавшие тщедушное тельце.

— Да прекратите наконец это раздевание, — сердито сказал профессор, взял Павку и быстро завернул его в одеяло. — Подождите, я сейчас печурку растоплю. Она за пять минут раскалится. Тогда и разденете ребенка!

Пока врач закладывал в печку тонкие чурочки и раздувал огонь, Гасилов стал излагать профессору историю болезни ребенка. Обстоятельно, со знанием дела, он сообщил о выводах, сделанных врачами детской консультации, и ко всему этому добавил свои собственные наблюдения. Профессор спросил, какие болезни перенес ребенок со дня своего рождения. И тут пришлось Гасилову рассказать, как нашел он Павку.

Мог ли профессор сердиться на человека, нарушившего его покой, после того, как узнал

всю историю? Осмотрев нежданного пациента, профессор начал говорить об общем истощении и болезнях, которые он обнаружил в маленьком организме, — о рахите, колите. Чтобы перебороть их, нужно, по его словам, сложное лечение и очень хорошее питание. Профессор говорил о таких лекарствах и фруктах, которые едва ли можно было найти в военное время зимой в волжском городе.

Гасилов уловил в тоне профессора нотки сомнения. Он понял, что В. А. Сурат не совсем уверен в том, что его пациент выживет. Не зря ведь он сказал:

— Покажите его мне дней через десять... Если только все будет в порядке... Постарайтесь яблоки достать свежие, если удастся. Давайте их в протертом виде.

Гасилов завертывал Павку в его «сорок одежек», а профессор, казалось, в это время забыл о маленьком пациенте. Он вернулся к столу, что-то писал, должно быть, рецепт, что-то доставал из ящика.

Гасилов кончил наконец одевать мальчика и тихо сказал:

— Благодарю вас, профессор. До свидания, — и направился к двери, а когда проходил мимо стола, осторожно положил на самый его краешек сторублевую бумажку.

Профессор ничего не ответил: он что-то завертывал. Уже за дверью он нагнал Гасилова и сунул ему в ту руку, которая держала Павку, какой-то пакет и сторублевую купюру.

— Вы мне, молодой человек, денег не подсовывайте... У вас ребенок плох, весьма плох. Вы на эти деньги яблок достаньте, козьего молока. Коза у вас имеется?

Гасилов оторопел и не сразу переспросил:

— Коза? Откуда?

— Вашему сыну чрезвычайно полезно было бы получать ежедневно стакана два козьего молока и несколько протертых яблок,— сказал профессор. — Я понимаю, яблоки зимой... Это, конечно, роскошь. А надо что-то сделать. Ведь у него колит, истощение. Одним словом, купите ему козу, говорю я вам. И знайте: профессор Сурат частной практикой не занимается, на дому никого не принимает. Так что вы, пожалуйста, никому не говорите, что у меня побывали. Но его, — профессор ткнул пальцем в Павку, — тащите сюда, если у вас появятся... одним словом, сомнения...

Профессор проводил Гасилова до выхода, попрощался, закрыл за ним дверь.

У себя на квартире Гасилов развернул пакет. В нем оказалась тысяча рублей и короткая записка: «Для моего маленького пациента. Купите ему козу».

Гасилов еще раз почувствовал, что он не один. Везде находятся люди, готовые помочь ему вырастить человека.

— Что же, коли на то пошло, купим тебе, Павка, козу, — решил Гасилов. — Обзаведемся мы с тобой в Саратове хозяйством. Будет у тебя, сынок, своя кормилица.

* * *

С тех пор минуло восемь лет.

Наступил 1951 год. В середине марта в Москву приехал из Сталинграда профессор В. А. Сурат. У меня на квартире собрались гости. Пришел Гасилов вместе со своей женой и Павликом. Юрий Петрович женился на Анне Тимофеевне вскоре после окончания войны. Мальчику тогда было года четыре. Павлик не сомневается в том, что Анна Тимофеевна — его настоящая мама, приехавшая с фронта после войны. Мальчик видел ее в гимнастерке с узенькими погонами офицера медицинской службы.

Павка уже не впервые был моим гостем. Он всегда интересовался новыми книгами. Пока он сидел в кабинете, погруженный в рассматривание картинок, приехал профессор Сурат.

Павлик не видел, как тепло встретился Юрий Петрович с профессором, не слышал их разговора. Не видел он, как Гасилов познакомил профессора с Анной Тимофеевной, как крепко пожимала она его руку и благодарила за помощь, оказанную мальчику в тяжелую военную годину. И трудно было поверить, что в то время — восемь лет назад — Анна Тимофеевна не знала даже о существовании не только Павки, но и самого Юрия Петровича.

Профессор, отпивая небольшими глотками чай, почти шопотом, как бы опасаясь, что его подслушают, обменивался с Гасиловым воспоминаниями о «той» зиме в Саратове. Выпив чай и отодвинув стакан, профессор не выдержал наконец, поглядел на Гасилова, на меня и спросил едва слышно:

— Где же мой пациент?

Гасилов понял беспокойство профессора.

— Вы, должно быть, уже решили, Вениамин Александрович, что из осторожности мы его с собой сюда не взяли. Нет, он здесь! Но прежде чем познакомить вас, хочу назвать его настоящее имя. Пожалуйста, не проговоритесь, не назовите его ненароком Павкой... как назван он в журнале.

Профессор понимающе кивнул Юрию Петровичу, а тот растворил дверь в соседнюю комнату, подошел к сыну, положил большую руку на его голову и сказал:

— Познакомься, сынок, с доктором, который помнит тебя совсем еще малюсеньким. Вот таким...

Павка Гасилов встал с дивана и доверчиво протянул руку врачу. Через несколько минут мальчик лежал, растянувшись на диване, рубашка его была поднята к самому подбородку, профессор сидел рядом с ним, прощупывал живот своего давнишнего пациента, выстукивал грудную клетку и говорил:

— Дыши, голубчик мой, глубже. Не напрягайся. Вот так! Умница!

Вернувшись обратно к столу и на ходу вытирая полотенцем руки, профессор довольным тоном обратился к Анне Тимофеевне и Юрию Петровичу:

— Пациентом своим я вполне доволен. Он у вас растет крепышом. Будто никогда и не был вовсе хиленьким. Д-да, Анна Тимофеевна, вам, как врачу, скажу...

И профессор обменялся с Анной Тимофеевной несколькими латинскими терминами. Потом прибавил:

— Паренек в полной форме.

— А все козье молочко, товарищ профессор! — шутливо вставил Гасилов.

Уже вечерело, и Анна Тимофеевна напомнила, что мальчику надо во-время лечь спать, чтобы не опоздать утром в школу.

Мои гости собрались уходить.

— Обязательно навестите меня, если побываете в наших краях, — прощаясь, сказал профессор. — Мой адрес: Сталинград, улица Мира... Запомнили?

Я пообещал запомнить. Дверь захлопнулась за моими гостями, а я все еще стоял в коридоре, прислушиваясь к звуку шагов на лестнице. Потом вернулся в комнату и выглянул в окно.

Они шли парами: впереди профессор с мальчиком, позади Анна Тимофеевна и Юрий Петрович. Профессор шагал, положив руку на плечо ребенка, и энергично размахивал свободной рукой. Он, видимо, о чем-то с увлечением рассказывал Павке.

Зажглись первые фонари. Отблески огня ложились на мостовую, и от этого дорога казалась очень широкой.

Отойдя от окна, я взял записную книжку, открыл ее на букве «С» и записал большими буквами:

«СТАЛИНГРАД, УЛИЦА МИРА»...

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАГОВОРА ПРОТИВ РОССИИ

Гр. ГРЕБНЕВ

Рисунки Н. Долгорукова

«Железная дорога Аляска — Сибирь»!.. «Магистраль Париж — Нью-Йорк»!.. Синдикат «Транс-Аляска — Сибирь»!..

Все эти громкие названия мало что говорят нам, людям второй половины XX века. Молодое поколение и даже ровесники нашего века, за редким исключением, ничего не знают об одной из самых наглых международных авантюр американских империалистов. И лишь некоторые пожилые люди иногда вспоминают:

— Да! Да! Помню. Это дело когда-то очень нашумело...

Прожекту американских капиталистов, обещавших соединить рельсовыми путями Америку с Азией и Европой через Сибирь, было посвящено, начиная с 1898 по 1906 год, не менее трех тысяч статей и сообщений во всей мировой прессе. Прожект поддерживали крупнейшие банкиры Америки: Дж. П. Морган, Дж. Хилл, представитель банкирского дома «Кун-Леб и К°» Яков Шифф, директор нью-йоркского Национального банка Альфред Куртис, сенаторы, министры правительства Теодора Рузвельта. В аферу были втянуты французский президент, царские министры во главе с премьером Витте, члены царской фамилии вместе с самим царем Николаем II. Главным же инициатором и закулисным дирижером выступал один из самых нечистоплотных американских биржевых аферистов того времени, «железнодорожный король» Эдвард Генри Гарриман, отец нынешнего, всем известного поджигателя войны Аверелла Гарримана...

Историю так называемой «Транс-Аляска — Сибирской ж. д.» небесполезно припомнить от начала до конца. Это поможет советскому читателю понять, какой угрозе подвергалась со стороны американских экспансионистов наша родина еще в начале XX века.

* * *

1898 год. Вашингтонская академия наук снаряжает экспедицию на Аляску. В составе экспедиции — географы, метеорологи, геологи, ботаники, зоологи, минералоги, представители различных университетов и научных обществ. Вокруг экспедиции печать ряда стран подняла большой шум.

Особенную сенсацию произвело сообщение американских газет о том, что финансировавший экспедицию Эдвард Генри Гарриман «самолично» будет сопровождать экспедицию и разделит с ее участниками все тяготы и лишения как сухопутного, так и морского путешествия».

У американского «железнодорожного короля» хватило хитрости утаить от газетчиков истинную цель своей новой авантюры. Но когда судно с экспедицией возвращалось с Аляски, внезапно раздалась команда:

— Курс запад — северо-запад! На Чукотку!

Оказывается, «хозяин» включил в план экспедиции «обследование» не только Аляски, тогда уже принадлежавшей Америке, но и... Чукотки, т. е. русской территории. Американские хищники, за гроши купившие у царского правительства в 1867 году обширные русские владения на северо-западе своего континента, уже зарились на богатейшие русские земли, лежавшие по нашу сторону Берингова пролива. И не только зарились: они хозяйничали уже на Чукотке, на Колыме, на Камчатке и на русских Командорских островах. Американские контрабандисты, спаивая чукчей, за бесценок скупали и увозили в Америку пушнину. К концу XIX века, пронюхав, что на Чукотке есть золото, эти любители легкой наживы основали под «русской» вывеской американское акционерное общество и стали даже... распродавать американским золотоискателям русские земли.

Но у Эдварда Гарримана были значительно более широкие виды на Чукотку. И не только на Чукотку, как мы увидим далее.

Итак, американская экспедиция, снаряженная на Аляску, вдруг направилась на Чукотку. Однако на сибирский берег ей не удалось попасть. Буря, разыгравшаяся в море, заставила изменить курс. Капитан направил судно к какому-то островку, а по окончании шторма повел потрепанный гарримановский «шип» на юг, к берегам США...

Поскольку речь зашла о Чукотке, припомним историю еще одной «научной» экспедиции. Перед нами русский журнал «Природа и люди» № 4 от 28 ноября 1902 года. Статья, озаглавленная «Через Сибирь к Берингову проливу», начинается так: «Гарри де-Виндт только что поместил в последней книжке одного американского журнала путевые заметки о своей поездке по Сибири...»

Журнал «Природа и люди» ничего не говорит о спутниках де-Виндта. Но из американской прессы того времени можно было узнать, что «неутомимого путешественника» сопровождал французский виконт Кленшан-Бельгард и американский железнодорожный инженер Джордж Гардинг.

С какой же целью приехали в Сибирь «географ», виконт и инженер? В американском ежемесячнике «Харперс Мэгезин» Гарри де-Виндт сам достаточно точно определил задачу своего путешествия: «Возможно ли провести американскую железную дорогу в северо-восточной Сибири? Вот что нас интересовало...» И тут же автор статьи заверял тех, кто послал его на север России: «Огромные минеральные ресурсы края, через который пройдет наша дорога, с лихвой оплатят расходы на нее в течение нескольких лет...»

Яснее, кажется, не скажешь!..

И еще одного «ученого» необходимо упомянуть в нашей предистории к гарримановской авантюре, тем более, что в дальнейшем именно он выходит на авансцену в этом американском заговоре против России. Это Лойк де-Лобель, француз, «инженер-путеец», «строитель железнодорожных туннелей». Так, по крайней мере, афишировала этого агента американских империалистов пресса того времени.

Спустя два года после неудачи с гаррримановской экспедицией Лойк де-Лобель прибыл на Аляску, чтобы изучить берег и дно Берингова пролива. Вернувшись в Нью-Йорк (вместе с де-Виндтом, перебравшимся с Чукотки на Аляску), Лойк де-Лобель имел, как сообщили американские газеты, свидание с «некоторыми владельцами американских железных дорог». Затем он обнародовал свой сенсационный проект... «магистрали Париж — Нью-Йорк с железнодорожным туннелем под Беринговым проливом».

Здесь уместно будет вернуться к Эдварду Генри Гарриману. Этот владелец 27 американских железнодорожных линий, участник ряда международных железнодорожных компаний, стремился наложить руку на железнодорожную сеть чуть ли не всего мира. Гарриману, в частности, принадлежала дорога «Юнион Пасифик», пересекающая всю Северную Америку, но ее рельсовые пути, к величайшему огорчению хозяина, обрывались у Тихого океана... «Океан?.. Ну, что ж, мы продлим нашу «Юнион Пасифик» на азиатском берегу этого океана, и наши поезда помчатся через Китай, через Сибирь и Урал — к Балтийскому морю, они добегут до самого Парижа... И американская магистраль «Юнион Пасифик» станет кругосветной» — так рекламировал перед репортерами свои замыслы Э. Гарриман в те дни.

Эти «мечты» американского хищника охарактеризовал с исключительной образностью и лаконизмом Алексей Максимович Горький:

«Если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места».

Думал ли Гарриман действительно построить железную дорогу на Чукотке и в Якутии? Конечно, нет! Провести железнодорожную линию протяжением в 5 тысяч километров на Крайнем Севере, в условиях полугодовой полярной ночи, в тундре, где бывают 60-градусные морозы и пурга свирепствует неделями... Соединить потом две линии, аляскинскую и сибирскую, 60-километровым туннелем, проложенным подо дном морским!.. Эта задача в те годы была по силам лишь героям фантастических романов. Но Гарриман был героем совсем иного вида романов. Что действительно нужно было Гарриману—так это получить концессионные права на эксплуатацию всей северо-восточной Си-

бири, права, делавшие его полновластным хозяином поверхности и недр Восточной Сибири. Вот о чем «мечтали» Э. Гарриман и его покровители из Белого дома.

В 1901 году, в те самые дни, когда Лобель «обосновывал» проект «Магистраль Париж—Нью-Йорк», в Петербурге принимали еще двух знатных американских «путешественников», сенаторов Лоджа и Бевериджа. По приезде домой Альберт Беверидж сделал в журнале «Сатердей ивнинг пост» следующее более чем откровенное заявление:

«...Мы можем разрешить России пользоваться территорией на запад от Иркутска; на восток же от этого города простирается естественный рынок Америки...»

В том же 1901 году, выступая на 56-м заседании американского конгресса, сенатор Альберт Беверидж разлился соловьем.

«Судьба,— вещал он,— предписала нам нашу политику... Мы создадим опорные американские пункты по всему миру. Вокруг этих пунктов вырастут великие американские колонии, в которых будет развеваться наш флаг... Наш американский образ жизни последует за нашим флагом. Американский закон, американский порядок укрепятся на тех землях, которые доныне покрыты темнотой...»

Знакомые, весьма знакомые слова! Как известно, в наши дни американские «опорные пункты» по всему миру именуются попросту военными базами.

После экспедиции Лобеля на Аляску и Гарри де-Виндта и сенаторов в Россию события развивались уже по определенному плану. В Нью-Йорке было решено для начала действовать через Францию. Здесь Лобель должен был обнародовать свой проект «Магистраль Париж — Нью-Йорк через Сибирь и Аляску». Согласно проекту, ветка от мыса Дежнева до Красноярска должна была быть построена на концессионных началах «французами». Для «встречного» же строительства на Аляске создан был в Нью-Йорке другой, американский синдикат этой компании, юридическими представителями которого выступали главные инженеры железных дорог Э. Гарримана и Дж. Хилла: Армстронг, Пеграм, Рохвер, Корхелл и Уоддел.

Лобель развил в Париже бешеную деятельность: он привлек в свой «синдикат» видных французских банкиров, бывших министров, аристократов, генералов и прочих «людей с именами», добился «высокого покровительства» со стороны тогдашнего президента Франции Эмиля Лубэ. Он устроил в Сорбонне доклад о «Великой магистрали», издал о «будущей Аляско-Сибирской железной дороге» книгу и настойчиво, в течение трех лет, вел из Парижа переговоры с русским правительством. Американский же филиал гарримановского авантюристического «синдиката» до поры до времени помалкивал.

Что касается царского правительства, то вначале оно отвечало отказами. Оно, как видно, не особенно верило в наличие у Лобеля и его французских сообщников достаточно крупных капиталов... Однако после того, как Лобель в 1904 году получил третий отказ, Гарриман посылает его в Петербург с самыми неограниченными полномочиями уже от имени американского синдиката «Транс-Аляска — Сибирь».

В подкрепление Лобель захватил с собой любопытный документ, на котором расписался член правительства Теодора Рузвельта — министр финансов Лесли Шоу. «Принимая во внимание выгоды, которые доставит железная дорога «Транс-Аляска — Сибирь» Соединенным Штатам и России,— говорилось в документе,— мы выражаем пожелания относительно ее осуществления и обязуемся содействовать своими капиталами и личным участием в деле образования компании для эксплоатации железной дороги «Транс-Аляска — Сибирь» немедленно по получении указа императора всероссийского, разрешающего означенную концессию...» Кроме министра финансов, это письмо подписали многие финансовые тузы США и в их числе директор Национального банка в Нью-Йорке Алфред Куртис.

Гарриман и его подручные вручили Лобелю и проект «условий» будущей концессии. Вот основные пункты этого чудовищного по своей наглости «проекта»:

I. «Синдикат «Транс-Аляска — Сибирь» предполагает построить за свой счет на концессионных началах железную дорогу от Красноярска на Якутск — Верхне-Колымск — мыс Дежнев протяжением в пять тысяч верст. Далее будет построен туннель под Беринговым проливом до островов Диомида, откуда намечается постройка второго туннеля — до мыса Принца Уэльского (на Аляске).

II. В виде возмещения за понесенные затраты русское правительство должно отвести синдикату сроком на 90 лет, помимо полосы отчуждения под рельсовые пути, железнодорожные постройки и устройство телеграфа еще по 8 миль (12 872 метра, или круглым счетом 12 верст) с каждой стороны дороги, причем в отношении этих земель на концессионеров переносятся все права, принадлежащие государству... которое передает им также копии планов, описания, статистические материалы и пр., относящееся до сих земель» (полностью «Проект» опубликован в статье С. В. Славина в сборнике «Летопись Севера»).

Иными словами: Э. Гарриман и его коллеги добивались не более и не менее, как захвата в свое полное и неограниченное владение и управление всей поверхности и недр территории в Восточной Сибири в 120 тысяч квадратных верст.

Но аппетиты «синдиката» на этом не кончались. Он требовал, чтобы ему было предоставлено право: «...Приобретать и другие земли с целью их обработки, разведения плантаций, постройки строений и т. п.; устраивать... вспомогательные пути, каналы, порты, плотины, набережные, доки, амбары, элеваторы, трамваи от станций железной дороги; устраивать транспортные предприятия на судоходных реках и на море... эксплоатировать рудники, заводы, леса, каменоломни; добывать и эксплоатировать электрическую энергию и всякую иную силу...»

«Условия» требовали освобождения синдиката от налогов и таможенных пошлин и права «концессионеров» вербовать вооруженную охрану, т. е. создавать собственные американские военные части в Восточной Сибири.

Короче говоря, речь фактически шла об американской оккупации территории северо-восточной части Азиатской России.

Однако происки Лобеля, прибывшего в Петербург осенью 1905 года, не увенчались успехом. Царское правительство испытывало в это время страх перед высоко поднявшейся волной первой русской революции. Согласие царских министров на «проект» Э. Гарримана дало бы в руки революционным и просто оппозиционным кругам России лишний козырь против царизма, уже вызвавшего широкое возмущение своими авантюрами в Корее и Маньчжурии. В этих условиях премьер-министр Витте хотя и не гнал Лобеля в шею, но и не спешил вступать с ним в переговоры.

Не добившись аудиенции у Витте, Лобель направил свои усилия и гарримановские доллары на обработку членов царской фамилии. Через известного авантюриста и агента американских хищников, хозяйничавших на Чукотке, В. Вонлярлярского Лобель подкупил великого князя Николая Николаевича Романова, имевшего большое влияние на царя. Через другого известного взяточника, министра двора барона Фредерикса, он добился благосклонного отношения к гарримановской авантюре со стороны царицы. Среди бумаг великого князя Николая Николаевича сохранилась следующая его записка: «Имел возможность говорить про дорогу «Сибирь — Аляска» (очевидно, с царем.— Г. Г.). Отнеслись более чем сочувственно. Советую конфиденциальнейшим образом предупредить, что есть громадный шанс на назначение комиссии,— и чтобы не уезжал. 25 ноября 1905 г. Николай».

В результате состоялось совещание в совете министров, на котором присутствовал и великий князь. Была создана при министерстве путей сообщения столь желательная для Лобеля комиссия под председательством Циглера-фон-Шафгаузена.

Однако нашлись русские патриоты — ученые и инженеры, которые доказали, что «проект» Лобеля представляет собой пустой блеф с технической точки зрения и лишь маскирует жульническую затею американских миллионеров; возражали и многие русские капиталисты, обиженные тем, что «весь барыш от этого дела достанется американцам». Но главной силой, которая опрокинула гарримановское империалистическое посягательство на Россию, была бурно разраставшаяся революционная борьба народных масс. В дни, когда в Москве героические революционные дружинники с оружием в руках боролись против царских войск, царская камарилья не могла так легко решиться на новые авантюры.

Политики из царских министерств решили прибегнуть к тактике затягивания. В Вашингтоне, разумеется, расшифровали эту тактику. Был пущен в ход излюбленный прием американской дипломатии — шантаж: в печати появились сообщения о переговорах относительно займа, предоставляемого Америкой... Японии.

Иными словами: либо отдавайте американцам Сибирь подобру-поздорову, либо они вновь натравят на вас Японию, отнимут у вас Сибирь ее руками...

Чувствуя за своей спиной поддержку Белого дома и фактически купив царский двор, Лобель держал себя все более нахально. Узнав, что в России обсуждаются проекты постройки Амурской линии Сибирской железной дороги, он немедленно предложил построить на средства «синдиката» не только Амурскую линию, но и целый ряд других ответвлений от основной американской железнодорожной линии Красноярск—мыс Дежнева: к Охотску, к Чите, к Благовещенску, Хабаровску и т. д. Иными словами, вместо линии в 5 тысяч верст «намечалась» линия уже в 10 тысяч верст! Американский синдикат предлагал «выручить Россию» и докончить строительство Великого Сибирского пути, т. е. захватить в свои руки территорию уже не в 120 тысяч квадратных верст, а в 240 тысяч квадратных верст.

Все же 20 марта 1907 года царский совет министров вынужден был окончательно отклонить проект Лобеля.

Как известно, провал этого «проекта» не прекратил домогательств американского империализма. Попытки «протянуть руку через Берингов пролив» настойчиво повторялись вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, прекратившей хозяйничание иностранных капиталистов в России. Известно также, как в годы интервенции — 1918—1922 — эта рука, пытавшаяся использовать иные методы для добычи «любимого растения», была обрублена героической Советской Армией. Тем не менее и в наши дни, когда боссы с Уоллстрита открыто выступают с претензией на руководство всем миром, далеко не бесполезно напомнить страницы истории, характеризующие как аппетиты, так и методы хищнического американского империализма, проявленные им еще на заре века.

А. Е. Архипов. НА ВОЛГЕ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

Н. А. Касаткин. СБОР УГЛЯ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

А. И. Корзухин. У КРАЮШКИ ХЛЕБА.

Государственный Русский музей. Лен

К Р А С Н А Я Г Л И Н А

Рассказ

Г. ГУЛЬШИН

Рисунки П. Караченцова

В кишлаке, что утопает в урюковых садах у подножья большой горы, слова «красная глина» имеют особенный смысл. Сказать кому-нибудь хлопкоробу, что тебе, должно быть, нужна красная глина, — значит крепко его обидеть.

А произошло это так...

В колхозе «Катта Куяш», что означает в переводе большое солнце, была незадачливая хлопковая бригада Хасана Асадуллина. В то время, как колхоз еще до первых дождей выполнял план хлопкозаготовок, эта бригада никогда не справлялась с заданием и оставалась в долгу у государства.

Бывало, осенью, после распределения доходов, колхозники на арбах едут в город за покупками, привозят кровати, швейные машины, новые казаны, а потом после жирного плова устраивают улак[1], на котором джигиты показывают свою удаль и мастерство. А асадуллинцы молчаливо штопают рваные халаты, подтягивают кушаками тощие животы и застенчиво жмутся по углам.

Много раз пробовали асадуллинцам помогать — давали взаимообразно и просто так хлеб и масло, а однажды весной выделили еще две пары быков, чтобы быстрее провести пахоту и сев. Но все это не давало почти никаких результатов. Урожаи в бригаде собирали попрежнему самые низкие, люди пали духом, потеряли веру в успех.

Жил в этом же кишлаке всеми уважаемый старый хлопкороб Назар-бобо Мирзаев. Худой и сгорбленный, с белой редкой бородой, он давно уже по старости лет ушел на отдых, устранился от всех дел и даже в чайхану заглядывал только по праздникам. Но однажды, вынув из сундучка новый халат и принарядившись, он явился в бригаду Асадуллина.

Подперев подбородок тростью, он долго сидел над быстрым арыком в тени карагача, наблюдая, как работают асадуллинцы, и чуть заметно покачивал головой. А на следующий день явился в правление колхоза к председателю Юсупу Хамракулову.

— Не к лицу в одной семье иметь разных детей! — строго сказал старик, уставившись на председателя выцветшими глазами. — Неуспехи в бригаде Асадуллина позором падают на весь колхоз.

Хамракулов от удивления привстал.

— Мы же им как только не помогали, уважаемый Назар-бобо! Наша совесть в этом отношении совершенно чиста.

— Слова проверяются делами, — резко оборвал старик и, откашлявшись, долго молчал, покачивая своей жиденькой бородой.

Потом выпрямился и твердо сказал:

— Я прошу вас: пусть неудачная бригада с этой весны перейдет в мое ведение.

— Что вы, что вы, — пробовал отговорить Хамракулов старика, — в ваши годы...

Но Назар-бобо был неумолим. Тогда председатель обещал обсудить этот вопрос на заседании правления. Правление удовлетворило просьбу старика.

В тот же вечер Назар-бобо пригласил всех членов бригады к себе домой. Попросив тщательно проверить, хорошо ли заперта калитка и не притаился ли кто-нибудь в темном винограднике, он, кряхтя, опустился на кошму возле тлеющего очага и негромко заговорил:

— Полвека назад, переселяясь в царство аллаха, мой отец сказал, что за первым перевалом, на восточном склоне горы в одном месте есть красная глина, которая в двенадцать раз увеличивает урожай. Найди ее — и тебе будет всегда сопутствовать успех...

Несколько пар глаз с недоверием и любопытством уставились на старика, а тот, молчаливый и торжественный, склонился к очагу и стал ворошить тлеющие угли. Над очагом веером взметнулись искры, и старик повернулся к теплу другим боком.

— Молодость легкомысленна, и я забыл название этого тайного места. Потом долго ходил в горах по козьим тропам, но все мои поиски были тщетны. И только недавно я вдруг вспомнил и решил сообщить вам.

Молодой круглолицый звеньевой в распахнутом халате вскочил с места и хлопнул в ладоши. Заметно волнуясь, привстал пожилой человек в истрепанном ватнике.

Послышались голоса:

— О, если это правда, мы завоюем успех!

— Скажи нам, как это место найти.

Назар-бобо, не торопясь, обвел присутствующих спокойным и, казалось, бесстрастным взглядом:

— Скажу... Но отец тогда поставил условие. Он сказал, что красная глина творит чудеса только в том случае, если ее положить в почву на глубину не менее двенадцати вершков. Иначе она погибнет все...

— Это можно, — уверенно кивнул звеньевой.

Старик вздохнул. Видимо, утомившись от разговора, он прислонился к стене и устало вытянул ноги.

— Тогда — все. Держите наш разговор в секрете. Место это — Кзыл-Таг, его вам укажут пастухи...

С восходом солнца добрая половина членов бригады на ишаках с хурджумами и мешками отправилась в ближние горы. Недалеко от каменистого ущелья, на дне которого грозно шумит бурный сай[2], они свернули направо и начали подъем по еле заметным тропам. Углубившись в горы, они вскоре разыскали осыпавшуюся пещеру, стены которой состояли из глины удивительно яркого цвета.

За несколько дней десятки мешков красной глины были переправлены вниз. Люди с надеждой заделывали ее в почву, как драгоценность, у всех было приподнятое настроение, и только старик был придирчив и ворчлив.

Как-то он заметил, что молодая краснощекая колхозница работает маленьким легким кетменем, которым нельзя как следует взрыхлять почву. И, подойдя к ней, негромко проговорил:

— Дай мне твой кетмень, а мой возьми себе. Только слабому старику простительно работать такой игрушкой.

Женщина густо покраснела. На следующий день она орудовала уже большим ферганским кетменем, который легко врезался в почву на большую глубину.

[1] Улак — национальная игра.

[2] Сай — река.

На наших вкладках

«...Бедность, страдания, несправедливость, насилия, лишения — вот что всего более занимает место в жизни людской, — писал Стасов о судьбе народа в пореформенной России. — Значит, понятно, чем всего скорее и чем всего более должны наполняться создания тех художников, которые хотят быть правдивы и искренни...»

Угол убогой крестьянской избы. У постели больной матери ребята делят скудные остатки каравая. Старшая девочка старательно режет ломоть, с жадностью смотрит на него малыш, и бесконечно скорбен взгляд обессилевшей, сломленной недугом матери: чем кормиться дальше, как жить? Картина А. И. Корзухина (1835—1894) «У краюшки хлеба» — один из замечательных образцов передвижнического жанра. А. И. Корзухин — мастер простых, обыденных сценок из быта городской и крестьянской бедноты. Он умеет придать обычному бытовому эпизоду социальное звучание, показать всю несправедливость капиталистического строя.

«Вы так поэтически человечно ставили, в дивной форме и неожиданной обстановке — трагическое жизни», — обращался Репин к Н. А. Касаткину (1859—1930). Трудно точнее определить существо творчества художника, посвятившего лучшие свои работы русским пролетариям. В течение семи лет Н. А. Касаткин ежегодно приезжал в Донбасс и там, живя среди шахтеров, создал серию картин из шахтерской жизни. Первые полотна серии и среди них картина «Сбор угля», или, как первоначально называл свою работу автор, «Сбор угля бедными на выработанной шахте», были показаны на XXXIII выставке передвижников.

Среди отработанной, выброшенной из шахты породы ребятишки и женщины ищут куски угля. Палящее солнце, унылые, однообразные терриконы, небо, подернутое серой пеленой угольной пыли, и нигде ни травинки, ни кустика. А работа подвигается с трудом, медленно наполняются мешки, и в каком-то последнем, вымученном напряжении долбит киркой землю старуха.

Пейзаж не как простой фон, а как средство для раскрытия душевного состояния героев картины, их переживаний всегда широко использовался передвижниками. Таким своеобразным дополнением рассказа о человеке звучит он и на полотнах одного из поздних передвижников, А. Е. Архипова (1862—1930). В его произведениях оживают величавые северные реки, неяркие среднерусские пейзажи, обрисованные с большой проникновенностью и лиризмом.

Закат на Волге, весь в золотых тонах, как бы растворяющихся в наступающих сумерках. На барже одинокая фигура задумавшегося паренька с гармоникой. Все очень просто и в то же время проникнуто глубоким чувством, ощущением красоты родной природы, особенно близкой и понятной от присутствия человека. Это — искренность и правда искусства, о которых писал Стасов и которыми были так сильны произведения мастеров демократического реализма, это — жизнь, как она есть.

И. ГРИНЕВ

В другой раз, придя на поле, Назар-бобо вдруг остановился и, с трудом присев на корточки, склонился над землей. Потом подозвал к себе звеньевого и ткнул тростью в отпечаток босой ноги между яркозелеными лепестками хлопчатника.

— Это что? — строго спросил он.

— Ой-ой! Видно, здесь прошел человек.

Старик укоризненно покачал головой.

— След глубок, а вокруг гладко. Значит, человек прошел, когда почва была сыра. Выходит, что после полива кетмень не касался здесь земли...

— Не успели,— смущенно признался звеньевой.

К середине июля хлопчатник на полях бригады стал привлекать всеобщее внимание. Все растения, как на подбор пышные и рослые, были усеяны голубоватыми цветами, яркозелеными тяжелыми коробочками.

— В гору пошли дела бригады, — говорили друг другу колхозники. — Вот чудеса!

С каждым днем зной спадал, а ночью начинал пощипывать холодок. В огородах поблекли кукуруза и джугара, чувствовалось приближение осени.

Бригада собрала по тридцать с лишним центнеров хлопка с гектара — невиданный в колхозе урожай! Колхозники заговорили о красной глине; дошла о ней весть и до областного центра; оттуда приехала группа специалистов: степенный, в роговых очках, геолог, молчаливый и недоверчивый агроном, рыжеволосая веселая лаборантка.

Приехавшие заняли в правлении колхоза чисто выбеленную комнату, достали из чемоданов колбы, пробирки, электрическую плитку. Потом взяли у асадуллинцев образцы красной глины и принялись за исследования.

В колхозе с нетерпением ждали результатов. Но специалисты и даже рыжеволосая хохотушка хранили загадочное молчание.

Наконец на одно из воскресений было назначено общее собрание. В осенний солнечный день люди собрались задолго до начала прямо во дворе правления, расселись на кошмах и коврах. Все с интересом ждали, что скажут ученые, и, когда Хамракулов, подтянутый и взволнованный, торжественно возвестил, что сейчас будет говорить агроном, мгновенно наступила тишина.

Агроном вышел из правления и осмотрелся по сторонам, кого-то отыскивая. Наконец, заметив молчаливо сидевшего в задних рядах Назар-бобо Мирзаева, раздельно и громко проговорил:

— Что же тут докладывать?.. Мы всесторонне исследовали красную глину и пришли к заключению,— это пустая порода и никаких особых свойств у нее нет.

Во дворе поднялся невообразимый шум. Люди хлопали друг друга по плечам, разводили руками, многие смеялись.

Внезапно послышались голоса:

— Э-э-эй, Назар-бобо, где ты там?

— Как все это понять?

— Разъясни нам...

Старик не спеша вышел к столу президиума, оперся на трость и спокойно проговорил:

— Я это знал.

Шум стал еще сильнее, десятки голосов слились в один общий говор. Хамракулов, красный от напряжения, стучал костяшками пальцев по столу, и когда стало тише, повернулся к старику.

— Но ведь урожай-то, урожай-то действительно получился на славу!

Люди замолчали, ожидая, что скажет в ответ старик. Назар-бобо понял это. Он устало переступил с ноги на ногу, по его загорелому морщинистому лицу скользнула едва заметная улыбка.

— В народе говорят: зарой поглубже под каждый куст виноградника по одному волоску из своей бороды, и ты получишь хороший урожай... И это, друзья мои, действительно так!

Он вдруг просто и широко улыбнулся, обнажив голые десны, и, повысив голос, тряся бородой, заключил:

— Конечно, не от волос, а от того, что, зарывая их, глубоко рыхлите землю... Вот так и здесь!

По двору покатился дружный хохот. Смеялись угрюмый агроном, степенный геолог, взволнованный председатель и круглолицый звеньевой. Затем, отдохнув, не скупясь на слова, крепко стали смеяться над бригадой Асадуллина и всеми теми, кто не может работать без красной глины и волос из собственной бороды...

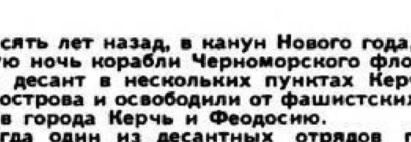
Иллюстратор Аркадия Гайдара

У каждого художника-иллюстратора есть «свой» писатель, которого он особенно глубоко чувствует, над произведениями которого он с особенным увлечением работает. Таким «своим» писателем стал Аркадий Гайдар для молодого московского графика Д. Дубинского. Два года назад завязалась его дружба с героями Гайдара. Внимание художника привлек небольшой рассказ «Чук и Гек». В серии рисунков, удостоенных Сталинской премии, Дубинский воспроизвел этот рассказ в точной последовательности сменяющих друг друга событий. Иллюстрации стали своеобразной кинолентой, запечатлевшей все, о чем говорил, а подчас только упоминал автор. Поезд, отходящий от ночного перрона, далекое путешествие малышей, заснеженный таежный городок у Синих гор, хорошие советские люди — обо всем этом просто и тепло, не теряя легкой лукавой усмешки Гайдара, сумел рассказать художник.

Новая серия рисунков Д. Дубинского иллюстрирует другое произведение Гайдара, «Р. В. С.», — повесть о жизни ребят в трудные годы гражданской войны. Озорной говорун и фантазер Жиган и обстоятельный, рассудительный деревенский парнишка Димка совершают героический поступок: помогают раненому члену Реввоенсовета скрываться от бандитов, ухаживают за ним и, наконец, сообщают о нем бойцам Красной Армии, которые спасают раненого командира. На воспроизводимых на третьей обложке нашего журнала рисунках запечатлено самое важное в повести. Здесь и первый разговор приятелей на берегу реки о бегстве в отряд красных, их беседа у разрушенных сараев о новостях, и встреча с раненым командиром, и горькие слезы Димки об убитой бандитом собаке Шмельке, и поиски «зелеными» командира, и, наконец, отъезд командира.

«Мои товарищи» с гордостью называл ребят Гайдар; такими же товарищами стали они и для молодого художника.

Володя Дубинин (слева) и Толя Ковалев. Снимок 1941 года.

Спустя десять лет...

Десять лет назад, в канун Нового года, в штормовую ночь корабли Черноморского флота высадили десант в нескольких пунктах Керченского полуострова и освободили от фашистских захватчиков города Керчь и Феодосию.

Когда один из десантных отрядов появился в районе Старо-Карантинских каменоломен близ Керчи, навстречу ему бросился мальчуган, восторженно размахивавший шапкой. С закопченного, осунувшегося лица подростка смотрели полные радостных слез сияющие глаза. Это был маленький разведчик замурованного в глубине каменоломен партизанского отряда, керченский пионер Володя Дубинин. Он был единственным, кому в последние недели блокады подземной партизанской крепости удавалось проникать на поверхность для разведки.

В ночь под Новый год саперы, проведенные Володей Дубининым по известной лишь ему тропе, разминировали один из входов в подземные каменоломни, и томившиеся два месяца без света партизаны вышли наверх.

Командование Крымского фронта наградило отважного пионера орденом Красного Знамени.

4 января 1942 года, верный своему патриотическому долгу, Володя вызвался помочь саперам, расчищавшим подступы к каменоломням. Фашистская мина оборвала жизнь четырнадцатилетнего героя...

Десять лет прошло с того дня, но не забыто имя Володи Дубинина. О нем вспоминают пионеры во всех уголках советской земли и в странах народной демократии. Именем Володи Дубинина названы улица и школа в его родном городе. Ему посвящен уголок в керченском музее. Минувшим летом перед фасадом школы, носящей имя Володи Дубинина, установлен бронзовый бюст. Большой белый мраморный бюст, изображающий юного героя, был выставлен в Берлине на Всемирном фестивале демократической молодежи и студентов.

Непрерывным потоком идут письма в Керчь, к матери героя, Евдокии Тимофеевне, и в школу имени Володи Дубинина.

У матери хранятся фотографии, где Володя снят со своими ближайшими товарищами — Ваней Гриценко и Толей Ковалевым, впоследствии составившими группу партизанских разведчиков, действовавших под началом Володи Дубинина.

Часто у домика Дубининых останавливается грузовик Камыш-Бурунского комбината. Из кабины выходит худощавый, стройный водитель машины.

— Здравствуйте, тетя Дуся.

Это на минутку заглянул по пути, чтобы навестить старых друзей и родичей, самый близкий друг и двоюродный брат Володи, не раз ходивший с ним в опасные партизанские разведки, Ваня Гриценко.

А недавно прислал свою последнюю фотографию третий разведчик из группы Володи Дубинина — Анатолий Ковалев, ныне находящийся в рядах Советской Армии. Он частенько проводит беседы с молодыми бойцами о славных делах пионеров подземной крепости.

Маленький домик, где живут мать и сестра Володи, часто навещают местные и приезжие пионеры, сюда приходят бывшие товарищи, друзья детства, боевые соратники славного керченского школьника...

Л. МАКСИМОВ

Ефрейтор Анатолий Ковалев. Снимок 1951 года.

ЛАМПЫ ДНЕВНОГО СВЕТА

Продолговатая трубка из матового стекла ничем не напоминает электрическую лампу в обычном нашем представлении. Но включим ток, и она начнет излучать свет, в первую секунду дрожащий, мерцающий, а потом — мягкий и ровный, без слепящего блеска, словно солнечные лучи, затененные тонким облаком. Попробуйте долго и не отрываясь

В цехе Трехгорной мануфактуры.

смотреть на светящуюся трубку,— глаза ваши не почувствуют никакого раздражения. Если перед вами раскрытая книга или мелко исписанный лист, вы будете при этом свете читать, нисколько не напрягаясь. Разложите перед собой цветную ткань, и тончайшие переливы красок воспримутся зрением не искаженно.

Такова люминесцентная лампа. Заглянув внутрь продолговатой матовой трубки, мы увидим тонкие вольфрамовые волоски только на противоположных ее концах. Это электроды. Пространство между ними заполнено аргоном и парами ртути. В этих парах и возникает дуговой заряд, дающий ультрафиолетовые, невидимые глазом лучи. Они, в свою очередь, возбуждают люминофор — светящийся состав, покрывающий внутренние стенки трубки. Люминофор излучает свет.

Велики и многообразны достижения советской электровакуумной техники. Неоспорим мировой приоритет отечественных исследователей, неустанно двигающих вперед науку об электричестве и свете. Подобно тому, как в прошлом веке Россия была родиной «свечи Яблочкова», так в наши дни советские физики во главе с академиком С. И. Вавиловым первые обосновали учение о люминесценции.

Новый принцип преобразования электрической энергии в световую высоко экономичен. Давая ровный, рассеянный белый свет (он может иметь также розоватый или голубоватый оттенки, в зависимости от свойств люминофора), люминесцентная лампа потребляет в два — три раза меньше электроэнергии и служит значительно дольше, нежели лампа накаливания. Новые лампы, сконструированные в лабораториях советских ученых, осваиваются в массовом производстве.

В просторном, недавно отстроенном цехе Московского электролампового завода люди работают в белых халатах. Со скрупулезной точностью, в стерильной чистоте составляется шихта — смесь — для люминофоров. Размолотые жерновами фарфоровой мельницы химикаты прокаливаются в электропечах, сушатся, просеиваются. Растворенный в нитролаке порошок образует сливкообразную массу. Ровным слоем покрывает она стенки тщательно откалиброванных, отобранных по размерам трубок. На специальной машине к трубкам припаивают электроды. Потом откачивается воздух и внутрь вводятся ртуть и аргон.

Множество сложных операций происходит в цехе прежде, чем к испытательному стенду подводят ток и выстроенные в ряд матовые трубки вспыхивают изнутри мягким светом.

Люминесцентные лампы с маркой Московского ордена Ленина электролампового завода широко применяются советскими людьми в самых различных областях труда.

На комбинате Трехгорной мануфактуры они освещают цехи ткацкой и ситценабивной фабрик.

Вот из-под валов печатной машины стремительно ползет ткань с только что нанесенным на нее многоцветным рисунком. Свет люминесцентной лампы помогает

В залах ленинградского Эрмитажа.

Фото Б. Уткина

работнице следить за тем, чтобы рисунок и расцветка ткани нигде не были нарушены.

Вот ткань высушивается после отбелки. При обычном электрическом освещении на ней не всегда заметны масляные пятна. Белый свет люминесцентной лампы позволяет уловить самый ничтожный брак. Так же и в красильном цехе и в контрольно-браковочном...

По примеру «Трехгорки» многие предприятия текстильной промышленности устанавливают у себя люминесцентное освещение.

Люминесцентные лампы горят на угольных шахтах, на станциях московского метрополитена.

Тот, кто давно не бывал в ленинградском Эрмитаже, теперь, придя туда, поразится волшебной перемене в некоторых залах. Никогда прежде не было так светло под старинными сводами музея. Потоки ровного белого света, устремляясь сверху и с боков, открывают во всей красе живописные полотна, многие из которых прежде были частично скрыты полумраком. Люминесцентное освещение позволяет показать зрителю немало замечательных произведений искусства, ранее не всегда доступных обозрению.

Новое освещение начинает применяться и в быту. В мастерской художника, в кабинете ученого и конструктора поздними вечерами горит дневной свет.

Лампы дневного света украсят скоро одно из первых высотных зданий столицы — Московский университет на Ленинских горах.

Созданные творческим трудом советских ученых и конструкторов, люминесцентные лампы облегчают труд, украшают жизнь советских людей.

С. МОРОЗОВ

См. снимок на 2-й странице обложки.

На станции метро «Курская-кольцевая».

Над крышей

Вл. ЛЯСКОВСКИЙ **Фото О. КНОРРИНГА**

Г. Дорожкин у своего самолета.

Кончен путь...

В стенной газете Сталинабадского аэропорта мы прочли письмо одного пассажира. Автор письма, видимо, был так полон впечатлений, что невольно перешел на стихи. Он писал:

Горы. Пропасти. Ущелья. Нет дорожки.
Самолет над скалами ведет Дорожкин.
Утомительна, опасна эта трасса,
Но пилот — отличнейшего класса.

Мы в этом убедились, когда летели на Памир. Наш самолет, пилотируемый Григорием Дорожкиным, плавно, почти без рывков, оторвался от земли, сделал круг над аэропортом и быстро стал набирать высоту. Для глаза высота оставалась почти незаметной. Чем ближе к Памиру, тем выше острые пики скал, покрытые вечным снегом. Только взглянув на приборы, отдаешь себе отчет: ты находишься на высоте 3 тысяч метров... 4 тысяч... 5 тысяч...

Под крылом — фантастическое нагромождение хребтов, увенчанных серебристыми ледниками. Но вот хребты преграждают дорогу, и машина на высоте пяти тысяч метров входит в ущелье. Рядом с крылом — острые бурого цвета выступы скал. Внизу пенится река Пяндж.

— Сколько метров до скалы?

Григорий Дорожкин спокойно отвечает:

— Метров сорок — шестьдесят.

Машина идет почти впритирку к горам. Летчик сосредоточен. Второй пилот осведомляется у пассажиров:

— Как чувствуете себя? Может, кому-нибудь нужен кислородный прибор?

Прибор просит самый маленький пассажир — сын памирского агронома десятилетний Усман Шарипов. Но не потому, что ему труднее стало дышать, а ради любопытства.

Затем машина идет на снижение. Стрелка на приборе качнулась и двинулась в обратный путь: 4 500... 4 000... 3 800... 3 000.

— Хорог! Я вижу Хорог! — воскликнул мальчик.

Он не ошибся. Как только машина свернула резко влево, из-за горы показались строения, сады.

Но где аэродром? Куда же садиться самолету? Кругом горы, ущелья. И вдруг замечаешь у самой горы узкую полоску серой земли. К ней направляется самолет. Пробегают секунды. Машина касается грунта.

Хорог. Полтора часа назад мы были в Сталинабаде...

Спускаемся по трапу. Навстречу мчится шумная ватага ребятишек. Это дети из соседних кишлаков. Они всегда встречают самолеты, прилетающие сюда с Большой земли.

К самолету подходит заместитель начальника Хорогского аэропорта Иван Павлович Морозов. Он здоровается с летчиками. Разговор короткий. Летчик спрашивает:

— Пассажиры?

— Хватит на два рейса.

— А грузы?

— Есть. И на завтра готовим.

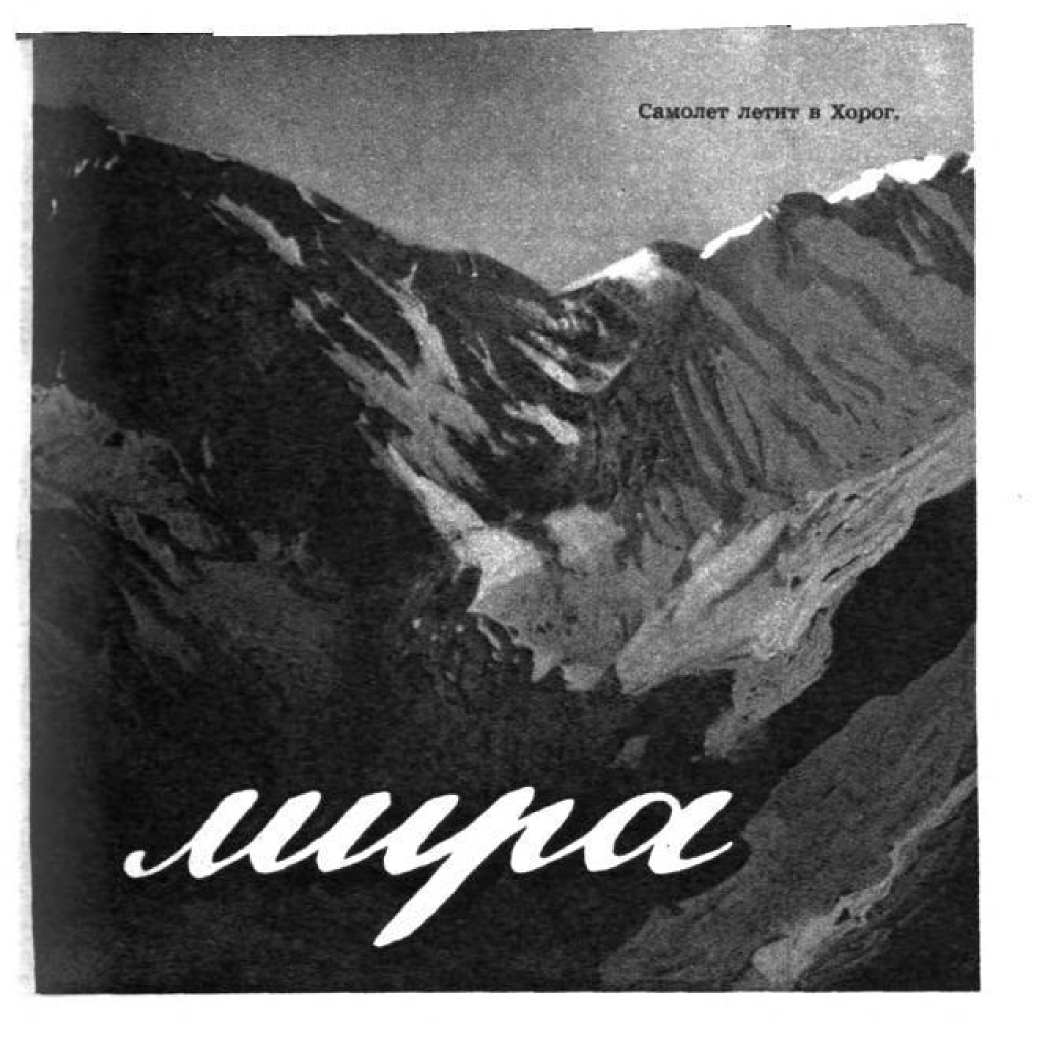
Отдых у летчиков короткий: 15—20 минут. Дорожкин поторапливает Морозова.

— Чайку, может, выпьешь? — спрашивает.

— В следующий рейс. Смотри, вон облачко появилось,— отвечает летчик.

Облачко — недобрый вестник. Погода на Памире капризна. Каждую минуту жди сюрпризов.

...Первый самолет приземлился на этой площадке в 1933 году. С тех пор и открылась трасса Сталинабад — Хорог. Пионерами этой трассы были мужественные летчики Леонид Овсянников и Мазит Сабиров. Их имена знает весь Памир и, пожалуй, вся республика. Про Сабирова говорят: виртуоз. Хладнокровие не покидает его никогда. Несчетное множество раз мы слышали историю о том, как однажды Сабирова на высоте в 5 тысяч метров застигла непогода, как отказал один мотор, но летчик, борясь с бураном, все же привел самолет. Сейчас он летает на других трассах горного Таджикистана.

Самолет летит в Хорог.

Но у него достойные преемники: памирскую трассу обслуживают летчики Григорий Дорожкин и Николай Андриенко. Они так же искусно водят машины в трудных горных условиях.

Иван Павлович Морозов рассказывает, сколько ими перевезено пассажиров и грузов.

— А не можете ли вы назвать ваших пассажиров? Кто преимущественно летает по этой трассе?

— Конечно, могу.

Иван Павлович, раскрыв объемистый журнал, перечисляет:

— Учительница Акилова из Бартангской школы. Летала в отпуск Инспектор культпросветотдела Махмудов, врач Чекалина, композитор Книппер — из Москвы к нам прилетал. Он музыку о Памире написал. Кинооператор Придорогин. Он снимал у нас ботанический сад и совхоз, где яков разводят. Замиров — секретарь райкома партии — учиться в партийную школу улетел. Летом перевезли 68 воспитанников детского дома — уехали в Сталинабад, поступили в музыкальную школу.

— А грузы?

— Разные бывают,— произнес Морозов и взял со стола другой журнал.— Продукты для Памирторга, радиоприемники, учебники, медикаменты, суперфосфат для колхозов, семена люцерны, рыба свежая для столовых Хорога, кресла для Дворца культуры.

Помолчав немного, он добавил:

— Зимой особенно трудно летать. Зима у нас лютая, снежная...

Почетен труд коллектива аэропорта. Честно несет он свою вахту, обслуживая пассажиров самой высокогорной трассы мира.

Летчик Н. Андриенко и заместитель начальника Хорогского аэропорта И. Морозов заполняют полетный лист.

МЕЖ ГОРЕМ И СЧАСТЬЕМ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

На юге таджикской земли, где отчизны граница,
Стремительно Аму-Дарья своенравная мчится.

Она разделяет два мира, и падает пена,
Песком засыпая два берега попеременно.

Река протекает меж ночью и утренним светом,
Меж мертвой тоскою пустынь и могучим расцветом.

Река протекает меж рабством и миром свободным,
Меж смертью и жизнью, меж горем и счастьем народным.

Река протекает меж ложью и правдою вечной,
Два мира она разделяет струей быстротечной.

По этой воде пограничной на лодке моторной
Мы вверх проплываем навстречу прохладе нагорной.

Тот берег, что слева, шумит камышом; он печален,
Он бремя несет крепостных, стародавних развалин.

А берег, что справа, вздымается к небу садами,
Красуется зданьями он, возведенными нами,

И славная Вахша волна с торжеством и отвагой
Вливается в Аму-Дарью животворною влагой.

Вливается с юга Кундуз, как невольника слезы,
Вливается с севера Вахш, где мужают колхозы,

Где хлопок цветет на таджикских полях изобилья —
То голуби мира раскрыли чистейшие крылья!

— Вахш! — мы восклицаем, увидев колхозные зданья,
Террасы садов и цветов молодое блистанье.

— Вахш! — мы восклицаем, увидев родную природу,
Таджикскую землю, что вольному служит народу.

На этой земле человек поднялся в наши годы, —
Так вверх поднимаются горы, деревья и воды.

Земля стала кладом, а влага зарю отразила,
Людские сердца озарила, глаза озарила...

Рекой, разделившей два мира, на лодке моторной
Мы движемся быстро навстречу прохладе нагорной.

Тот берег, что слева, как нищего тело иссушен,
Как взоры скупца, он бесцветен, угрюм и бездушен.

Пастух, опираясь на палку, стоит у обрыва.
В глазах его, мнится, читаем вопрос молчаливый:

«Скажите мне, люди на лодке: зачем на две части
Аму рассекла этот мир — на печаль и на счастье?

По вашей земле она льется, сады орошая,
А наша земля все такая ж сухая, скупая».

День гаснет. Во тьме исчезают и берег пустынный,
И нищий пастух, и замшелые башен руины.

Тот берег, что слева, сливается с ночью. А справа
Наш берег сверкает огнями, как звездная слава.

Лишь в памяти нашей остались крутые обрывы,
Пустыни тоска и вопрос пастуха молчаливый...

Моторная лодка, дробя непокорные воды,
Приблизилась к правому берегу, к миру свободы.

Огни электричества гостеприимно сияли,
Когда пограничник нам руки пожал на причале.

Перевел с таджикского
С. ЛИПКИН

ПОТЕРЯННОЕ УБЕЖИЩЕ

Жоакин Соэйро Перейра ГОМЕС

В декабре 1951 года исполнилось два года со дня смерти мужественного португальского писателя-патриота Жоакина Соэйро Перейра Гомеса. Он прожил всего сорок лет. Последние шесть лет жизни провел в подполье. В мае 1944 года Перейра Гомес руководил грандиозной забастовкой в Рибатежо, в которой приняло участие более сорока тысяч трудящихся. В 1948 году он был избран членом ЦК португальской компартии.

Перейра Гомес умер среди крестьян Рибатежо, которые скрывали его от полиции. Крестьяне села де Жестасо, несмотря на салазаристский террор, отдали последний долг своему другу. Похороны вылились в демонстрацию протеста против существующего строя. Вот что писала по этому поводу буржуазная газета «Република» 7 декабря 1949 года: «...когда похоронная процессия проходила по улицам села, жители пели национальный республиканский гимн «Португеза». Это был необычайно волнующий момент».

Свое первое произведение — «Эстейрос» — Перейра Гомес посвятил португальским детям, «которые никогда не знали, что такое детство». За несколько месяцев до смерти он начал писать роман «Компанейрос» («Товарищи»), одну из глав которого мы публикуем ниже.

Не выпуская из рук чемодана, он ждал, пока подойдет трамвай. Мысль о том, что самая рискованная часть работы почти завершена, придавала ему силы. «Теперь лишь бы добраться до дома!»

Вконец измученный, мокрый от пота, изнывающий от жажды, он усилием воли старался придать своему лицу беззаботное выражение, словно хотел сказать окружавшим его людям: «Какое прекрасное утро, не правда ли? Не обращайте внимания на мой чемодан... там ничего нет, кроме белья. Да к тому же он совсем не тяжелый». Однако люди, ожидавшие трамвая, казалось, и не думали интересоваться им. Они видели в Абеле всего лишь нового претендента на место в вагоне. Им ничего не говорила фигура этого худощавого, плохо одетого парня, чьи глаза порой тревожно поблескивали из-под надвинутой на лоб шляпы.

Когда подошедший вагон остановился, Абел хотел было спокойно подняться по ступенькам вместе с чемоданом, но, обессилев, вынужден был бросить чемодан прямо перед собой на площадку. И сразу же два человека, следовавшие за ним, как по команде, поспешили на помощь. Притронувшись к шляпе в знак благодарности, Абел невольно вздрогнул, скользнув взглядом по их лицам.

— Ваш чемодан нам не помешает,— не унимались двое.— Можете пристроить его здесь.— Тон был слащав и не в меру предупредителен.

— Премного вам благодарен,— поспешил ответить Абел.

Ему удалось наконец протиснуться по проходу и устроиться на одной из передних скамеек, поближе к выходу. Изо всех сил он старался сохранить беззаботный вид.

«Спокойно, спокойно. Нечего корчить из себя кролика, попавшего в ловушку. А эти люди? С какой стати подозревать их? Только потому, что они помогли мне? Но это так естественно!»

Немного успокоившись, Абел закурил сигаретку, смерил расстояние, отделявшее его от двери, и принялся рассматривать пассажиров: «Какой вздернутый нос у той девицы... вот смешная-то!» Но попытка избавиться от гнетущих мыслей ни к чему не привела. Те двое, стоя, наблюдали за ним из глубины вагона. «Ах, чорт возьми!» Абел мог поклясться, что заметил, как один из них подал знак сидевшему на передней скамейке пассажиру. «Да, дело начинает принимать дурной оборот. Сойти на первой же остановке,— мелькнуло у него в голове.— Но это опасно. Так можно довести полицейскую свору до самого дома. А выйти там... между стеной и пустырем...» Но куда он пойдет с огромным чемоданом? Если бросить чемодан и скрыться... Нет, никогда! Бежать, не использовав даже «последний шанс», как говорят товарищи,— это измена. Бросить чемодан без сопротивления — значит предать тех, кто доверил ему этот чемодан, предать своих друзей по борьбе, свою партию.

Трамвай замедлил ход и остановился. Абел без спешки взял чемодан, выпрямился и двинулся к двери, продолжая делать вид, что чемодан легкий и не доставляет ему никаких хлопот. На улице, пройдя несколько шагов, Абел нагнулся, словно завязывая шнурок ботинка, и незаметно оглянулся. Он сразу увидел человека, следовавшего за ним. Это был пассажир с передней скамейки. Абел прибавил шагу. Завернув за угол, он вскочил в подъезд какого-то дома, одним духом взбежал по лестнице и остановился на площадке, переводя дыхание. Через стекло над входной дверью ему было отлично видно, как мимо промчался его преследователь с вытянутой шеей, вынюхивая след.

— Сеньор кого-нибудь ищет? — обратилась к Абелу женщина, мывшая лестничную площадку.

— Да... я хотел бы сказать, то есть узнать, где живет сеньор...— И Абел назвал первое пришедшее на память имя.

— Нет, таких нет. Я знаю всех здешних жильцов. Впрочем, дайте подумать. Там направо...

— Спасибо. Всего хорошего,— поспешил перебить ее Абел.

Спустившись, он осторожно выглянул наружу. Улица была пуста. Снова повернув за угол, он быстрым шагом направился к дому.

Едва переступив порог квартиры, служившей ему убежищем, Абел в изнеможении бросился на кровать. Он был доволен: «Еще раз удалось ускользнуть!» Несмотря на бессонную ночь, спать ему не хотелось. Только мучительно болели стертые ноги.

Три месяца, как он окунулся в подпольную жизнь. Девяносто дней борьбы, преследований, скитаний по чужим людям. И только в этой тесной каморке он дышал свободно. Здесь мир его отдыха, занятий и изредка сна. Абел очень любил эту комнатку с низким потолком и стенами, покрытыми пятнами сырости. У одной стены кровать без покрывала, у другой — грубый стол. Да еще чемодан на полу. Единственное окно выходит на задворки, а за ними далеко-далеко виднеется узкая полоска реки.

Вечером, когда отблески солнечных лучей вспыхивали на грязных и потрескавшихся стеклах окон, в час, когда возвращались с работы жильцы, Абел, облокотившись на подоконник, наблюдал за своими соседями, разделяя их радости и печали. Мужчины обычно сразу же принимались за починку старых курятников или поливали кизиловые деревца, которые никогда не приносили плодов. Женщины в это время хлопотали, накрывая столы на тесных верандах, если только позволяла погода. А кругом, точно голодные птицы, прыгали дети.

Он так любил этих ребят! Издалека они показывали ему свои жалкие игрушки, посылали воздушные поцелуи и воображаемые выстрелы. Он же отвечал на это страшными гримасами, заставляя их хохотать до упаду. И никогда отчаяние не душило его с такой силой, как в те минуты, когда ночью, среди будничных и пустых разговоров, раздавался вдруг пронзительный плач ребенка. Распахнув настежь окно, Абел весь обращался в слух, пытаясь понять, что же происходит там, в темноте. Однажды он попытался усовестить соседку, колотившую маленькую Луизу, белокурую девчушку, которая, как две капли воды, была похожа на его младшую сестренку.

— Зачем так бить девочку? Может быть, у нее что-нибудь болит, вот она и плачет. Оставьте ее.— Голос его прозвучал довольно резко, и женщина отрезала:

— Кто ты такой, чтобы мне указывать? Занимайся лучше своими делами.

Кто он такой?.. По правде сказать — никто. Его жизнь была такой же, как и жизнь всех тружеников его страны, всех тех, кто изголодался по хлебу и справедливости. Его жизнь та же, что и у этой отчаявшейся женщины. Нищета и ничего более. «Но придет день...— думал он,— это будет лучезарное, солнечное утро... Да, обязательно солнечное...»

Неожиданно его разбудил звонок. Два коротких и один длинный... Не ошибся ли он? Подкравшись к двери, Абел посмотрел сквозь решетку и только тогда отворил.

— А, это ты! Знаешь, ты меня разбудил.

— У тебя материал разобран? — сразу спросил вошедший, видимо, чем-то взволнованный.

— Еще нет. Я, как пришел, сразу же уснул.

— Тогда хватай чемодан и беги. Район под наблюдением полиции. Снимешь квартиру подальше. Прочти газетные объявления. Товарищ просил передать, что ты должен с ним встретиться в четыре часа. Провинциальный материал принеси в ручном чемодане. Место ты знаешь сам. Если не встретитесь, то завтра в восемь. Запомнил?

Абел сел на кровать, сбитый с толку. Он еще не успел связать эти факты с тем, что произошло с ним в трамвае, и поэтому начал возражать:

— Во-первых, мне надо вымыть ноги... Посмотри, что с ними делается! Потом нужно собрать одежду и кое-какие вещи... Это займет несколько минут.

— Послушай, полиция вьется у самых дверей, а ты мне толкуешь про ноги! И какие такие вещи у тебя, чтобы надо было их собирать? Ведь нет ничего.

— Что верно, то верно,— пробурчал Абел, оглядывая на прощание комнату, а заодно и двор, где щебетала маленькая Луиза.

Товарищ наспех запихивал в чемодан белье, а он в это время писал короткую записочку своим друзьям по дому, ушедшим на работу. У выхода товарищ напомнил:

— Ведь мы еще не договорились о маршруте. Ты как пойдешь?

— По «Темной долине», это — самое лучшее,— ответил Абел. И тот согласился:

— Будь здоров. Держись!

Абел крепко пожал ему руку и зашагал, то и дело оглядываясь назад.

«Темная долина» на деле представляла из себя узкий пустырь, стесненный с двух сторон крутыми откосами. Почва здесь была на редкость каменистой, и только несколько арендаторов, ютившихся на полуразвалившейся ферме у самого края пустыря, упорствовали, пытаясь обработать землю. Даже город отступил от «Темной долины», остановленный кру-

тыми склонами. Долина служила свалкой для мусора и убежищем для тех, кого горожане вышвыривали, как собак, пинком ноги. То были лотошники, будоражившие по утрам город своими криками, проститутки без свидетельств и музыканты-попрошайки с темных улиц, тряпичники, ведущие вечную войну с собаками из-за содержимого мусорных ящиков, и, наконец, беспризорные ребятишки. Все они ютились здесь, в бараках из досок и обрывков жести, под старыми навесами, поддерживаемыми дряхлыми оливами.

На этот раз Абел не стал созерцать это болото нищеты, раскинувшееся в черте города. Он спешил найти убежище и отдохнуть. Пробежав глазами газетный лист с объявлениями, он уже стучал у двери одного дома.

— Здесь сдают комнату в наем?

— Да, будьте добры войти.

Комната была темной с одиноким оконцем, выходящим на маленький дворик. Здесь не было полоски реки вдалеке. Не слышно было и смеха маленькой Луизы. Но хозяйка показалась ему добродушной.

— Плата двести эскудо,— вдруг выпалила она.

— Так дорого!

Женщина стала оправдываться, поминая и черный рынок и пенсию, на которую нельзя прожить неделю (она была вдовой чиновника). Абел колебался. Но проклятый чемодан будто налился свинцом, и ноги так болели... Он остался. Собираясь прилечь, он вдруг подумал: «Следует купить другой чемодан и обязательно с запором. Ведь стоит мне сейчас выйти, хозяйка наверняка обшарит мой чемодан... А может быть, и нет. По лицу, пожалуй, не скажешь, что она любит совать нос в чужие дела. Но как бы там ни было, другого выхода нет». И он пошел искать чемодан. Когда он вернулся спустя некоторое время, хозяйка обратилась к нему с вопросом:

— Простите, пожалуйста, сеньор. Но вы мне так и не сказали, откуда вы и чем занимаетесь. Наверное, служите?

Абел уловил странную перемену, происшедшую в ее лице.

— Да, я торговец.— Он, не задумываясь, назвал какую-то местность, выдав ее за свою родину.— Кроме того я немного пишу...

— Так, так...— процедила хозяйка, потом помолчала и добавила: — Понимаете, ведь надо же знать, кого пускаешь к себе в дом. Я и так натерпелась в жизни.

Абел постарался внушить ей доверие, но он ясно сознавал: произошло что-то непоправимое. Он бросился к чемодану, там все было перерыто. Проклятья сорвались с его губ. Сдерживая слезы, Абел почувствовал, может быть, первый раз за сегодняшний день, что у него опускаются руки. Обстоятельства доконали его. Шло время, а он не двигался с места, разбитый и удрученный. Перед его мысленным взором, шелестя, проносились страницы газет. Выстраиваясь в ряд, они говорили о страданиях, причиненных народу фашизмом, о том, что родина в беде. Они говорили: надо бороться и побеждать. Временами ему чудились глаза, воспаленные от бессонных ночей, обведенные синевой глаза товарищей из подпольной типографии. Он смутно различал руки, лихорадочно набиравшие статьи. Они мелькали над листами бумаги все быстрей, быстрей. Наконец ему послышалось— он мог поклясться, что явственно слышит далекий приглушенный гул тысяч и тысяч голосов. Они требовали и звали: «Вперед! Вперед!» [1].

Абел вышел, сказав хозяйке, что вернется к вечеру (он прекрасно знал, что не сделает этого). Опять ему нужно было выбирать между ненадежностью нового убежища и опасностями, поджидавшими на улице. С большим трудом добрался он до места условленной встречи. Там никого не было. И снова, зажав в руке последние объявления, он бродил от дома к дому, цеплялся за перила, поднимался и вновь спускался по бесконечным лестницам, таща свой чемодан.

Наконец он решил, что нашел то, что нужно,— спокойную, надежную квартиру. Скитания окончились. Из глубины дома до него доносились звуки радио. Нежные аккорды казались такими знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где же он слышал эту мелодию раньше. Нервное напряжение понемногу спадало. Но когда Абел пристроил свой чемодан в углу, хозяйка объявила ему:

— Сегодня вам придется побыть без ключа.

— Это неважно.

— Если вы хотите, я могу еще раз сходить поискать его там, в тюрьме.

Абел изобразил на лице удивление, и хозяйка пояснила:

— Прежнего жильца, который здесь был, вчера арестовали. По политическим мотивам,— добавила она шопотом.

Абел оцепенел. Понадобилось некоторое время, чтобы он мог говорить, не выдавая волнения:

— Видите ли, если вы не возражаете, то пусть квартира останется за мной до ночи. Мне еще надо отнести содержимое этого чемодана в магазин. Я торговец...

— Очень хорошо.

Абел скатился по лестнице вниз. «Не может быть, чтобы за квартирой не следили». В это самое мгновение он почувствовал озноб. У входной площадки какая-то подозрительная фигура шарахнулась в сторону и слилась с темнотой. Абел успел только заметить: «Низенький, в нахлобученной шляпе». Едва он вышел на улицу, как тень метнулась за ним. Абел все ускорял и ускорял шаги, пытаясь затеряться среди прохожих. Люди только что закончили дневные занятия и наполнили улицы. Многие несли свертки и чемоданы, но ни у кого не было такого огромного чемодана, как у него. И он еще хотел остаться незамеченным!

Человек шел за ним, прижимаясь к стенам, словно ящерица. Абел видел его в те короткие мгновения, когда останавливался перед витринами. Он чувствовал на своей спине холодок от его присутствия. Завернув за угол, Абел пустился бежать. Он надеялся достичь другой улицы прежде, чем агент вынырнет из-за поворота. Но когда Абел оглянулся назад, за ним гнался не один шпик, а два или даже больше. А один из них был низенький, в нахлобученной шляпе...

Пот заливал лицо, башмаки сжимали ноги, словно клещи, и острая боль пронизывала бедра. Но, стиснув зубы, в отчаянной решимости он шептал: «Нет, я не брошу чемодан! Я доставлю газеты, которые мне доверили!»

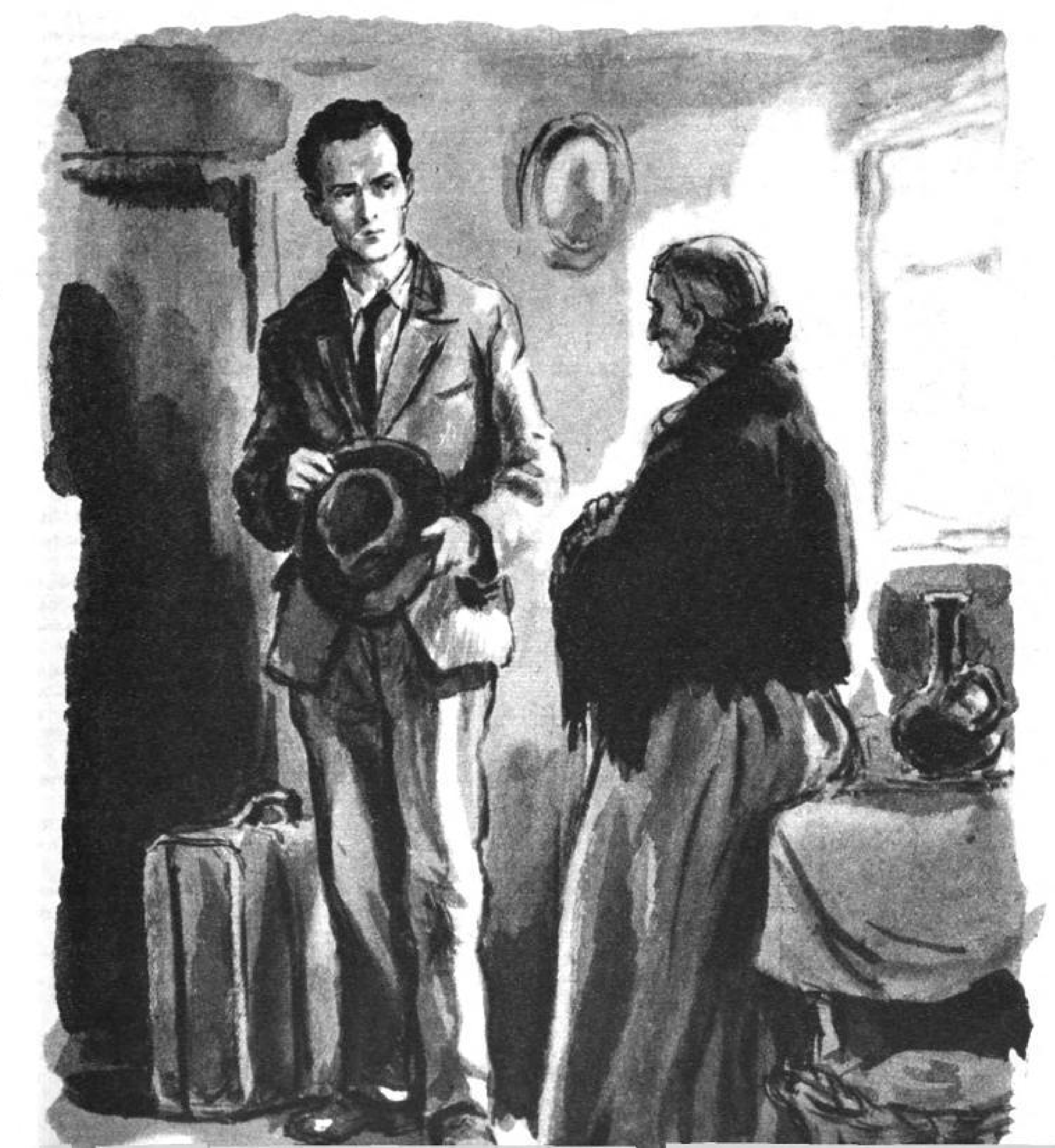
Выбиваясь из последних сил, Абел прибавил ходу. Пробежал еще одну улицу. Свернул за угол. Но все это время он чувствовал на себе пронизывающие взгляды. Сзади мелькали зловещие силуэты. Он вдруг испугался мальчишки-разносчика, выкрикнувшего название газеты перед самым его носом. Какая-то женщина обругала его последними словами: пробегая, он задел ее. «Проваливай, пьяница»,— донеслось до его слуха. Но все это не задерживалось в его сознании. Только одна мысль жила в нем: «Нет, я не брошу чемодан, не брошу!» Его начало душить бешенство. Он готов был кричать своим врагам, всему городу: «Не боюсь я вас, канальи!» А сам все шел, шел, теряя последние силы.

Вдруг перед ним вынырнул автомобиль. Резкий свет фар ударил в глаза. «Наверное, полиция! Неужто я окружен?» Он и не заметил, что давно уже ночь опустилась на город и что тысячи огней зажглись повсюду. Им владело только одно желание: освободиться от преследовавших его теней, укрыться наконец от цепких взглядов, ощупывавших его с ног до головы. Уйти! Уйти! А город большой, и кажется, нет ему конца. И ни одной открытой для него двери! Ах, только бы дотащиться до какого-нибудь темного угла...

Он прошел еще несколько улиц, слабо освещенных и почти пустынных. Вдруг, оступившись, Абел почувствовал, что катится по неровной поверхности. Поднявшись, он огляделся вокруг. Множество огней мерцало вдали. Их тусклое сияние позволило различить Абелу контуры «Темной долины», погруженной в тень и безмолвие. Он стоял так долго, прислушиваясь, и гнетущая тоска мало-помалу исчезла. Он не чувствовал боли в ногах, только резь в желудке начала беспокоить его. «Когда же я ел последний раз?» Он поднял воротник пиджака. Чемодан заменил ему подушку. Какое значение имеет голод? Как бы там ни было, а он доставит газеты в срок, задание будет выполнено. И вот придет день... с таким лучезарным, солнечным утром... да, солнечным, солнечным!..

Перевел с португальского
З. ЧЕРНОВ

[1] «Вперед» (по-португальски «Аванте») — название центрального органа компартии Португалии.

По просторам Родины

Центральное место в сборнике Владимира Матова занимает очерк «В нарымской тайге», представляющий собою своеобразный творческий отчет писателя о путешествии по Нарымскому краю.

В авторском предисловии к очерку приведены слова В. И. Ленина, сказанные в 1921 году: «Посмотрите на карту РСФСР... к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Так было! Но этого уже нет. Пафос большого и обстоятельно написанного очерка В. Матова заключается в показе того, как преобразились и преображаются дикие места к северу от Томска, как расцвели за годы советской власти глухие окраины нашей страны.

Герои очерка — тымские селькупы (таежные люди) — называли себя «чумылькупами», то есть «земляными людьми», потому что прежде они вели полукочевой образ жизни, ютились в земляных норах. Главное занятие селькупов—охота на белку. В. Матов пишет: «Предпринимая поездку на Тым, я отнюдь не имел в виду собрать материал, отвечающий запросам «занимательного жанра», каким принято считать охотничью литературу. Пушной промысел — обычная трудовая профессия, только стоящая несколько особняком. Количество промысловых охотников в необозримых пространствах тайги исчисляется многими сотнями тысяч. Однако работа и жизнь добытчиков драгоценной пушнины почти не нашли отражения в литературе. Желание хотя бы в небольшой мере заполнить это «белое пятно» и стимулировало работу над очерком».

Нелегкий труд тымских добытчиков пушнины изображен глубоко, со знанием дела. Читатель найдет в очерке сочетание мастерства исследователя с мастерством художника, умеющего наблюдать и обобщать виденное.

Автор сознательно уклонялся от «занимательного жанра», от всяческих внешних эффектов, от использования «умирающей экзотики», и тем не менее очерк никак нельзя назвать сухим репортажем о деятельности тымских промысловиков. Очерк занимателен именно потому, что речь идет о самом главном, чем живут люди Нарыма: о духовном росте этих людей, возрожденных революцией к новой жизни, о чертах коммунизма в жизни далекой окраины.

До революции тымские селькупы вымирали от голода и эпидемических заболеваний. Немало содействовали этому царские чиновники и купцы, жестоко эксплуатировавшие таежных охотников. Ныне селькупы — равноправные члены великого содружества наций Советского Союза. Изменились условия труда в Нарыме, изменился быт.

Описывая селькупское жилье, автор говорит: «С удивлением я переводил взгляд с одного угла горницы в другой. Легионы клопов и тараканов — какими нелепыми показались эти опасения! В таежном жилище царила чистота, какую не часто встретишь у самой заботливой городской хозяйки».

В нарымских дебрях появились школы, больницы, клубы, лесопильные и деревообрабатывающие предприятия, тракторы и комбайны, стада молочного скота, новые рыболовные и охотничьи снасти, орудия промысла.

Нет, суровость природы не мешает процветанию жизни, при которой труд, как и во всей нашей стране, стал радостью для свободного человека — строителя коммунизма, борца за мир!

Очерк «Дерево в песках» переносит нас в солончаковые степи Сталинградской и Астраханской областей. Автор повествует о делах и днях лесомелиоративного пункта Всесоюзного научно-исследовательского института агролесомелиорации, о пионерах лесонасаждений в Нижнем Заволжье Митрофане Алексеевиче Орлове и Федоре Михайловиче Касьянове.

Очерк «Зауральский самородок» посвящен Терентию Семеновичу Мальцеву — знатному полеводу колхоза «Заветы Ленина», Шадринского района, Курганской области. Этот колхозник-ученый широко известен в нашей стране. О нем написано немало статей, очерков. Заслуга В. Матова в том, что он показывает Т. Мальцева крупным планом, раскрывает характер и душу талантливого мастера земледелия, воспитанного партией и советской властью.

Кроме очерков, в сборник включены десять рассказов. Читатель знаком с ними по журналам. В таких рассказах, как «Сыновья», «Вторая венгерская», «Синицы», «Будни Севера» и «Глухое урочище», подкупает мягкий лиризм повествования, чувство нового, свойственное автору, разносторонний показ советского человека.

Ниже общего уровня сборника рассказы «Метель», «Золотое руно», «Фрунзе на охоте» и «Весенние шалаши». Это неглубокие зарисовки с натуры или беллетризированный пересказ чьих-то воспоминаний.

Общее же впечатление от сборника отрадное. Владимир Матов — талантливый и растущий писатель. Он много ездит по стране, кропотливо изучает жизнь и умеет облекать свои наблюдения в строгую и ясную форму. Язык В. Матова, лишенный внешнего блеска, отличается точностью и простотой.

Книга «По просторам Родины» обогащает наши представления о родной земле, о советском человеке, преобразующем мир.

И. АРАМИЛЕВ

Владимир Матов. **По просторам Родины.** Очерки и рассказы. «Советский писатель». М. 1951. 339 стр.

Рассказы Абдуллы Каххара

Узбекская декада литературы и искусства «открыла» москвичам талантливого писателя Абдуллу Каххара. Его роман «Огни Кошчинара», его пьеса «На новой земле» и, наконец, рассказы привлекли особое внимание широкой общественности столицы. Мне хочется поговорить о рассказах Каххара, ибо в них наиболее ярко выражено интересное дарование этого писателя.

Как известно, искусство рассказа требует большого мастерства. И это понятно: малая форма должна нести большую идею, большие мысли. В рассказе, как в капле чистой воды, должна отражаться большая жизнь. Без этого не может быть настоящего рассказа. Ясность, точность, краткость — важнейшие условия рассказа. Там, где рассказ растекается, там, где он непомерно раздувается за счет рыхлого сюжета, кончается искусство настоящего рассказа. Нормальный, здоровый рост литературы предполагает развитие всех жанров, в том числе и жанра рассказа. Гости порадовали нас тремя сборниками рассказов, изданных на русском языке: книгами Айдын, Х. Назирова и А. Каххара, которые, несомненно, демонстрируют рост узбекской советской литературы и в области этого интереснейшего и трудного жанра.

В сборник А. Каххара вошли одиннадцать рассказов. Часть из них повествует о жизни дореволюционного Узбекистана, о жизни тяжелой и мрачной. Автор рассказывает:

«Крестьянин в прежнее время говорил так: «Уж лучше пожар в доме, чем покража в хлеву...» Дом бедняка — это всего только десять жердей, да воз камыша, да две арбы глины. Труд при постройке дома в расчет не принимался, потому что строителем был сам хозяин...»

Это из рассказа «Воры». Всего несколько строк, а за ними встает картина нищенской жизни крестьянина, стонавшего под игом баев. Что было делать крестьянину, если у него украли вола? Это — огромное бедствие. Уж лучше пожар в доме! Однако раз уж приключилась беда, надо идти с челобитной к властям: к деревенскому старосте — элликбаши, к волостному управителю — амину, к приставу. Всем этим алчным представителям царской власти нужны подарки. Эти подарки вконец разорят крестьянина, а вол так и не находится. Но вола «с удовольствием» одолжит Игамберды — тесть деревенского старосты, одолжит «на самых легких условиях».

«О том, насколько легки эти условия,—с горечью заключает писатель,— дед Кадыр узнает осенью, когда соберет урожай».

В другом рассказе, «Гранат», писатель показывает молодую чету бедных крестьян. Турабджан вынужден похитить гранаты из сада богатого князя — духовного судьи. Вот финал рассказа:

«Турабджан молчал. Его трясло, как в лихорадке. Открыв глаза, он с тоской посмотрел на жену, и губы его скривила болезненная улыбка. А из груди вырвалось — мучительно, тяжело, с каким-то надрывом:

— Не я... бедность... будь она проклята!»

Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла счастье узбекам. Раскрепощенный народ начал строить новую, свободную жизнь. Однако существованию этой новой, молодой жизни угрожали империалисты и их наемники — басмачи. В прекрасном рассказе «Прозрение слепых» А. Каххар изобразил подвиг крестьянина Ахмата-палвана, смело вступившего в борьбу против басмачей.

В рассказах «Неудачи Баки-Мирзы» и «Пугало» встают тени прошлого, смешные и нелепые на фоне новой жизни. Писарь Баки-Мирза, решивший не служить советской власти и зарабатывавший тем, что писал бумаги для неграмотных, уже не нужен: грамотность пришла в любой узбекский дом...

Лодырь Нуртаджан из рассказа «Пугало» мечтает предъявить свои «права» и жениться на дочери Ягдара, который когда-то произнес клятвенный обет отдать обеих дочерей в вечное услужение отцу Нуртаджана — ишану Ташходжа. Название рассказа символично: Нуртаджан — пугало не только из-за своей внешности, но и потому, что его притязания отдают страшной, но уже накрепко забытой стариной.

Рассказ «Картина» посвящен росту колхозного села. В колхоз приезжают поэт и кинорежиссер в поисках события, которое раскрыло бы перемены на селе. Но здесь всё ново: и детский сад, и электростанция, и чудесный сад с фруктовыми деревьями, и машины, которые облегчили труд человека, а главное, сами люди колхоза...

Когда писатель точен и краток, когда он отказывается от всего, что задерживает свободное течение рассказа, ему сопутствует успех. Когда же писатель в рассказе «Золотая Звезда» на протяжении двенадцати глав монотонно пересказывает весь путь своего героя Ахмеджана, от первых дней пребывания в армии до дня, когда ему присваивается звание Героя Советского Союза, рассказ не получается. Сентиментален рассказ «Синий конверт».

Сила Абдуллы Каххара в юморе, в краткости и четкости его рассказов, в глубоком раскрытии явлений и характеров, казалось бы, на небольших примерах. Писатель, на наш взгляд, и дальше должен следовать по этому трудному пути хорошего рассказчика, не делая себе никаких поблажек.

Рассказы Абдуллы Каххара написаны, что называется, от души. В них светится большая любовь к советскому народу, к Родине, к той нови, которая любовно взрастила миллионы талантливых людей, в том числе и таких одаренных писателей, как Абдулла Каххар.

Георгий ГУЛИА

Абдулла Каххар. **Рассказы.** Госиздат УзССР. Ташкент. 1951. 167 стр.

Уральский народный хор. Солистки хора А. Устюжанина и М. Петрова исполняют уральские частушки.

Фото О. Кнорринга и М. Савина.

Мастер спорта А. Филатов на соревнованиях по горнолыжному спорту в горах Ала-Тау (Казахская ССР). Фото Л. Доренского

ЗИМА. Фото Дм. Бальтерманца

Подопытные животные в виварии. У собаки Пятнашки перерезан спинной мозг и удалена кора одного полушария большого мозга; у утки перерезана задняя половина спинного мозга.

Аспирант Н. И. Санкова подготовляет оперированную собаку Дамку к опыту по выработке условных рефлексов.

НА ПОДСТУПАХ К РАЗГАДКЕ

А. ДОРОХОВ

Фото Г. Санько

С человеком произошел несчастный случай. Глубокая рана рассекла руку почти пополам. Хирург удалил омертвевшие ткани, соединил обломки кости и тщательно сшил оставшиеся концы нервов, сухожилий, кровеносных сосудов. Прошло время, и все благополучно срослось.

Но, странное дело, человек почему-то не может владеть пальцами. Прежде такие послушные, теперь они ему не повинуются. Он пытается согнуть мизинец — сгибается указательный палец. Да и кожа словно не та: она совсем потеряла чувствительность. Что же изменилось в поврежденной руке?

Если бы мы взглянули на любой крупный нерв через микроскоп, мы увидели бы отнюдь не сплошную, однородную ткань. В нервном стволе тесно переплетаются десятки тысяч тончайших волокон, и всякое из них имеет свое назначение: одни передают ощущения, другие управляют движениями, третьи регулируют работу сосудов. Каждое отдельное нервное волокно заключено в тонкий футляр из соединительной ткани.

И вот разразилась катастрофа, а затем хирург плотно сблизил концы пострадавшего нерва. Окончания волокон ниже раны, несомненно, погибли. Но их начала, связанные с мозговыми центрами, продолжают жить. Стремясь восстановить разрушенный участок, клетки бурно размножаются, и волокна постепенно врастают в отверстия уцелевших ниже шва футляров. Но, конечно, уже не тех, по которым они проходили до аварии. Прежний порядок грубо нарушен.

Примерно то же получилось бы на большом железнодорожном узле после бомбежки, если бы ремонтные бригады соединили уцелевшие участки полотна, не сообразуясь с тем, куда какой путь ведет. Легко представить себе ту невероятную путаницу, которую произвело бы такое восстановление! Поезда, следующие к пассажирскому вокзалу, стали бы попадать на товарную станцию; направленные на главный путь оказывались бы в депо. Железнодорожный узел был бы выведен из строя.

В таком же положении находится первое время и оперированная рука. Сигналы с периферии попадают в другие мозговые центры, приказы центров либо не доходят до назначения либо извращаются в пути. Потому-то потеряли чувствительность и перестали слушаться пальцы.

Но это длится сравнительно недолго. Проходит еще несколько месяцев, и постепенно все каким-то чудесным образом налаживается. День за днем в организме идет неуловимая перестройка. Вся сложнейшая сеть взаимных отношений периферии и центров изменяется, создаются новые навыки, пути передачи ощущений и приказов прокладываются вновь. И наконец наступает день, когда поврежденная рука снова действует, как здоровая.

Собака Бесхвостик. Полтора года назад у нее был перерезан с двух сторон спинной мозг, а в июне 1951 года удалена кора правого полушария головного мозга.

* * *

Физиологам известен ряд весьма любопытных опытов. Можно, например, одновременно перерезать у собаки правосторонний срединный нерв, берущий начало в спинном мозге и ведающий правой передней лапой, и правосторонний блуждающий нерв, начинающийся в продолговатом мозге и ведающий внутренними органами. А затем сшить эти столь различные нервы крест-накрест: начало срединного нерва с концом блуждающего и начало блуждающего с концом срединного. Все теперь безнадежно перепутано: лапа связана с центром сердца, а сердцем командует центр, ранее управлявший лапой. Совершенно естественно, что на время в организме собаки воцаряется хаос. На время, но не навсегда!

Через определенный срок неразбериха ослабевает, а затем и вовсе исчезает. В работе нервных центров и органов, которыми они управляют, появляется новая согласованность. Перестройка заканчивается благополучно.

Эта чудесная способность организма приспособляться к изменившимся условиям в свое время была названа И. П. Павловым проявлением своеобразного могущества живого вещества. Давно замечена она и врачами. Хирурги не только сшивают поврежденные нервы, но и заменяют отдельные их участки небольшим отрезком чужого нерва, взятого у животного и особым образом обработанного. Иногда врачи делают и более смелые операции: например, при параличе ноги пришивают окончание пораженного болезнью нерва к началу здорового. Через некоторое время парализованный орган начинает функционировать снова, хотя теперь его деятельностью руководит совсем другой мозговой центр.

Но каким же образом все-таки происходит эта удивительная перестройка? Этого наука не знает и до сих пор. Практика здесь намного обогнала теорию. А между тем, не имея ясно-

го представления о механизме явления, невозможно с уверенностью им управлять: ускорять, облегчать, совершенствовать.

* * *

Двадцать с небольшим лет назад загадка была объявлена решенной. Немецкий физиолог Бете выступил с теорией, которая быстро получила широкое распространение среди западноевропейских и американских ученых.

С точки зрения Бете нервная система высших животных и человека представляет собой бесформенную сеть нервных клеток и проводников и принципиально ничем не отличается от нервной системы самых примитивных многоклеточных организмов — каких-нибудь червей или полипов. Все части нервной системы человека абсолютно равноценны и обладают равными возможностями. Достаточно вывести из строя один участок — его функции немедленно берет на себя соседний.

Нервная система человека, по мнению Бете, очень похожа на автоматическую телефонную станцию. Занята или повреждена одна линия — тотчас механически включается другая. Импульсы передавались одним путем, теперь они бегут другим.

«Теория» Бете — яркий пример грубо механистического подхода к объяснению явлений, происходящих в живом организме. Это очередная, плохо замаскированная попытка идеалистов выступить против современной материалистической биологии. Ведь, по Бете, все происходит «само собой», какой-то необъяснимой силой. Он отрицает всякую организующую роль коры головного мозга, осуществляющей наиболее тонкое и совершенное приспособление высших организмов к условиям их существования. Он пытается оспаривать величайшее достижение современного естествознания — учение Ивана Петровича Павлова об условно-рефлекторной деятельности коры головного мозга как основы сложнейших взаимоотношений организма с окружающей средой.

Немудрено, что гипотезу Бете, отнюдь не подкрепленную убедительными фактами, с радостью встретили реакционеры. Это был высокомерный вызов, брошенный физиологам-материалистам.

* * *

Вызов был советскими учеными принят.

Главную задачу — разоблачить порочность и полную необоснованность теории Бете и подтвердить всеобъемлющее значение учения И. П. Павлова — взял на себя один из его ближайших учеников, тогда еще молодой кандидат биологических наук, а ныне член-корреспондент Академии наук СССР Э. А. Асратян.

Метод полемики был принят павловский: опыт, наблюдение, накопление фактов, выводы. Бить противника выводами, основанными на неопровержимых фактах!

Но прежде всего надо было освоить технику сложнейших операций на наиболее чувствительных участках живого организма — на нервных центрах. До этого не многим удавалось, например, удалить у собаки всю кору головного мозга и добиться, чтобы животное не погибло, а осталось жить. Асратяну предстояло удалять у животных не только всю кору, но и мозжечок и другие важные участки центральной нервной системы. Как сохранить в таких условиях жизнь?

Правда, еще два десятка лет назад широко разрекламированный в Америке физиолог Фультон развязно заявил, что скоро будет делать такие комбинированные операции даже на человекообразных обезьянах. Но до сего дня Фультон сумел осуществить свое намерение лишь на нескольких кошках, причем все они погибали уже на третьи сутки и только одна прожила тринадцать дней.

В лаборатории Асратяна такая операция стала обычной, заурядной, и животные не гибли.

* * *

...На мягкой подстилке отделенного такими же мягкими перегородками бокса лежит собака. Иногда она пытается встать, но лапы ее беспомощно разъезжаются в стороны. Вся правая половина тела у нее парализована. Собака перенесла на днях серьезную операцию. У нее перерезана правая половина спинного мозга. Ее правые конечности потеряли способность к движению. Исчезли и условные рефлексы: пораженную лапу можно уколоть, но животное ее не отдернет.

Так что же, собака обречена теперь на полную инвалидность? Нисколько!

Здесь же, в виварии, бегает веселый рыжий пес. Трудно представить себе, что всего лишь два месяца назад и он подвергся такой же операции и находился в столь же беспомощном состоянии. Больше того, правая половина спинного мозга этой собаки и сегодня еще остается разделенной пополам. Высокоорганизованные нервные клетки, из которых состоит спинной мозг, обычно не восстанавливаются после повреждений и не создаются вновь.

Но за два месяца организм этой собаки уже приспособился к новым условиям. Попрежнему безостановочно бегут из центров верхних отделов мозга к правой стороне тела нервные импульсы. Но теперь они проложили себе новый путь — в обход поврежденного участка. Они минуют разрыв, пробегая, как по мостику, по левой, неперерезанной стороне спинного мозга. Все восстановлено: центр непрерывно получает сигналы с периферии и посылает в ответ свои приказания.

И рядом третья собака. Но в отличие от двух первых она лежит на своем матрасике почти неподвижно. Лишь изредка она судорожно вздрагивает. Глаза ее лишены всякого выражения.

Это и не удивительно. Прежде чем перерезать половину спинного мозга, у собаки удалили кору головного мозга. У нее нет того главного органа, который взял бы на себя руководство перестройкой, тренировкой и переучиванием организма. Она навсегда потеряла всякую возможность приспособиться к новым условиям. Собака может прожить еще год, и два, и три. Но сколько бы лет она ни прожила, она навсегда останется беспомощным инвалидом, способным вести лишь растительное существование.

Так в сотнях опытов наглядно вырисовывается решающая роль коры головного мозга, от которой пренебрежительно отмахивался Бете. Функционирует кора — и организм медленно, но упорно приспособляется к самым грубым изменениям внешних и внутренних условий. Кора удалена — и чудесная способность к приспособлению начисто исчезает...

«Теория» Бете была опровергнута. Говоря об его провале, И. П. Павлов заметил: «Это хорошая наука тем, кто общее идеалистическое миросозерцание впутывает в научный анализ».

* * *

Чем яснее становилась Асратяну и его товарищам проблема приспособляемости, тем заманчивее казалось применить найденные выводы в клинике. Нельзя ли, основываясь на открытых закономерностях, поискать новые методы лечения людей, перенесших серьезные повреждения?

Задача эта очень не проста. Как бы высоко ни была развита нервная система собаки или даже обезьяны, между организмом животного и человека всегда остается огромная не только количественная, но и качественная разница. Здесь можно только сравнивать, но отнюдь не отождествлять.

Поэтому группа Асратяна могла бы истратить еще десятилетие на теоретическую разработку проблемы, но так и не решиться применить свои выводы к людям. Однако сама жизнь властно потребовала взять на себя эту ответственность. Великая Отечественная война в корне изменила обстановку. Можно ли было ограничивать и дальше свой мир лабораторией и не стремиться перейти в госпиталь? Как не попытаться в меру своих сил облегчить восстановление здоровья раненых воинов? Совесть каждого диктовала единственно возможное решение.

Асратян поставил перед собой благородную задачу: найти новые пути и способы ускорять и совершенствовать приспособительные явления у выздоравливающих после тяжелых ранений бойцов.

И опять внимание ученого сосредоточилось на одном из узловых моментов драгоценного павловского наследия. Известно, что в своих последних работах И. П. Павлов не раз подчеркивал охранительную и целебную роль процесса торможения, иначе говоря, сна. По мнению Павлова, сон не только защищает и предохраняет от истощения клетки мозга и других нервных центров — сон способствует их скорейшему возвращению в строй, когда они заболевают.

А что если применить уже проверенное средство, которое так успешно излечивает истощение нервной системы, для ее восстановления при повреждениях? Ведь И. П. Павлов не раз говорил, что сон — это средство не только самозащиты, но и самолечения нервных клеток. Сон прекращает или резко ослабляет их работу и дает им возможность отдохнуть и набраться сил. Значит, сон поможет придти в норму и соседним травмированным, но не поврежденным участкам центральной нервной системы. А это, несомненно, ускорит процесс приспособления.

Началась новая серия опытов над животными. Результаты оказались разительными. Достаточно было при помощи снотворных удлинить ежедневный естественный сон оперированных собак до 10—12 часов, как приспособительные явления стали развиваться вдвое быстрей! Если до сих пор собаки после перерезки шейного мозга вставали на ноги через три недели, а начинали бегать лишь через сорок дней, то теперь, при продлении сна, они уверенно бегали уже через семнадцать дней.

А когда выводы были многократно проверены при самых различных условиях, когда были разработаны точные методы и дозы, Асратян попросил разрешения применить их в госпиталях и начал лечить сном тех раненых, на организм которых не влияли другие средства.

Не без внутренней тревоги решился ученый впервые сделать объектом своего эксперимента не подопытное животное, а страдающего человека. Физиологу предстояло вторгнуться в область, где безраздельно властвуют врачи. Как переступить невидимую, но резко ощутимую грань, которая отделяет лабораторию от клиники?

Сознание высокого долга ученого помогло Асратяну преодолеть все колебания. Его решимость была вознаграждена. Примерно в трех четвертях случаев необычный метод лечения дал стойкие положительные результаты. О большем трудно было и мечтать! Это была блестящая победа советской, павловской физиологии.

Разработанный Асратяном метод лечения сном коренным образом отличается от так называемой наркозной терапии. Принцип Асратяна — лечить не большой дозой снотворного, а дозой хорошего, крепкого сна. Нельзя злоупотреблять наркотиками даже для лечения. К большинству из них организм далеко не безразличен. Да и слишком длительный, круглосуточный сон, приближающийся к наркозу, обычно не укрепляет, а ослабляет человека.

Поэтому в клиниках, где уже применяется новый метод, пользуются очень ограниченными дозами немногих, наиболее безвредных снотворных, вызывающих не более десяти — двенадцати часов сна, близкого к естественному. Дозы постепенно уменьшаются: лечение проводится с перерывами и длится не больше месяца.

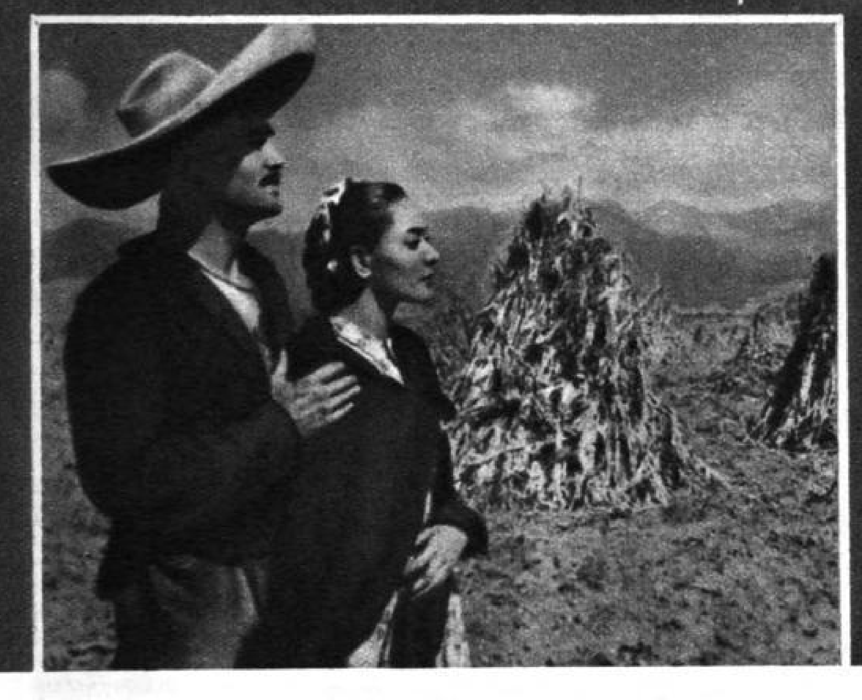
Успешность такого метода ускорения восстановительных явлений проверена на сотнях больных. Выводы, найденные в лаборатории, приняты на вооружение практической медициной.

Но для советских людей всякая победа — не завершение, а лишь этап на пути к следующим. Достигнутый успех не только дал Асратяну ответ на поставленные им вопросы; столь же закономерно он выдвинул и новые проблемы, ждущие своего разрешения. Только ли покой, который приносит нервным клеткам сон, ускоряет течение восстановительных явлений? Не действует ли торможение каким-то неизвестным нам образом и на активизацию нервных клеток? В противном случае трудно объяснить такое непонятное на первый взгляд явление: клетки, почти прекратившие под влиянием снотворного свою рефлекторную деятельность, продолжают попрежнему поглощать то же количество кислорода, какое они поглощали в бодрствующем состоянии.

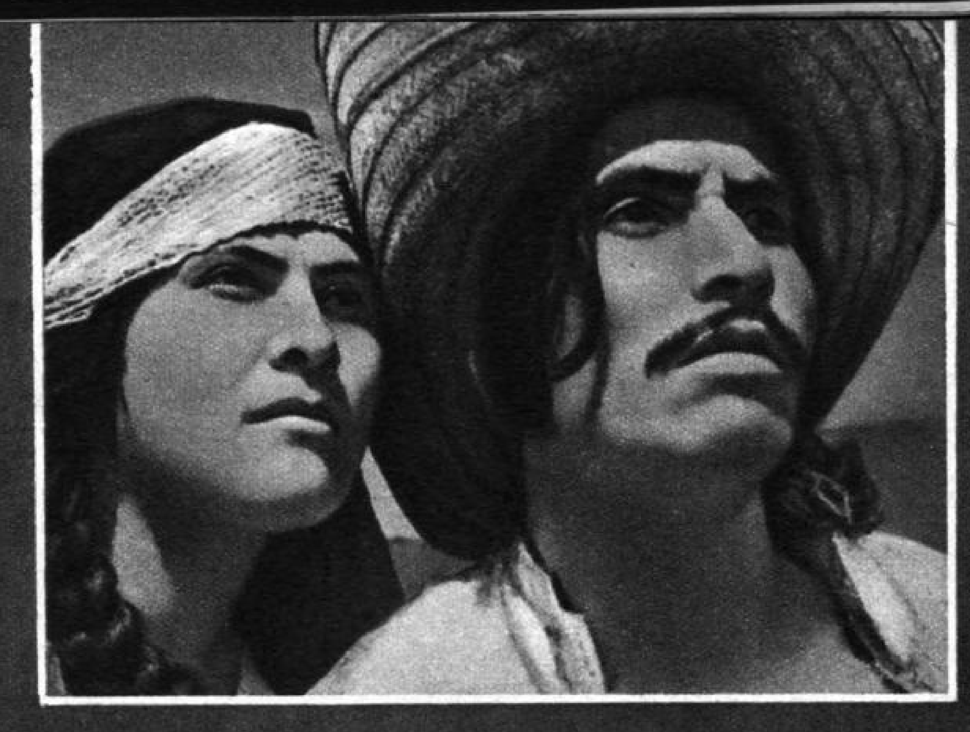
Может быть, то, что мы считаем прекращением активности, есть всего-навсего ее изменение, направление по иному руслу? Не говорит ли это о том, что спящий организм начинает тратить силы не на работу, а на восстановление, на исправление повреждений?

Так все шире и шире раскрывается горизонт перед взволнованным исследователем, все безграничнее становятся перспективы.

ПЕВЕЦ УГНЕТЕННЫХ

«Мексиканская девушка». Герои фильма — Аурелио и Палома.

«Рио Эскондидо». Поселяне.

Творчество мексиканского кинорежиссера Эмилио Фернандеса

...Молодой пеон Лоренсо в отчаянии. Его любимая, цветочница Мария Канделярия, тяжело заболела малярией. Необходимо лекарство. Но жестокий хозяин плантаций дон Дамиан отказывает батраку в хинине. Грустный, Лоренсо направляется домой. За ярко освещенным окном лавки, принадлежащей хозяину, Лоренсо видит стеклянные банки с драгоценным порошком. И внезапно в его сердце вспыхивает возмущение; он разбивает стекло витрины и уносит домой банку с лекарством.

Жизнь Марии спасена, но Лоренсо попадает в тюрьму...

Этот эпизод из кинофильма «Мария Канделярия» характерен для творчества мексиканского режиссера Эмилио Фернандеса, знакомого советскому зрителю по фильму «Мексиканская девушка».

Ярко и выразительно рассказывает Фернандес о тяжелой жизни простых людей Мексики. Мексиканские крестьяне и рыбаки, женщины — бесправные рабыни в капиталистическом обществе, потомки древних инде цев, исконных жителей Мексики, обреченные на вымирание,— вот эго главные герои.

С большой любовью рисует Фернандес мужественных, великодушных, справедливых и добрых людей из народа. Только в среде простых людей встречается такая самоотверженная и чистая любовь, как любовь Аурелио к Паломе в «Мексиканской девушке».

Все симпатии Фернандеса на стороне угнетенных, на стороне трудящихся, задавленных властью помещиков, кулаков, крупных торговцев и других представителей правящих классов.

Фернандес показывает, что жестокая эксплуатация не превращает угнетаемых в покорных своей участи рабов, а, наоборот, вызывает у них отпор. Грозным предупреждением для насильников и угнетателей звучит заключительная часть фильма «Мексиканская девушка»: оба брата-кулака гибнут от руки Аурелио. В произведении Фернандеса «Жемчужина» рукой рыбака казнен убийца его ребенка, скупщик жемчуга. Гибнет и сельский деспот-касик в фильме «Рио Эскондидо».

Как и в советской кинокартине «Сельская учительница», в «Рио Эскондидо» рассказана судьба молодой девушки, полной горячей любви к своему народу, уехавшей в отдаленную, заброшенную деревню, чтобы учить грамоте крестьянских детей. Но как различен жизненный путь героинь этих двух кинопроизведений! Советская учительница становится уважаемым всеми директором школы, получает высокую правительственную награду. Она по праву гордится своими учениками, ставшими строителями своего государства. Такова судьба учительницы в социалистической стране, в государстве трудящихся. В фильме Фернандеса молодая учительница ведет упорную борьбу с местным диктатором-касиком, заинтересованным в том, чтобы крестьяне оставались неграмотными, невежественными людьми — так легче их эксплуатировать. Борьба кончается трагически: защищаясь от касика, учительница убивает его. Ее осуждают на смерть, но она идет на казнь с гордо поднятой головой, оставляя потрясенных крестьян убежденными в правоте их друга.

Произведения Фернандеса завоевали ему мировую славу; фильмы Фернандеса неоднократно получали премии на международных кинофестивалях.

Фернандес глубоко национален в своем творчестве. Его Мексика — это не декоративно-экзотическая страна с нескончаемыми боями быков, с «национальными» песенками и танцами в ночных кабачках, как ее рисуют другие режиссеры. Мексика Фернандеса — прежде всего крестьянская страна с прекрасной природой, бесконечными расстилающимися полями, с древней архитектурой, с вековыми национальными обычаями, праздниками.

Вместе с Фернандесом постоянно работает талантливый кинооператор Габриель Фигероа, так же как и Фернандес, глубоко любящий родную страну. Пейзажи Фигероа и Фернандеса, чрезвычайно живописные, трагичные, как и судьба героев фильма, хорошо передают и подчеркивают настроение действующих лиц.

В трагедийном плане раскрывает Фернандес чувства своих героев в ряде кинокартин — «Бугамбилия», «Покинутые», «Преступно-любимая», «Влюбленная» — чувства и страсти здесь выдвинуты на первый план, социальный фон почти исчезает. Между тем к лучшим произведениям Фернандеса принадлежат именно те его картины, в которых социально-общественные мотивы ярко выявлены: «Мария Канделярия», «Рио Эскондидо», «Жемчужина», «Лесной цветок», «Макловия», «Мексиканская девушка».

Самобытна творческая манера Фернандеса. Действие в его кинокартинах развивается в медленном ритме, как неторопливый, плавный рассказ о тяжелой судьбе людей, и тем сильнее воздействие этих киноповествований. Чувствуется, что Фернандес в противоположность другим мексиканским кинорежиссерам совершенно свободен от какого бы то ни было влияния американской кинематографии, чьи произведения заполняют экраны Мексики.

Социальную значимость произведений Фернандеса не следует все же переоценивать. Он нигде не показывает, что сила угнетенных трудящихся в единстве, в совместной борьбе против несправедливостей капиталистического строя. У Фернандеса борьбу ведут одиночки — главные герои фильмов; масса не поддерживает их. В показе представителей правящих классов Фернандес редко поднимается до обобщений; он видит все зло в бесчеловечном эгоизме отдельных «нехороших» людей: помещиков, капиталистов или кулаков.

Фернандес и Фигероа — члены мексиканского Комитета защиты мира, активные участники борьбы против поджигателей новой мировой войны. В этом их приобщении к политической жизни залог того, что они еще научатся отображать не только трагедию угнетенных одиночек, но и активную, сплоченную борьбу трудящихся за мир, за свои права, за лучшее будущее.

А. СОБОЛЕВ

Кадр из поставленного Эмилио Фернандесом фильма «Макловия».

ЛЫЖНАЯ ГОНКА

П. Володин на дистанции гонки.

Фото Н. Волкова

В. ВИКТОРОВ

Петр Володин на мгновенье остановился, оперся на палки и окинул взглядом округлую гряду хребта. Знакомая, близкая с детства картина. Еще мальчишкой он здесь впервые стал на лыжи, полюбил суровую уральскую природу: сосновые леса, взгорья, засыпанные снегом. Но и в то время Володин привык ощущать природу в движении, на стремительном разгоне; и теперь, не задерживаясь на вершине, он шагнул вперед и сразу же скользнул вниз с отвесного спуска так, что только снежная пыль метнулась за ним следом.

Гибкие его лыжи стремительно скользили по лыжне, и, захваченный этим легким, непринужденным движением, Володин радовался, что гонки на первенство страны 1951 года состоятся здесь, в Златоусте.

Володин приехал в Златоуст утром вместе с другими участниками первенства и сразу же отправился смотреть дистанцию. Они жили вместе, сильнейшие гонщики страны, и Володин так привык видеть рядом своих противников, что и сейчас чувствовал рядом Василия Смирнова, Владимира Оляшева, Михаила Протасова, Анатолия Борина, Аркадия Николаева. Он так хорошо знал каждого из них, что мог легко представить себе, как они проходят вместе с ним вот этот крутой подъем и извилистый спуск, петляющий между соснами.

Еще пятнадцать лет назад, впервые попав в среду сильных лыжников, в обстановку спортивного сбора, Петр Володин понял, что в лыжном спорте одному ничего не добиться. Он служил в то время в армии, проявил себя на занятиях способным лыжником и поэтому был направлен на сбор лучших спортсменов Уральского военного округа. Лыжники много часов проводили на снегу. Что нужно делать, чтобы бежать быстрее, чтобы не испытывать усталости на длинном и трудном пути? Молодой гонщик надеялся получить ответы на первой же тренировке, но только два километра смог пройти за своими сильными товарищами.

Он напрягал тогда последние силы и отставал все больше и больше, пока его тренер Михаил Протасов и остальные не скрылись из глаз.

Огорченный и уставший, ковылял Володин по безукоризненно ровной и узкой лыжне Протасова. Но разве можно по чужому следу изучить технику бега, искусство поворотов, умение быстро входить на горные вершины? Нет, не за свое дело, видимо, взялся, решил он тогда. А когда после сбора в гонке на двадцать километров он почувствовал, что двигаться дальше не может, что сил больше нет, ему захотелось тут же навсегда бросить лыжи...

...Когда Володин впервые приехал в Москву на первенство СССР, его никто не знал. В каком же году это было? В тридцать восьмом!

На семнадцатом километре гонки Володин услыхал чей-то голос: «Лыжню!» Едва успел Володин дать дорогу, как мимо него проскочил какой-то широкоплечий гонщик. Он двигался быстро, легко, накатисто. Его палки так и мелькали в воздухе. Володин бросился за ним. Им владело одно желание: не отстать, удержаться...

Два километра лыжники шли почти вместе, но на подъеме палка незнакомого гонщика соскользнула — и наконечник оцарапал лицо Володина. В азарте борьбы он не заметил этого, но на контрольном пункте врач потребовал остановки, и, пока ему прижигали царапину, лыжник уже скрылся...

Через несколько лет на лыжном сборе после тренировки, беседуя со Смирновым, Володин услышал из его уст рассказ о том, как однажды какой-то молодой гонщик помог ему выиграть первенство СССР.

— Понимаешь, Петр,— говорил Смирнов,— иду я здорово, всех обхожу и вдруг чувствую, кто-то «сидит на пятках». Увеличиваю темп, а он держится. На подъеме я его, беднягу, палкой зацепил, и так мне неловко стало, что я начал просто удирать. Еле ноги унес и, может быть, потому и выиграл...

...Быстро и легко скользя по лыжне, Володин вдруг расхохотался, вспомнив растерянное лицо Смирнова, когда он узнал, кто был этим незнакомым лыжником...

Володин отслужил свой срок в армии, поступил в Уральский индустриальный институт, перешел перед самой войной учиться в Военно-воздушную академию, окончил ее и остался в ней сотрудником, но попрежнему продолжал упорно тренироваться и участвовать во всех крупных соревнованиях. И так же, как на Урале, нашел он и в Москве человека, не жалевшего для него ни сил, ни времени. В Москве майор Володин встретился с подполковником Дмитрием Васильевым, одним из известных лыжных гонщиков, ставшим к тому времени тренером лыжников Советской Армии. Он много работал с Володиным, передавая ему свою технику, умение пользоваться различными стилями лыжного бега. В 1947 году Володин впервые выиграл первенство страны в гонке на восемнадцать километров, обогнав Валентина Матюшенкова и своего учителя Михаила Протасова. И вот теперь, спустя четыре года после своего первого крупного успеха, попав в родные места, Володин все спрашивал себя: «Неужели же здесь, на родине, на уральском снегу, я не добьюсь победы?»

Лыжное первенство 1951 года началось с того, что Петр Володин выиграл гонку на восемнадцать километров. Но теперь ему мало было одной этой победы. Силы не были растрачены. Почему бы не попробовать выиграть и пятидесятикилометровую гонку? Это трудно, но ведь Смирнову удалась однажды такая двойная победа...

И вот наступил последний день Всесоюзного первенства. Погода стала меняться еще с вечера, и участники только и говорили о том, какую мазь подобрать для самой трудной и ответственной гонки. Рано утром Володин и его тренер Васильев вышли на снег. Володин натирал мазью скользящие поверхности лыж, а потом осторожно трогал кончиками пальцев плоскости, как пробуют хорошо направленную бритву.

Когда Володин прошел к старту, там уже образовалась очередь участников. Лыжные гонки проводятся раздельным стартом, и каждые 30 секунд судья взмахивал флагом и отправлял в путь одного лыжника за другим. В воздухе стояло тонкое попискивание хорошо просмоленных и смазанных лыж, то и дело очередной гонщик стремительно бросался вперед, вонзая острие своих палок в утоптанный снег.

Володин видел, как ушли со старта Оляшев, Борин, Поносов, Протасов, Николаев. Где-то позади, дожидаясь своей очереди, стоял Василий Смирнов. «Не очень-то приятно иметь у себя за спиной такого гонщика!» — подумал

Володин. Но тут же его мысли, расчеты были оборваны взмахом судейского флажка. Петр Володин включился в борьбу.

Он помнил, что впереди с просветом в одну минуту шел Михаил Пöносов. Когда-то они вместе тренировались у Протасова, и Володин тогда из последних сил пытался держаться за ним. Теперь он поставил перед собой задачу как можно быстрее догнать Пöносова. На втором километре впереди показалась знакомая фигура, мелькнула рядом и осталась позади. Скорость взята хорошая. Лыжи скользят отлично. У начала подъема Володина встретил Васильев и крикнул вдогонку: «Хорошо! Держите темп!»

Начался трудный и длинный, четырехкилометровый, подъем, который Володин легко преодолел, с каждым шагом втягиваясь в движение, чувствуя привычную радость скольжения. Дистанция раскрывалась перед ним так же легко, непринужденно, как несколько дней назад, когда он сразу, с поезда, пришел сюда походить по знакомым местам. Подъемы перемежались спусками, очень ровными — «тягунами», как называют их лыжники. Лыжня проходила то в березняке, то по дну оврагов, то в медно-красном сосновом лесу.

Одного за другим Володин обходил лыжников, взявших старт раньше, чем он... На двадцать пятом километре он обошел Николаева, затем Морозова, Чернева. С каждым километром он добивался все большего преимущества, выигрывая у идущего сзади Смирнова уже 9 минут. На тридцать седьмом километре Володин увидел перед собой массивную и вместе с тем легкую фигуру Оляшева — чемпиона страны на эту дистанцию. Тот крикнул вдогонку Володину: «Давай, выигрывай, Петя!»

Всего десять километров оставалось до финиша, когда Володин занял голову гонки. Все лыжники, взявшие старт перед ним, уже остались позади. Но что делается сзади? Как идет Смирнов? И тут Володин почувствовал, что скорость его бега падает. Он сразу же понял, в чем дело: идущие впереди накатывали ему лыжню, а теперь он пробивал путь остальным.

«Ход не тот»,— отметил он. И тут же задал себе вопрос: «Что делать? Ждать, пока подойдут Борин и Протасов? Уступить кому-нибудь из них лыжню? Чепуха! Нужно идти самому вперед!» Но, несмотря на то, что Володин стремился вперед, не жалея сил, он вскоре услышал за собой учащенное дыхание, взвизгивание лыж, а затем и знакомый голос Михаила Протасова: «Дай лыжню!»

Существует непреложный закон гонки — уступать дорогу тому, кто идет быстрее тебя. И вот вперед проскочил Протасов, за ним Орлов, бросивший через плечо Володину: «Я перемазал лыжи. Теперь идут хорошо».

«Перемазать лыжи?» Нет — он еще не терял надежды на то, что теперь скольжение улучшится. Но лыжи шли все хуже и хуже. Еще один гонщик — Анатолий Борин — обошел его. Тревога закрадывалась в душу. «Что же будет дальше? Как Смирнов?»

Скатившись в ложбинку, он еще издали услышал голос Борина:

— Да здесь же мокрый снег!

Действительно, по лощине тянуло теплым ветерком. Их всех четырех обгоняла оттепель.

За лощиной начался крутой двухкилометровый подъем. Каждый шаг стоил огромных усилий. «Что же делать?»

Сойдя с лыжни, Володин снял лыжи и тупым ножом стал быстро снимать мазь. Затем он наложил новый слой и снова бросился вперед. «Никакого результата»,— отметил Володин. Бежать было трудно. И, поднявшись наверх, догнав Борина, который тоже менял мазь, Володин решил: «Пока он мажет, надо и мне».

Он снова снял мазь со скользящих поверхностей, наложил новый слой и кинулся вслед за Бориным. Лыжи совсем не шли. «Наверное, подлип снег,— подумал Володин,— ног не могу оторвать». И в самом деле, к свежей мази толстым слоем прилип снег. «Что же делать? На таких лыжах далеко не уедешь».

Протасова и Борина уже не видно, лыжи Николаева легко несут его вниз, а лыжи Володина еле ползут.

«Ничего не поделаешь. Надо еще раз! — сказал себе Володин.— Так все равно проиграю». И он остановился в третий раз и мокрыми, озябшими руками снимал снег вместе с мазью. На большее времени у него не оставалось. «Пойду так, как есть»,— решил он и, поставив носки своих ботинок в крепления, резко и сильно оттолкнулся от снега. Что это? Одна лыжа вырвалась у него из-под ноги и покатилась вниз. Володин успел заметить, что дужки крепления на лыже не было. «Неужели потерял?.. Тогда все!» От этой мысли сердце у него замерло. Он оглянулся и тут же увидел дужку на снегу. Володин подхватил ее и поехал вниз на одной лыже догонять вторую, а она все катилась и катилась, подпрыгивая на буграх, и никак ее было не догнать. Наконец ему удалось остановить ее палкой.

— Выигрываешь у Смирнова всего две минуты! — крикнул ему один из болельщиков.

«Как, всего две минуты?» — удивился Володин. И тут-то сказался характер Володина, упорный, уральский его характер. Он заставил себя тут же отбросить все мысли, все волнение и броситься вперед.

Вот он обогнал Борина, Николаева. Теперь только Протасов впереди. Володин кричит ему еще издали:

— Миша, у меня секунды решают, пропусти!

И Протасов бросается в сторону от лыжни, пропуская вперед Володина.

Вот и последний спуск. Ноги едва управляют лыжами, палки с трудом вонзаются в снег. Уже видны внизу флаги и люди. И, финишируя из последних сил, еще не зная, выиграл он или проиграл, Володин пролетел по живому коридору и круто затормозил.

Только теперь он почувствовал, что его перкалевый белый костюм, шерстяные гетры насквозь мокры, что он невыносимо устал. Кто-то накинул ему на плечи пальто, кто-то пожимал ему руку, но Володин ничего не видел. Он смотрел туда, на белый склон, где с секунды на секунду должен был появиться Василий Смирнов.

Вот он, Смирнов! Выскочил на вершину и метнулся вниз, сильно отталкиваясь палками, словно пытаясь воткнуть их в снег по самые ремни.

— Проиграл Смирнов! — услышал Володин голос Васильева.— Поздравляю вас, Петр Александрович!

А Володин никак не мог оторвать глаз от лыжни, он все еще дышал воздухом этой гонки, перед ним все еще колебались две чаши весов, и на одной из них лежал тяжелый груз только что пройденных километров, а на другой две минуты, решившие победу.

Когда река скована льдом

В отличие от прошлых лет гребцы осенью не расстались с веслами. Они перенесли свои тренировки во вновь отстроенный бассейн.

Две легкие лодки с пятью веслами на каждой стоят, наглухо привинченные к каменному полу. Оборудованы они так же, как и любой скиф. Вокруг лодок вода. Гребцы опускают весла, и светлое с кафельными стенами помещение наполняется шумом, по бассейну бегут волны. Сто двадцать пять ударов веслами по воде означают, что «пройден» один километр. Специальные зеркала отражают движения спортсменов, позволяют их контролировать.

Занятия в бассейне начинаются в 8 часов утра и заканчиваются поздно вечером. Спортсмены добровольных обществ «Крылья Советов», «Буревестник», «Динамо», «Торпедо», «Химик», сменяя друг друга, совершенствуют технику гребли, изучают тонкости этого замечательного вида спорта. Наряду с опытными мастерами здесь можно встретить и юных гребцов. Занимаются они в детской спортивной школе ВЦСПС под руководством заслуженного мастера спорта Надежды Кругловой. Большинство из них — школьники, но есть и учащиеся техникумов, рабочие, служащие. Всех их объединяет любовь к гребному спорту, желание стать спортсменами высокого класса.

— Приготовились! — командует в микрофон Н. Круглова. Радио разносит ее голос по бассейну.

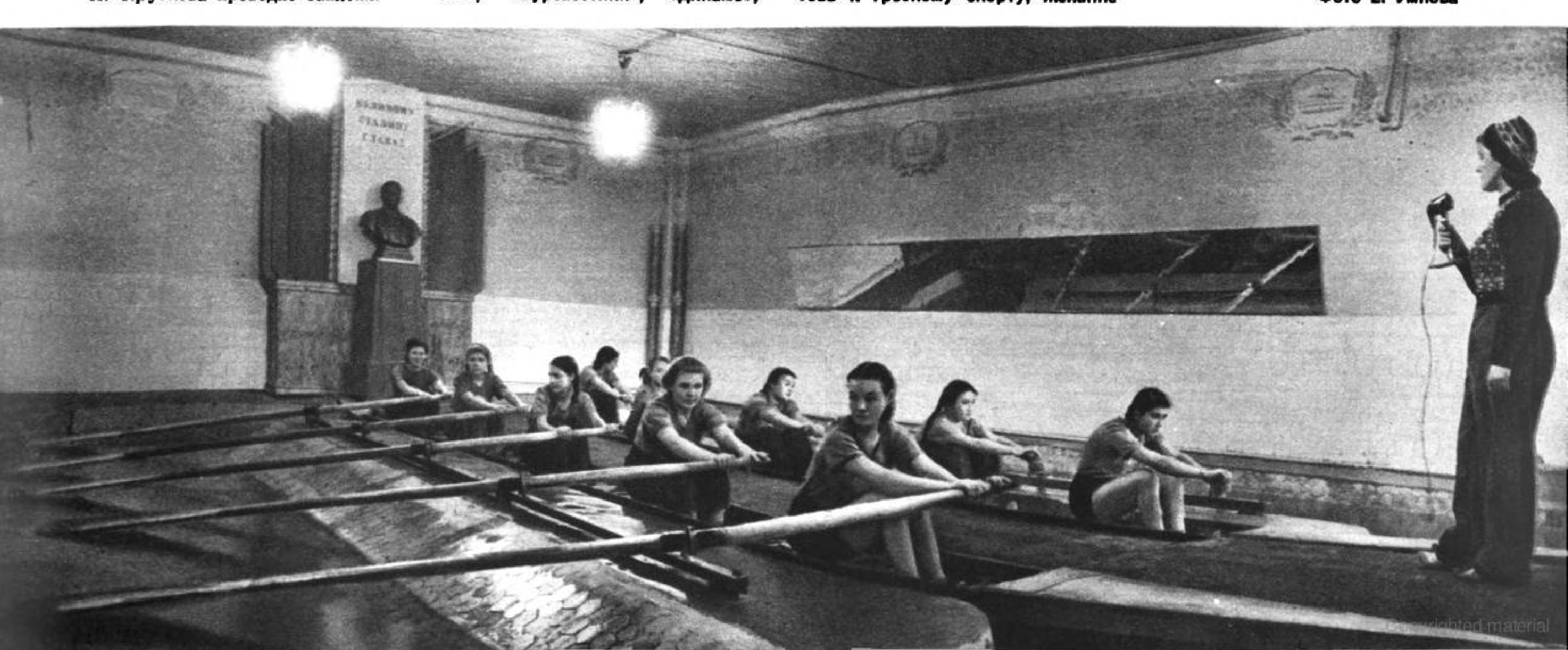
Очередной урок начался. Занимается группа девушек.

Расположенный у Каменного моста новый бассейн — замечательный подарок гребцам столицы.

Е. РУБИН

Фото Е. Умнова

Заслуженный мастер спорта Н. Круглова проводит занятия.

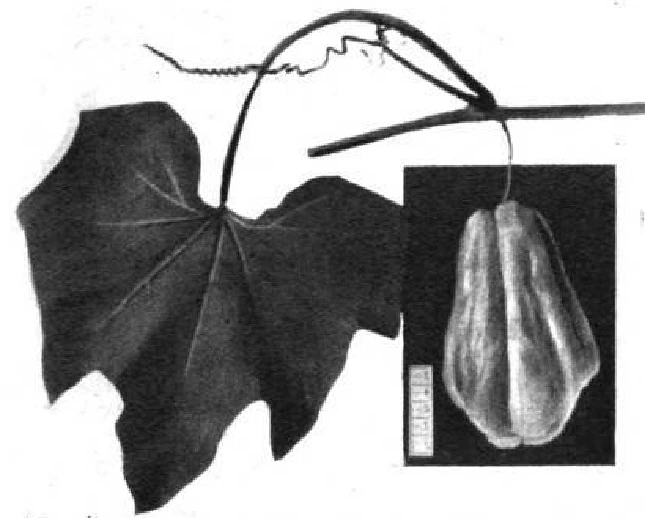
ЧАЙОТ

В садах Черноморского побережья Кавказа любители разводят новое растение — чайот, или мексиканский огурец. Его толстые плети густо стелются по земле или, обвивая трельяжи, точно лианы, достигают крыш двухэтажных домов.

Между шершавыми пятиугольными листьями чайота свисают крупные грушевидные плоды, покрытые кремовой кожицей. Своей плотной мякотью и вкусом они напоминают кабачок. Местные кондитеры готовят из них конфеты и цукаты, а на консервных заводах — икру, соусы и маринады.

Плоды чайота созревают в ноябре — декабре, когда почти нигде свежих овощей уже нет.

Хотя чайот — растение многолетнее, его обычно выращивают, как однолетнее. Куст дает в среднем 50—70 плодов весом от 200 до 500 граммов каждый.

При правильном уходе с одного гектара можно получить сто тысяч плодов, общим весом до 50 тонн.

Чайот замечателен не только как зимнее овощное растение. Некоторые формы его дают подземные корнеплоды, подобно картофелю, с весьма богатым содержанием крахмала. Чайот — чудесный медонос. В начале сентября начинают распускаться его миниатюрные бледнозеленые цветки, которые на протяжении почти двух месяцев привлекают пчел своим сладким и обильным нектаром.

Из стеблей чайота можно получить прочное серебристое волокно для изготовления шляп и других плетеных изделий. Плети и листья — питательный корм для скота.

Чайот интересен и как декоративное растение.

Мичуринскими методами чайот может быть продвинут в более северные районы Кавказа, Крыма и Средней Азии.

А. ВЕКСЛЕР

ЖИВОЙ МЕЧ

В Черном море, вдали от берегов, изредка попадается темностальная с белым брюхом рыба. Она достигает внушительных размеров — до пяти метров длины. Зубов у нее нет, зато она имеет другое, совсем необычное «вооружение»: верхняя ее челюсть сильно вытянута в виде длинного меча, а нижняя — заострена, как другой, более короткий меч. Поэтому ее называют меч-рыбой.

Мясо ее довольно вкусно, и она служит предметом промысла главным образом в Средиземном море и в Тихом океане. Сама она питается некрупной рыбой и беспозвоночными. Врываясь иногда в стаю рыб, хищница с необыкновенной быстротой наносит удары своим страшным оружием. Меч-рыба бросается и на гигантов водного мира — китов — и более того... на суда.

Известен случай, когда меч-рыба, бросившись на корабль, пробила своими мечами не только его очень прочную обшивку, но и дубовый шпангоут толщиной в тридцать сантиметров! Шпангоут — это одно из многих ребер каркаса судна, к которым крепится наружная его обшивка, образующая корпус. Вначале в борт корабля вошел один меч, пробил его насквозь и обломился, следом вошел второй меч, более короткий, и также, пробив борт, обломился.

Можно представить, каковы были сила удара, крепость мечей и скорость движения рыбы!

Академик В. В. Шулейкин в одном из своих очерков по физике моря, рассказывая об этом случае, сообщает интересную подробность.

«Сравнивая, — пишет он, — полученный эффект (то есть результат нападения меч-рыбы на корабль. — Б. М.) с действием артиллерийского снаряда малокалиберной скорострельной пушки, академик Крылов определил примерную величину скорости, с которой рыба бросилась на корабль, видимо, с самыми агрессивными намерениями. Оказалось, что скорость рыбы ни в коем случае не могла быть меньше 50 узлов, т. е. 90 км в час».

Б. М.

Заметки книголюба

Книга на 356 языках

В 1872 году в Лондоне открылась международная выставка «произведений наук, искусств и ремесел». Особенно тщательно готовились к выставке английские промышленники. Чтобы не допустить конкуренции, были выработаны специальные условия, позволявшие жюри отводить многие интересные иностранные экспонаты.

Любопытный эпизод произошел в павильоне писчебумажного, типографского и литографского дела.

В каталогах выставки, выпущенных до ее открытия, особо усердно рекламировалась английская полиграфия, утверждалось, что равной ей нет во всем мире.

Британское библейское общество приготовило специально к выставке своеобразный типографский шедевр — книгу, в которой молитва «Отче наш» была напечатана на 202 языках. В каталогах ее называли уникальной, единственной в своем роде, неповторимой...

Каково же было удивление лондонцев, когда среди русских экспонатов они увидели скромно изданные «Образцы шрифтов типографии и словолитни Академии наук»! Книга эта была отпечатана в Петербурге в 1870 году; здесь один и тот же текст был повторен на 356 языках.

Замечательные по точности и красоте, шрифты Академической типографии наглядно демонстрировали превосходство русских словолитных мастеров.

Однако и кроме шрифтов Россия представила на выставке много интересного и примечательного.

8 августа 1872 года газета «Дейли телеграф» вынуждена была отметить: «Всякий, кто посвятил малейшее внимание осмотру печатного отдела, должен допустить, что Россия из всех иностранных государств занимает самое достойное место». Газета подчеркивала «очевидное преимущество России в этой области».

Особенно поразили англичан замечательные работы ведущей русской типографии — Экспедиции заготовления государственных бумаг. Экспонаты Экспедиции, отмечала 19 августа газета «Стэндарт», «произвели сенсацию в среде писчебумажных фабрикантов, печатников, ...захватили английских заводчиков врасплох». Указывая на «артистическую красоту и техническое совершенство» русских экспонатов, та же газета отмечала «ошибочные понятия о недосягаемом совершенстве британского производства».

Е. НЕМИРОВСКИЙ

Юмор за рубежом

МИНИСТЕРСТВО МОРСКОГО ФЛОТА

В Организации Объединенных Наций шли горячие дебаты. Делегат Люксембурга требовал, чтобы его стране разрешили иметь собственный морской флот и министерство морского флота.

— К чему вам это, раз у вас нет выхода к морю? — спросил делегат США.

— А к чему вам министерство юстиции? — возразил люксембуржец.

Из польского журнала «Муха»

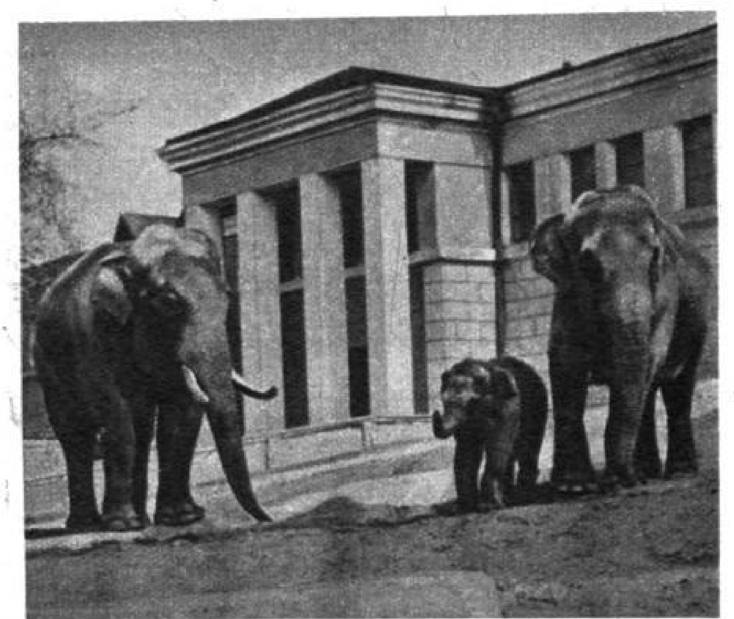

Фото П. Воробьева

Семья слонов

Пара бойких воробьев, затеяв веселую возню, с громким чириканьем носится в воздухе. Заметив на цементной площадке несколько зерен овса, птички устремляются к ним. Маленькие забияки наступают друг на друга, стараются поскорее склевать зерна. Неподалеку, у металлической ограды, стоит слон. Он наблюдает за птичками. Воробьи приближаются к слону. Животному явно не по себе, огромные уши приходят в движение. Позади слона металлическая решетка, а бойкие птички продолжают приближаться. Как быть?

На помощь к осажденному воробьями слону неслышно приближается другой слон, значительно крупнее первого: это его отец Шанго. Он заметил смятение Москвича — так зовут его трехгодовалого сына — и спешит на выручку. Подойдя к воробьям и протянув хобот, Шанго дует. Подхваченные мощным потоком воздуха, перепуганные птички улетают, скрываясь в вентиляционном окне, через которое они проникли в слоновник.

Москвич родился в Московском зоопарке в августе 1948 года. Слоненок сейчас, хотя и весит около полутора тонн, — по возрасту еще подросток. Слоны становятся взрослыми к 15 годам.

В раннем детстве Москвич был очень напуган шумной стайкой воробьев. От мнимой опасности слоненок забрался под брюхо матери-слонихи Молли. С тех пор у Москвича сохранился страх перед воробьями. Когда на прогулке Шанго и Молли замечают близко пролетающий самолет, они тревожно трубят. Москвич спокойно следит за удаляющимся самолетом. У него, рожденного в неволе, вырабатываются свои привычки, свое отношение к окружающему. Все же во многом Москвич подражает своим родителям.

Подойдя к двери, ведущей в летний загон, Шанго хоботом забарабанил по ней, как бы прося, чтобы его выпустили наружу. В этой затее ему охотно помогает Москвич. Однажды Шанго удалось отвинтить гайку в железной двери. Подвижной хобот слона и сейчас, перестав барабанить, пробует добыть такой же «трофей». Занятие Шанго привлекает слоненка, и он помогает отцу. Но металлические крепления не поддаются усилиям животных.

Наступил час кормления. Слоны торопятся занять свои места. На десерт слонам выдают сахар. Шанго поднимает высоко хобот, стараясь получить добавочную порцию. Москвич не зевает и подражает Шанго, также изо всех сил стараясь «заработать» лакомство. После уборки площадка обильно посыпается опилками. Этого момента с нетерпением ждет слоненок. Он долго возится с опилками, собирая или разбрасывая их хоботом. Есть у него еще одна любимая игра: сохранив от обеда немного свеклы, Москвич, став на нее ногой, осторожно скользит по цементному полу, как на катке. Но вот свекла превращается в месиво и проглатывается «конькобежцем».

Шанго иногда не прочь повозиться со своим резвым сыном. Прислонившись друг к другу выпуклыми лбами, слоны меряются силой. К большому удовольствию Москвича, отец ему иногда уступает. Но вот Шанго прилег отдохнуть, а раззадорившийся Москвич хочет продолжить забаву. Он подталкивает Шанго и даже садится ему на голову. Шанго встает, но не для забавы. В небольших коричневых глазах животного сверкнул гнев. Испуганный Москвич спешит под защиту матери. Слониха, став поперек площадки, загородила проказника. Молли встревожена, ее хобот предупреждающе бьет по полу. Шанго не стал нарушать семейный покой и оставил шалуна.

Но не всегда так поступает Шанго. Однажды летом в холодную погоду Молли и Москвич слишком долго резвились в водоеме. Шанго несколько раз подходил к краю бассейна и призывно трубил, приглашая их выйти на берег. Молли и Москвич продолжали барахтаться в воде. Тогда Шанго, войдя в бассейн, наградил ослушников несколькими увесистыми шлепками хоботом. Молли и Москвич хорошо запомнили этот «урок» и после него покидают водоем всегда вместе с Шанго. Быть может, и сейчас Москвич вспомнил летнюю взбучку, так как, выйдя из-под защиты матери, он лбом стал тереться о жесткую кожу Шанго, как бы прося прощения. Шанго не стал наказывать провинившегося сына.

Когда Шанго жил в зоопарке один, без семьи, он отличался буйным, неукротимым «характером». Сейчас, особенно с появлением Москвича, нрав животного заметно изменился к лучшему.

С. КАНЦЛЕР

Любители подледного лова

Фотоочерк Вл. Минкевича

Лунки продолблены, установлены маленькие удочки — «кобылки». Лески с крючками, наживленными лакомым мотылем, или с блесной — на подлещика или на щуку — уходят в глубь прозрачной воды.

...Воскресное утро. В предрассветной мгле на льду Бутаковского залива, словно грибы, одна за другой вырастают палатки. «Полотняный городок» спортсменов — любителей зимнего уженья — тянется вдоль залива и выходит на широкий ледяной простор канала имени Москвы. Палатка защищает рыболова от стужи и ветра, но многие предпочитают ловить на открытом воздухе.

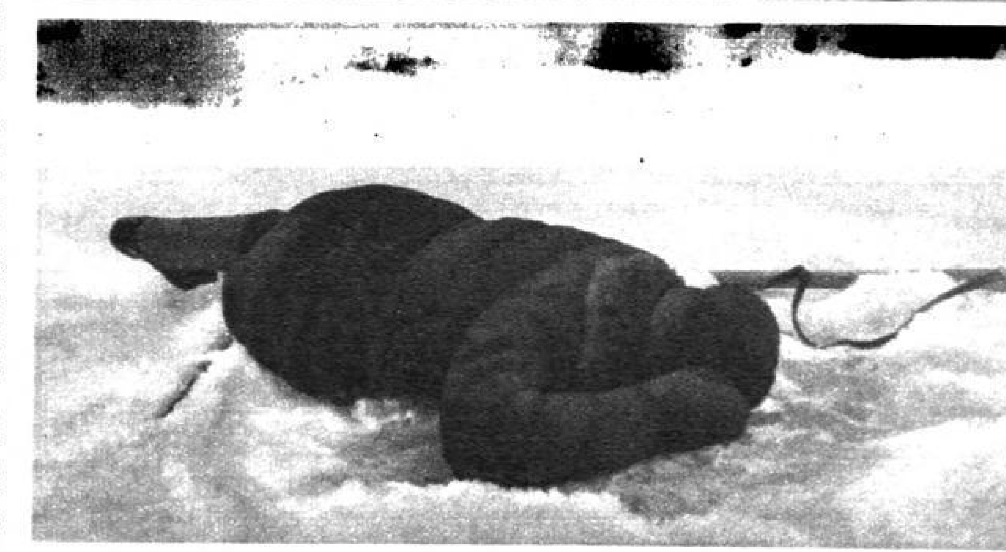
Мы идем по льду канала к Химкинскому речному вокзалу. Из палаток то и дело слышны грозные окрики: «Не подходи близко! Рыбу распугаешь!..»

Рыбная ловля — увлекательный спорт. Стоит однажды испытать, как леска, словно натянутая струна, упруго задрожит в руках рыболова и в воздухе блеснет краснопёрый окунь или скользкий налим, — погиб человек! В выходной день его неудержимо потянет на лед...

А это что?.. На льду, уткнувшись носом в лунку, лежит человек. Оказывается, и это рыболов. Опустив предварительно на дно реки кормушку с мотылями, он наблюдает в прозрачной воде ход рыбы и забрасывает удочку только «наверняка».

Мороз крепчает. Вдоль палаток скользят саночки, это буфет на полозьях Химкинского райпищеторга — продавщица предлагает бутерброды, горячий чай и кофе в термосах, а друзьям — стахановцам машиностроительного завода мастеру В. Д. Бардакову и слесарю Н. А. Салыгину — еще вдобавок и заслуженные «сто граммов». Есть за что: улов у них сегодня отличный!

В синие сумерки пустеют ледяные просторы канала. Улов подсчитан: кто добыл три, кто пять килограммов рыбы. Есть и неудачники — их улов лишь пара ершей.

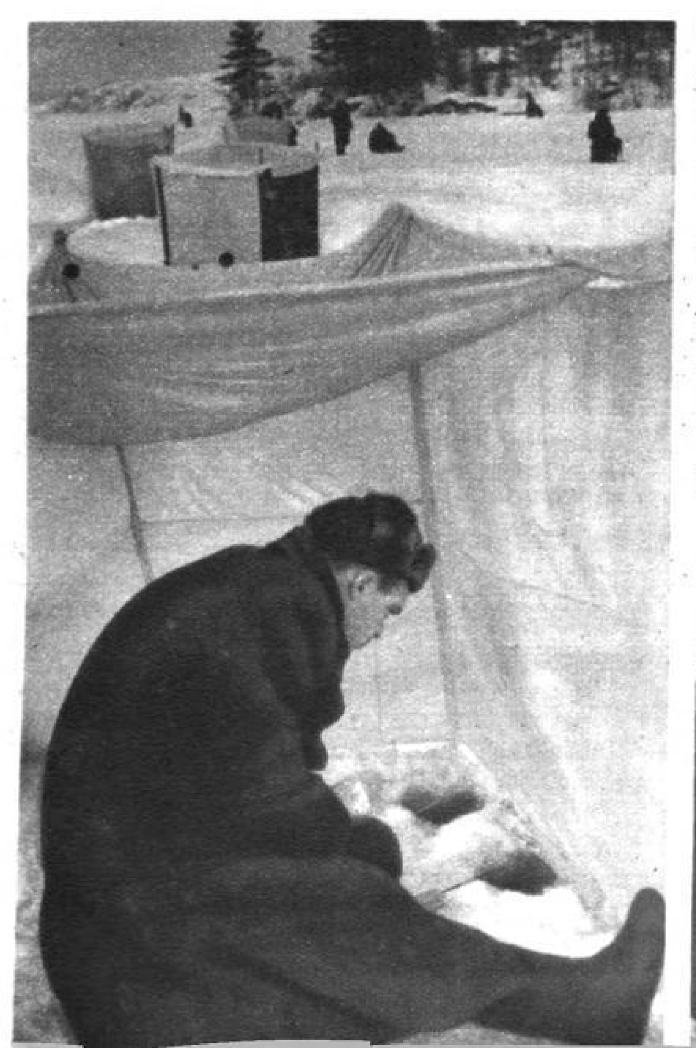

Но ничего — в следующее воскресенье повезет...

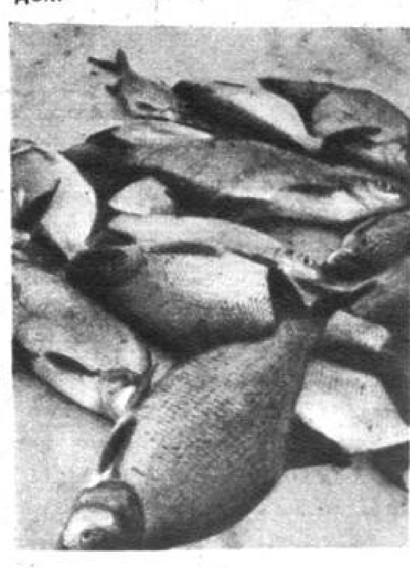
Палатки скатаны, рыба вместе с миниатюрными удочками спрятана в чемодан. «Подледники» направляются к остановке автобуса. На шоссе загораются гирлянды фонарей.

А на льду в сумерках еще маячит одинокая озябшая фигура. Упрямец, склонившись над лункой, не теряет надежды:

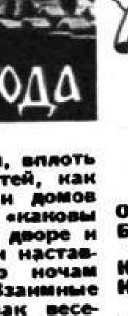
— Авось, еще клюнет напоследок!

Из прошлого

Москва, 1 января 1700 года

Утонувшая в сугробах старая Москва, с ее деревянными домами, усадьбами, глухими заборами, церквами и церквушками, выглядела необычно. На Красной площади жгли «огненные потехи» и стреляли из небольших пушек и мушкетов. Стрельба шла и по городу. Из дворов в темное зимнее небо взлетали разноцветные ракеты, а «по улицам большим, где пространство есть», горели огни — костры и поднятые на столбики смоляные бочки. При таком освещении обычно темных улиц было видно, что ворота и дома украшены хвоей «от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевеловых».

Взбудораженные москвичи поздравляли друг друга с наступлением Нового, 1700 года.

Как для них, так и для всей Руси он был действительно совершенно новым. До этого, по стародавнему обычаю, новолетие справляли 1 сентября, летосчисление вели от «сотворения мира». Петр I перешел на летосчисление, принятое и в наше время. Он установил начало гражданского Нового года с 1 января. Порядок его празднования предусматривался специальным указом, вплоть до таких подробностей, как украшение ворот и домов хвоей по образцам, «каковы сделаны на Гостине дворе и у нижней аптеки», и наставлений, из чего «по ночам огни зажигать». Взаимные поздравления «в знак веселия» также были предусмотрены.

Стрельба «из небольших пушечек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетов или иного мелкого ружья», пуск «ракетов», украшение домов и зажигание огней были возложены на «знатные дворы», «а людям скудным» предлагалось «каждому хотя по деревцу, или ветьве на вороты, или над храминою своею поставить» и огонь класть, «собрався пять или шесть дворов». Целую неделю дома стояли украшенными, а, как стемнеет, на улицах пылали огни.

Так были организованы салют, иллюминация и все празднование первого гражданского Нового года. Наибольшее удовольствие оно доставило, конечно, молодежи и простому народу, как невиданное, шумное и веселое зрелище.

Б. АЛЕКСЕЕВ

АМЕРИКАНСКИЙ СЛУЧАЙ

Однажды вечером в Бруклине
Был случай в книжном
магазине.
Какой-то юноша вошел
И крикнул: «Выручку
на стол!..»
«Кто пикнет — труп!..»
«Не шевелиться!..»
«От пули Джека
не укрыться!..»
Пришедший в ужас всех
поверг,
И каждый поднял руки
вверх...
Но в этот миг не без запинки
«Ах, что вы! — юноша
сказал, —
Я только книжные новинки
Последних выпусков
назвал...»

Борис ТИМОФЕЕВ

Обо всем

«ДАЛЬНОБОЙНАЯ» ФОТОГРАФИЯ

Учеными найден способ делать фотоснимки, пользуясь не обычным светом, а инфракрасными (невидимыми) лучами. Для таких съемок пользуются пластинками, обработанными специальным составом.

Фотограф, вооруженный аппаратом, приспособленным для съемок в инфракрасных лучах, может производить съемки в тумане, в пыли, в дыму, когда ничего не видно в двух шагах. На снимке получится вполне отчетливое изображение, так как туманная дымка прозрачна для невидимых лучей.

Эта особенность инфракрасных лучей дала возможность фотографировать очень отдаленные предметы, например, высокую башню в 30—40 километрах или горы, находящиеся в 100 километрах от аппарата.

«МОЛНИИ» В СНЕГУ

Известны случаи, когда снежные метели сопровождались вспышками фиолетово-голубого сияния. Они, словно молнии, озаряли снежные вихри. Такие же вспышки «молний» голубоватого или желтоватого цвета наблюдались ночью при падении снежных лавин в горах.

Такое свечение возникает в результате трения сухих кристалликов снега о воздух или ледяную поверхность, что создает электрические явления.

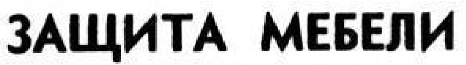
ОБОНЯНИЕ СЕТТЕРА

Собаки обладают отличным обонянием. Они способны распознавать один какой-либо запах из смеси в 10—15 запахов.

С одним сеттером проделали такой опыт. Двенадцать человек во главе с хозяином сеттера прошли солидное расстояние от условленного места гуськом, так, что каждый ставил ноги в отпечатки ног идущего впереди.

Затем владелец собаки с пятью идущими следом за ним повернул направо. Остальные свернули налево. Отойдя на некоторое расстояние, обе группы спрятались.

Сеттера пустили по следу, идя по которому он безошибочно пришел к месту, где прятался его хозяин.

ЗАЩИТА МЕБЕЛИ

Группа читателей журнала «Огонек» просит сообщить, что собой представляют вредители мебели и как их уничтожить. Лесовод-инженер Б. В. Княжецкий, разработавший новый способ борьбы с жуком точильщиком, сообщил нашему корреспонденту нижеследующее.

* * *

Ночью в некоторых квартирах иногда раздаются звуки, напоминающие тиканье часов. Их издает грозный разрушитель древесины — маленький темнобурый жук точильщик. Вылетев из мебели, деревянных стен или пола, он стучит своим крепким грудным щитком в дерево, словно возвещая о появлении на свет.

Молодой жук не грызет дерева. Он лишь откладывает яйца, прикрепляя их к шероховатой поверхности древесины, например, в ножки шкафа, стола, щели пола, подоконника, и после этого гибнет.

Личинка, вонзая свои крепкие челюсти в дерево, питается им. Прожорливая хищница выгрызает отверстие и вползает в него целиком. В темноте она прокладывает в древесине скрытый туннель, извилистый и длинный.

Спустя несколько месяцев, когда приближается последняя стадия развития — превращение личинки сперва в куколку, а затем в жука, — насекомое, руководимое инстинктом, движется к наружной поверхности дерева и за один лишь миллиметр от него останавливается. Это расстояние рассчитано с поразительной точностью: жук способен перегрызть только тонкую пленку — не больше миллиметра, — чтобы выйти наружу и приступить к откладке яиц.

Отсюда вывод: не допускать личинок к поверхности древесины, и тогда насекомые, замурованные внутри, погибнут и размножение их прекратится.

Личинка ест только чистую древесину. Даже наткнувшись на сучок, из которого не выветрился запах смолы, она огибает его. Достаточно лишь наружный слой сделать несъедобным, и насекомое не сможет приблизиться к поверхности.

Лучшим средством оказалось минеральное масло, соляровое или вазелиновое, которым обмазывают древесину из расчета 100—150 граммов на квадратный метр. Масло пропитывает слой дерева на глубину 3—4 миллиметров. Поверхность дерева, покрытая краской и лаком, не нуждается в пропитке, если только она не повреждена.

Есть и другое проверенное средство. Древесину смазывают однопроцентным раствором кремнефтористого натрия или двухпроцентным раствором фтористого натрия. Любое из этих веществ образует отравленный слой, уничтожающий яйца и жуков.

В этом номере помещены репродукции картин художников А. Е. Архипова «На Волге», Н. А. Касаткина «Сбор угля», А. И. Корзухина «У краюшки хлеба» и четыре страницы цветных фотографий.

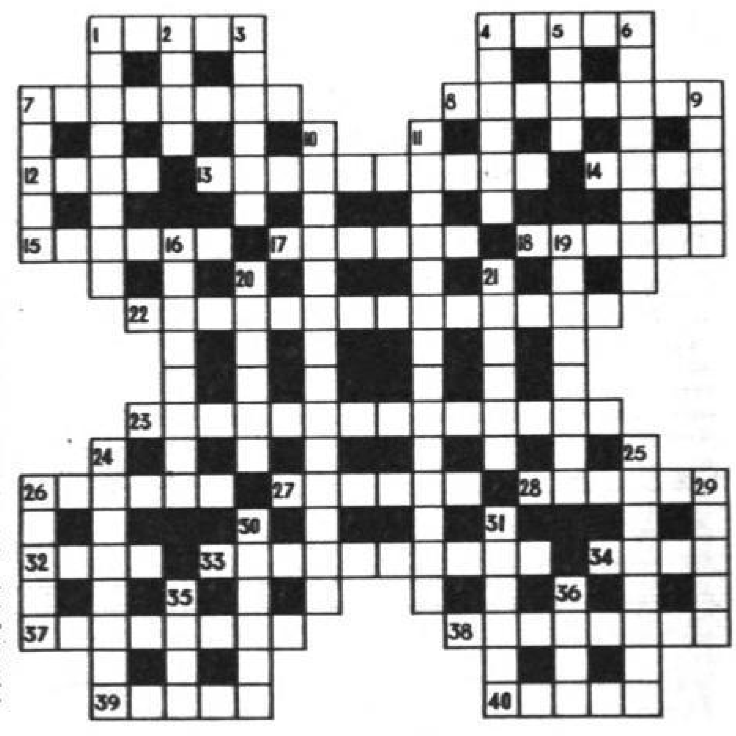
По ту сторону...

«ИГРЫ С УБИЙСТВОМ»

Если у человека образуется досуг, то это, как полагают заправилы США, не приводит ни к чему хорошему. Мало ли о чем может он задуматься! Например, о войне в Корее, приносящей баснословные барыши тем, кто ее затеял, и похоронные извещения о тех, кто принимает в ней непосредственное участие; о все более растущей безработице; о дороговизне и о прочих столь же безрадостных вещах. Ни секунды без дела! Забивайте голову чем хотите — порнографическими романами, идиотскими фильмами, зрелищем полуодетых герлс. И вот одна американская фирма рекламирует в журнале «Популярная наука» новое средство для заполнения свободного времени — малайский нож.

Для «самозащиты, для игр с убийством (существуют, оказывается, и такие), для искусства точного попадания в цель» и предлагается это «мощное, бесшумное, точное оружие». С истинно американской деловитостью перечисляются боевые и развлекающие качества «игрушки». К ней прилагается четкая инструкция, облегчающая точное и умелое пользование ею. И стоит все, вместе взятое, всего два доллара. Купите — и вы будете иметь и занятие и удобное оружие на всякий случай, а главное, у вас не останется времени для опасных размышлений о том, куда ведут Америку ее правители.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Надежная защита, твердыня. 4. Быстрый аллюр. 7. Устройство в телефонном аппарате, реагирующее на определенные импульсы электрического тока. 8. Выдающийся русский ученый в области авиации. 12. Публичное выступление. 13. Земельное пространство, ограниченное определенными пределами. 14. Положительный электрод. 15. Совокупность метеорологических условий. 17. Порода голубя. 18. Мыс на острове Врангеля. 22. Описание, определение отличительных свойств. 23. Создатель учения, теории. 26. Выдающийся советский ученый-геолог. 27. Письменные заметки. 28. Часть стихотворного произведения. 32. Птица. 33. Выдающийся грузинский композитор. 34. Полуостров на Севере. 37. Важность, значение. 38. Догадка, инстинктивное понимание. 39. Скульптура Антокольского. 40. Род печенья.

По вертикали:

1. Учащийся, имеющий высшую оценку знаний. 2. Изгиб реки. 3. Создатель. 4. Крупный песок. 5. Персонаж из «Снегурочки». 6. Работник, сопровождающий гурт скота. 7. Краска. 9. Болезнь. 10. Разработка проекта сооружения. 11. Вид рекомендации. 16. Собрание мелких произведений литературных, музыкальных. 19. Гигантское южное дерево. 20. Сорт сукна. 21. Вооруженная охрана. 24. Одно из пяти чувств. 25. Определенная ступень в развитии общества. 26. Рыба. 29. Дорожка в парке. 30. Сорт бумажной материи. 31. Русский механик-самоучка, построивший первый в мире гусеничный трактор. 35. Пища животных. 36. Вертикальная горная выработка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

2. Год. 5. Паника. 6. Носида. 9. Полиция. 10. Вермахт. 11. Сенатор. 13. Пушки. 15. Война. 18. Турок. 21. Фашизм. 22. Карман. 23. Судья. 24. Дудка. 26. Ватикан. 28. Сенат. 29. Барух. 30. Стихия. 32. Правда. 33. Мираж.

По вертикали:

1. Англия. 2. Гарриман. 3. Дипломат. 4. Бизнес. 7. Голливуд. 8. Браунинг. 12. Афера. 14. Кризис. 16. Отрава. 17. Гангстер. 18. Тюрьма. 19. Кляуза. 20. Макартур. 25. Фарс. 27. База. 31. Янки. 32. Папа.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 10711. Подписано к печати 31/XII 1951 г. Изд. № 718. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Заказ 3048. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА Д. ДУБИНСКОГО К ПОВЕСТИ АРКАДИЯ ГАЙДАРА «РВС»

Волнующие новости.

А на другой день уезжал незнакомец.

— Ну, будет, Димушка! Стоит об собаке...

— Но если вы проболтаетесь, то меня убьют...

— Убежим, Жиган!

Бандиты ищут раненого.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ЗУБНОЙ ПОРОШОК „МЯТНЫЙ"

ПРОДАЕТСЯ В ФИРМЕННЫХ МАГАЗИНАХ ГЛАВПАРФЮМЕРА,
МАГАЗИНАХ ГОСТОРГОВЛИ, АПТЕКАХ И КИОСКАХ